Владимир Крайнев

КАПЕРАНГ И ГЕНЕРАЛ ОТ ЛИТЕРАТУРЫ

Санкт-Петербург
2019 г.

Крайнев В. В.
Каперанг и Генерал от литературы / Крайнев В. В.,
– Санкт-Петербург. – ООО «ГАЛАНИКА», 2019. – 290 с.

ISBN ___-_-____-_-_

© Крайнев В. В., 2019

КАПЕРАНГ И ГЕНЕРАЛ ОТ ЛИТЕРАТУРЫ

Предисловие

Возможно кто-нибудь из читателей, прочитав заглавие книги, в недоумении скажет: «Какое странное название?! Если речь идет о каперанге, то при чем тут генерал? Тем более от литературы….»

Но, уважаемые читатели, ничего странного и непонятного в названии книги нет. Каперангом называют моряки офицера со званием: капитан первого ранга, для кратности в обыденном разговоре. Это по армейским маркам звучит как полковник.

Поэт Борис Орлов служил на флоте, был подводником и вышел в отставку в звании капитана первого ранга. Зато, почему полковник к тому же и генерал, а тем более от литературы, совсем не военной профессии, объяснить следует. В русской армии генералов называли по роду войск, в которых он служил: генерал от кавалерии, от артиллерии, от инфантерии (пехоты-матушки).

Свои первые стихи Борис Орлов опубликовал еще семнадцатилетним юношей, если сказать на морском сленге – юнгой. О их качестве можно судить по продвижению поэта вверх пол лестнице мастерства: он взошел на пьедестал почета, став Секретарем Союза писателей России в Москве, а затем его выбрали председателем правления Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России. А возглавлять писательскую организацию в культурной столице России может только генерал от литературы.

Существует русская народная поговорка, истоки которой идут из глубокой старины древних цивилизаций: «скажи мне. Кто твой друг, и я скажу кто ты».

У Бориса было много друзей в литературной среде, имена которых звучали, звучат и будут звучать всегда: Михаил Дудин, Алексей Сурков с его легендарной «Землянкой»: «Мне в холодной землянке тепло от твоей негасимой любви». И это сказал человек, который ходил в четырех шагах от смерти: Константин Симонов. Автор, который первым сказал, что жестокая Великая Отечественная война поделила всех солдат на две категории: «Живых и мертвых». Борису Орлову пришлось провожать Симонова в последний путь. Борис Александрович удостоился чести нести награду на подушечке за гробом с телом Константина Симонова.

В 2012 году вышла книга Бориса Орлова «Звездный свет» – лирика. Она одна из шестнадцати стихотворных сборников поэта.

В книге «Звездный свет» четыре раздела и в начале каждого нового раздела одним росчерком пера нарисован силуэт ангела с распахнутыми крыльями. Он только что «приземлился» … на облачко. Правая рука прижата к груди, а левая, с раскрытой дланью, находится на уровне пояса. Ангел устремил свой взор на ладошку, на которую падает, как пушистая снежинка, маленькая звездочка.

На обложке на темном фоне ночного неба – ангел-то полуночный, между двух ладоней его масляным желтым блином тускло светится луна. Зато ни одна еще звездочка не проклюнулась через небесную туманность.

Разделы посвящены в основном четырем глобальным темам: Богу, Матери, Родине и Любви ко всем ипостасям этих святых понятий. В его лирических стихотворениях вложено столько тепла и нежности открытой души поэта, что сердце замирает, когда читаешь строки Бориса Орлова. Но ни в одной строчке поэта вы не найдете наигранности ради красивости или сюсюканья.

Стихи поэта лаконичны, хотя необыкновенно образны. Я уже упоминая про открытость души поэта и поэтому все равно удивляешься, как он без ложного стыда и стеснения выкладывает напоказ недостатки лирического героя: может и выпить в трудную минуту, а в сердцах и поматериться, сказав несколько острых соленых словечек в чей-то адрес. Моряки всегда во все века были остры на язычок.

Наглядный тому пример поступок флотского офицера Акимова, который служил еще при императрице Екатерине Второй. Она начала с помощью архитектора Манферана строить Исаакиевский собор. Достраивать его (собор строился 40 лет, а Екатерина Вторая правила 34 года) пришлось Павлу Первому. Но при Екатерине собор украсили гранитные отполированные колонны и облицовка стен мрамором, а при Павле стены верхней части собора стояли еще кирпичными без облицовки. Акимов написал краткие, но с ядовитым сарказмом стихи:

Вот памятник двух царств,
Обоим им приличный:
Основа его мраморна,
А верх его кирпичный.

Стукачей хватало во все времена, а стук распространяется в три раза быстрее звука. А потому флотский офицер Акимов на следующий же день оказался в каземате Петропавловской крепости.

Это пример крепкого, острого словца. А насчет выпивки у моряков есть тоже шутка-прибаутка: «Все пропью, а флот не опозорю». Придумана давно и до сих пор помнится легенда, что матросов, которые валялись на мостовой пьяные в стельку, но головой в направлении своего корабля, не забирали на гауптвахту: мол, стремился на свое судно, да силы не рассчитал. И одолел его зеленый змий. Тех же моряков, у кого голова была направлена не на корабль, ожидала жестокая расправа.

Но не станем больше отвлекаться от поэзии Бориса Орлова. Его стихи лаконичны, но емки и философски выстроены. Образы же и метафоры ярки и необычны. У него стихотворения оригинальны – штучная работа.

Стихотворения Бориса Орлова состоят в основном из двух строф, иногда из трех, и очень редко из четырех четверостиший.

Но эта лаконичность поэзии Орлова нисколько не умаляет её достоинство, а притягивает глаз, как японские тэнки или хукку – своим изяществом фразы и смысла её. Лаконизм поэта Орлова не подобен спесиво высокомерному лаконизму римского императора и великого полководца Цезаря, который после очередной своей победы произнес: «Пришел, увидел, победил». Чтобы быть неголословным приведу цитату:

То трагедия в мире, то драмы –
За безверие платят сполна.
Но возносятся белые храмы
Над страной, что от горя черна.

Жизнь зовет приниматься за дело.
Сеют снег. Ржет на пастбище конь.
Над селом, что душой протрезвело,
Поднят крест, словно Божья ладонь.

Разумеется, художник взял этот сюжет из стихотворения Бориса Орлова для своего рисунка на обложке книги «Звездный свет» и для заставок в начале четырех разделов её.

В этом стихотворении вся квинтэссенция сути поэзии Орло-

ва: самое трудное в жизни людей – жить в эпоху перемен! И поэту удается это показать. Нашу страну, нашу Родину потрясают трагедии и драмы. И это возмездие за наше безверие. Но маятник часов времени уже качнулся в другую, лучшую сторону: «над страной, что от горя горько», уже возносятся вверх «белые храмы» не только в городах, а и в деревнях.

В дальних, затерянных в лесах и болотах, деревушках произошла настоящая трагедия – население в селах катастрофически уменьшается. Способствуют этому и беспробудные пьянки сельских мужчин. Но Борис Орлов уже видит выход из тупика. Ведь село-то «душой протрезвело». А потому Господь благоволит России, и посылает ей, нашей Родине добрый знак: «поднят крест, словно Божья ладонь». И чем больше и глубже я вникал в афористичные и лаконичные стихи Бориса Орлова, тем дальше не мог оторваться от ауры его поэтического слова. И я стал неторопливо и последовательно исследовать творчество поэта. Того же желаю и читателю. Прочитав книгу Бориса Орлова, вы убедитесь в справедливости изречения: «Кратность – сестра таланта.

Глава I. В начале было Слово. И это слово – Бог!

Борис Орлов, кадровый морской офицер, как все наши Вооруженные силы: армия и флот тяжело переживали трагедию развала СССР. Многие его коллеги спились, потеряли веру в справедливость. Некоторые не смогли поверить в апокалиптический крах Великой страны, наложили на себя руки.

Но были и другие офицеры, верные сыны Отечества, среди них был и подполковник Владимир Путин, которые стали бороться за возрождение страны. И поэт Борис Орлов в первом же стихотворении стихотворного сборника «Звездный свет» заявляет о своем оптимизме:

То громкий вздох, то тихий крик.
Над миром – эхо гроз.
Россия загнана в тупик,
Как старый паровоз.

Спит кочегар – огонь зачах.
Разрушен русский быт.
И как на шпалах, на костях
Моя страна стоит.

Плодят сивушный перегар
Мошенник и бандит.
Но скоро встанет кочегар –
И топка загудит.

В этом стихотворении, поэт показывает растерянность народа, который восторгался словоблудиям о свободе, равенстве и братстве, а получил, как говорится: «кукиш с маслом». Скорее даже просто – кукиш. Масло-то в первую очередь исчезло с прилавков, которые подавляли покупателей своей наготой и пустотой.

Борис Александрович показывает растерянность народа одной строкой: «то громкий вздох, то тихий крик».

Народ еще не может очухаться от произошедшей катастрофы и ропщет тихонечко. Эйфория от пустых обещаний еще не исчезла. Но чуткое ухо поэта уже чувствует, что скоро грянет гром, и тогда-то русский мужик и перекрестится. Орлов говорит: «Над миром – эхо гроз».

Нашу братскую страну Югославию, а особенно «братушек» – сербов все страны-соседи из НАТО начинают стирать с лица земли, нанося бомбовые удары по городам и селам, уничтожая мирных граждан. И руководит этим «оркестром» канонады закулисный и заокеанский дирижер.

А поэт с горечью в сердце замечает, что нашу-то страну задушили в «дружеских» объятиях. Нас остановили в экономическом развитии теорией демократизации и приватизации.

Народу-то вручили ваучеры, которые скупили за пол-литра водки мошенники и бандиты. Какие уж тут равенство и братство, когда все население страны бедствует, а кучка «предпринимателей» жирует, поглощая богатство, нажитое многими поколениями. Да еще изгаляются над людьми. Одному олигарху – панику бросают упрек:

– Хоромы, сволочь, на народные деньги построил.

Мошенник, поковыряв зубочисткой в зубах, нагло отвечает:

– Ты тут, братан, слишком погорячился. У народа таких денег, чтобы построить такой коттедж, нет, и не будет!

Не менее образно описывает поэт депрессию от нашей разрухи: «кочегар спит, а в топке огонь зачах» от такого разгильдяйства. Очень сочный и смачный эпитет подобрал Орлов про потушенную топку паровоза: не погас, не потух, а именно – «зачах». Так как понимает, что без локомотива экономики начинает чахнуть и загибаться вся страна.

Борис Ельцин только своим невыполненным обещанием шахтерам, что если он не удовлетворит все их требования, то ляжет под паровоз, положив голову на рельсы, остановил паровоз. Мало того, что наш бронепоезд, предназначенный для обороны страны от внешней агрессии, уже давно стоял на запасном пути, так остановился и локомотив экономики.

Поэт же один из немногих, кто верил, что скоро встанет кочегар – и топка загудит. Борис Орлов четко понимал очередность событий, что сначала должна загудеть топка, а потом уже гудок паровоза. Если сделать наоборот, то весь пар можно выпустить в свисток. А ведь в народе недаром говорят ребенку, который любит насвистывать: «не свисти, деньги водиться не будут». Понимая это, Борис Орлов активно работал в предвыборном штабе Владимира Путина. Поэт хотя и был выше на одну звездочку на погонах Путина (у него звание до

сих пор – подполковник), но интуитивно понимал предназначение Владимира Владимировича для восстановления мощи страны.

В следующем стихотворении Бориса Орлова звучат скорбь и боль за надлом в душе народа. Этот надлом поэт сравнивает с поломанной веткой дерева штормовым ветром, который пронесся над рощей, взлохматив кроны. Ветка упала наземь, но она не птица и не может, встрепенувшись, взлететь вверх и, прикоснувшись к слому, торчащим из него щенком, снова срастись со стволом.

Это событие поэт сравнивает с поломанными судьбами людей, поверивших в перестройку:

То кругом голова, то сердце бьется.
И невпопад кричать, и песни петь.
Но сломанная ветка не срастется –
С земли до кроны ей не долететь.

Нас ночь приводит к снам, как будто
к судьям.
У них мы и в короне, и в гробу.
И если жизнь изломана, то людям
Не следует испытывать судьбу.

Интересно как умело сравнивает поэт временное умопомрачение народа, погрузившегося вместо светлого будущего во мрак. Он говорит, что «ночь приводит к снам, как будто судьям». Прочитав эту строку, сразу же всплывает всплеск души грибоедовского Чацкого «А судьи кто?», напускают тьмы и тумана, и кажется, что окружающий нас мир, если и не прекрасен, как сказочный сон, то не так ужасен и уродлив, каков он есть на самом деле. Но «судьи-то» в гробу нас видели. Притом в белых тапочках. Вот и даст поэт заблудившимся и обманутым дельный совет: «Если жизнь изломана, … не следует испытывать судьбу». Уже в который раз безуспешно…

А поэт выше мирской суеты и не поддается иллюзии и миражам, которые рождаются во снах. Он понимает, что «счастлив тот, кто когда-то навеет человечеству сон золотой». Миражи быстро исчезнут, и останется горечь от «глупых сплетен и смешной молвы». В следующем стихотворении, которое я сейчас процитирую, Борис Орлов говорит о бренности плоти и бессмертии души:

… А наша плоть – не более, чем тара
для глупых сплетен и смешной молвы.
Мы вылупились из Земного Шара,
но души наши слабы и малы.

Потом они взрослеют незаметно
под лунным светом тайн и саламандр.
Я смерти не боюсь – душа бессмертна,
а тело – обновляемый скафандр.

Шикарная метафора: «мы вылупились из Земного Шара» созвучна с евангелическим изречением: «Из праха родился, в прах и превратился». А потому-то душа и бессмертна. Тело в земле превратится в глину, а из глины слепится или вылупится новый человечек – гомосапиенс. Рождается человек слабым и малым, он еще и смыслит ничтожно мало, но взрослеет и не знает о тайнах нашего мира, в котором ничего не ново под луной. Только нужно опасаться саламандр, что бы случайно не обжечься об это пламя. Вот тут-то и потребуется, что бы не получить телу ожог, натянуть на себя новый жаропрочный скафандр. Он нужен и морякам-подводникам и космонавтам. Поэтому морской волк Орлов знает толк в жаропрочности непроницаемости скафандра. Но это уже шутка. Главное достоинство этого стихотворения – строка: «Я смерти не боюсь – душа бессмертна!»

Но не только в подводной лодке подстерегают человека опасности. Приходится бороться и с самим собой, со своим возрастом, болезнями, стараясь не думать о старости, которая тихонько и коварно подкрадывается к нам.

В этом убеждаешься, читая строки стихотворения Бориса Александровича:

Октябрь. Хризантемы уже отцвели.
И топчется дождь, словно лось, у порога.
И времени нет. И пространство вдали
Сужается – в лес убегает дорога.

Открою сарай. Дров сухих принесу.
И печь затоплю, прогоняя усталость.

Пустынно в полях. И прохладно в лесу.
– Нет времени… – шепчет бесстрастная старость.

В углу пред иконой затеплю свечу.
Что выбрать: небесное или земное?
И жизнь по плечу мне. И смерть по плечу:
Нет времени… вечность стоит за спиною.

Прочитав стихотворение Орлова, меня стали разрывать на части противоречивые чувства. Они, чувства эти, как стая голодных псов зимой, набросились на меня, что полетели клочки по закоулочкам. С одной стороны сюжет стихотворения прост и в двух строфах описывается поэтом осенний дождливый денек, заставивший своей промозглостью лирического героя стихотворения позаботиться об уюте в доме и тепле. Что герой и делает: приносит охапку сухих дровишек к печке. От зажженной спички вспыхивает береста, а от её огня потрескивающее ползущее по щепкам пламя перекидывается на дрова, и они запылали, потрескивая и постреливая угольками. Обычная будничная картинка деревенского быта.

Но почему же эта картинка, написанная мастерской кистью художника, так заворожила меня? Может быть, совершилось чудо, которое магнитом притягивает любого зеваку. Глядя на что, мы можем любоваться часами, не отводя от этого объекта глаз? Их всего три вещи: можно смотреть часами, как горит огонь, как льется вода, наблюдать, как трудится человек. В картине поэта Бориса Орлова есть все три составляющие: бьется в тесной печурке огонь, льется вода дождя с небес, разверзлись хляби небесные, а читатель, или зритель не может отвести глаз, как деревенский житель хлопочет в доме, создавая в нем уют и комфорт.

Я снова и снова впиваюсь в строки стихотворения поэта глазами, и поражаюсь тому, как он маленькими штрихами, деталями создает грандиозное полотно.

Орлов называет месяц года и любому понятно, что хризантемы отцвели. А это сочетание - природы увяданье вызывает еще одну, уже не орловскую интонацию, но созвучную с ним: «Отцвели уж давно хризантемы в саду, только в сердце моем…»

Не хочу продолжать, что случилось в том саду, а на пороге лирического героя: «топчется дождь, словно лось». Крупные кап-

ли проливного и затяжного дождя стучат по стеклу окон на створке двери и кажется, что, в самом деле, около дверного косяка на улице топчется лось, переминаясь с ноги на ногу, а постучать своими развесистыми рогами в дом боится. Вот, тут Орлов Борис и восклицает: «И времени нет».

Почему же времени-то нет? Течение времени это же не затяжной дождь, который когда-никогда, а закончится. Но у поэта на каждый чих есть свое: «здравствуйте!» Времени нет, потому что намылилась сбежать с глаз долой полевая дорога: «И пространство вдали сужается – в лес убегает дорога».

Вот параллельными курсами разбегаются по простору земли время и пространство. Хочу показать еще одну изюминку из творческого арсенала поэта. Посмотрите сначала на строку, которую процитировал чуть-чуть выше. А затем направьте свой взор, на оригинал стихотворения, на две последние строчки первой строфы. И что мы видим? В двух строках этих Борис Орлов разместил три фразы. И вторую фразу он разложил как хрупкую тростинку на две, но равные половинки. Одна часть тростинки поэт оставил на одной строке, а вторую часть перенес на другую строчку. Полюбуйтесь этой метаморфозой:

И времени нет. И пространство вдали
Сужается – в лес убегает дорога.

Во второй строфе поэт рефреном напоминает читателю о дефиците времени. Но этот дефицит уже упоминается не игриво, не лукаво и бодро как в песне: «Мы покоряем пространство и время, мы молодые хозяева земли…»

Вместо озорного азартного пафоса молодого поколения Борис Орлов предупреждает, что временем-то надо дорожить: - нет времени… - шепчет бесстрастная старость.

Да подкралась старость незаметно, и тихо шепчет свой приговор, и, вынося его, назначает срок лирическому герою, не тюремного наказания, а жизни – сколько ему осталось на нашей грешной земле. Пугает меня, как читателя и эпитет старости. Она самый бесстрашный судья, и никакой самый ловкий проныра - адвокат не сумеет её уговорить, чтобы она дозволила пожить обвиняемому лишний годик под светом луны и солнца.

Но ведь хозяин и дома, то есть лирический герой, еще не закончил свои домашние хлопоты. Он зажигает перед иконой свечку. Но это я сказал, что герой зажигает свечку. Борис Орлов говорит об этой процедуре с душевным трепетом, благоговея от самого процесса: затеплю свечу. Свет свечи может быть не особенно ярким, но обязательно теплым. Оканчивается последняя строфа этого стихотворения Бориса Александровича чисто по-гамлетовски, который воскликнул: «Быть или не быть?». Лирический герой Орлова стоит также перед выбором, как витязь на распутье: «Что выбрать: небесное или земное?» Герою по плечу и жизнь, и смерть, но поэт подводит жирную итоговую черту. Он переворачивает песочные часы вверх тормашками и заявляет твердо, неумолимо, и все же оставляя надежду. Ведь надежда умирает последней:

– Нет времени… вечность стоит за спиною.

Да, наша жизнь всего лишь краткий миг по сравнению с вечностью. И все мы растворимся в этом необъятном времени и пространстве. Что касается зажженной свечи перед иконой, то мне очень понравился необыкновенно привлекательный образ Бориса Орлова едва затеплившей свечи пред иконой. Пусть она сгорает дотла, даря свой свет людям. Уж лучше сгореть, чем погаснуть…

А Орлов, будто подслушал мои мысли и долгие терзания, и открывает новые горизонты для обращения к Богу:

Голову кружит ладан.
Молча зажгу свечу.
Чтоб прикоснуться взглядом
К Господу, как к врачу.

Ломаный, тертый, битый,
Чтобы душою креп.
Я прошепчу молитву
Точную, как рецепт.

Совсем небольшая зарисовочка поэта Бориса Орлова, но как она настраивает любого прихожанина на умиротворение. В народе выросло присловье: «Говорить начистоту можно только с двумя индивидуалами: с Господом Богом и… врачом». Вот лирический герой и обращается с молитвой к Богу, как к врачу. Врач может ошибиться, а Бог – никогда. Но на всякий случай лирический герой зашифровы-

вает в молитве свой рецепт от избавления душевной боли.

Лирический герой прошел огонь и воду. Он считает себя ломаным, тертым, битым: тертым калачом, битым, а когда-то ушлым волком, которого обманула Лиса-Патрикеевна. А он, получивший дубиной по ребрам и голове, везет на своем горбу-хребте захребетницу кумушку-голубушку, которая лживо воет от «боли», но хотя в душе-то насмехается над простодушным кумом. Ломаным грошом считает себя герой, который ничего уже и не стоит. Любой меняла в валютном обменнике небрежно откинет испорченную монетку, да еще пошлет… Куда Макар телят не гонял… И спасает его от всех этих напастей только молитва.

В следующем очень оптимистическом стихотворении Борис Орлов без всякого внутреннего подтекста рассказывает читателю о единении человека с природой. Чистая лирика и идет она от чистых помыслов от горячего, отзывчивого сердца:

Светилось небо пламенем знамен
Над миром, переменчивым и вечным.
И тысячами листьев слушал клен,
Как наступал неторопливый вечер.

Прохладной мглой наполнился овраг.
Нам никуда от вечера не деться.
Он наступал совсем не так, как враг.
Он шел ко мне, как лучший друг, из детства.

Принес луну и крынку с молоком,
По запыленной звездами дороге.
Я знал его. Я с вечером знаком.
Приятно с ним беседовать о Боге.

Не стихотворение, а божественная идиллия. В каждой строке по великолепному образному сравнению, или сверкающей семицветной радугой – метафоре. В первой же строчке поэт Борис Орлов берет быка за рога и вечернюю багровую зорьку сравнивает с пламенем парадных знамен времен Советского Союза. Заря для него не кровавая, а красная и прекрасная. А вечер гордится своею красотой и не торопливо ступает, желая продлить удовольствие людям. Дает им подольше насладиться этой переменчивой, но вечной красотой

природы. Шаги вечера у поэта настолько тихи, что любопытному клену приходится поднапрячься, чтобы услышать их, у клена поднялись ушки на макушке. Он слушает поступь вечера своими ушами – тысячью листьями, зелеными и резными кудрями. Чтобы случайно не споткнуться в буераках оврага, вечер наполняет эти провалы в земле «прохладной мглой». И подходит легко и быстро к лирическому герою, словно шагает по красной ковровой дорожке, проложенной для встречи желанного гостя радушным хозяином. Ведь вечер и лирический герой, давние приятели. И наступает вечер, вот такая яркая метафора поэта, не как враг, а «как друг из детства».

А дальше и вовсе фантасмагория. Вечер идет в гости не с пустыми руками, а несет в руках крынки парного молока с вечерней дойки. А в белом молоке купается круглая желтая луна, словно кусочек масла во взбитых сливках. Луна очень похожа на ту с обложки книги «Звездный свет», которую держит в руках Белый Ангел. Но несет сейчас Луну Вечер, шагая по запыленной звездами дороге.

И от звездных блестков поднимается настроение у лирического героя. В такие минуты, когда на дороге сверкает созвездие, словно звездная пыль, хорошо беседовать втроем: Герою с Вечером и … Богом.

У Бориса Орлова в стихотворении лирический герой беседует с Вечером о Боге. Но как сказал Лермонтов хорошо слышно в звездную ночь «Как заезда с звездою говорит».

Про золотую осень писали многие поэты. И Борис Орлов тоже не исключение из правил. Скажи только слово осень и в мыслях закрутятся знакомые еще со школы обрывки из стихотворений о листопаде: «Кроет уж лист золотой…», «Листья желтые над городом кружатся, с тихим шорохом нам под ноги ложатся». Но картины золотой осени у каждого поэта свои.

В своем стихотворении о золотой осени у Бориса Орлова свой своеобразный и оригинальный стиль. Он не восторгается красками осени, хотя их палитра настолько пестра, что в глазах рябит.

Борис Александрович создает картину золотой осени не пестротой красок, а приметами её, которые на первый взгляд трудно рассмотреть из-за них не броскости. Но говорят, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. И я предлагаю прочесть стихотворение Орлова. Вот оно:

У крыльца листвы опавший ворох,
В огороде сухо, но тепло.
На тумане, словно на рессорах,
Вдоль реки качается село.

В синей дымке исчезают стены,
В мокрых окнах гаснет сонный свет.
В зиму уплываем постепенно,
Вьется листопад, как желтый след.

Звезды хороводят над рекою,
Словно первый поднебесный снег.
Время размышлений и покоя.
Тихий вечер. Мудрый человек.

Осеннюю промозглость, когда сухо и тепло на дворе, заменяют густые, как облака в небе, туманы, которые ложатся клубами над водою рек, озер, или в лощинах, в которых всегда есть излишняя влага.

А Орлов превращает туманы, клубящиеся над рекой по мгновению волшебной палочки … в рессоры кабриолета, на которых качается все село лирического героя, расположенное вдоль реки. Туман продолжает творить чудеса. Стены домов исчезают в пелене тумана, а на стеклах окон (туман делает свое мокрое дело) появляются капельки воды от конденсата. Завораживающая картина.

Но тут поэт разворачивается на сто восемьдесят градусов и видит, что пора осени-то скоро окончится: «В зиму уплываем постепенно, вьется листопад, как желтый след». Но почему же спросите вы, мы плывем уже в зиму? Ведь еще на огороде сухо и тепло, как заявил поэт. Правильно, но это он сказал в начале стихотворения, а все в этом мире течет и изменяется.

В последней строфе им образно показывается, что дыхание зимы уже чувствуется за нашей спиной: холодно сверкают звезды, которые хороводом кружатся над рекой. А потому внимательному человеку начинает казаться, что высоко в небе не звездочки кружатся, а порхают белые пушистые снежинки. Вот оно реальное холодное дыхание зимы.

Оно и заставляет автора стихотворения заявить, что наступает другое время жизненного ритма человека: «Время размышлений

и покоя». Последняя же строка поэта завершает стихотворение, как многоточие, а оно всегда выражает незаконченность мысли или действия: «Тихий вечер. Мудрый человек». Зима еще проглядывается холодным блеском звезд, а мудрый человек с тихой покорностью понимает, что зима-то не за горами.

О бренности земного бытия поэт Борис Орлов размышляет в следующем стихотворении. В нем он рассуждает о нашей суете и приходит к определенному четкому выводу, что нас не засосет трясина пустопорожней суеты, если мы обратим свои помыслы к Богу:

Районный центр: река, сквер, автостанция.
Пустые сплетни и тоска в дому.
Мы вовсе не последняя инстанция –
Превыше Бог, прислушайтесь к Нему!

Районный центр – моя страна в разрезе.
Здесь, как в Москве, и челядь, и князьки.
А в храм идти с больной душой полезней,
Чем в шумные хмельные кабаки.

В этом стихотворении о провинциальном районном городке из глубины строчек так же просматривается тень мудрого человека. Сравнением поэта Бориса Орлова, что райцентр – это наша страна в разрезе, можно удивляться, восхищаться, негодовать, но когда отряхнешь с себя все эмоции, и взглянешь на разрез под микроскопом с увеличением линз в тысячекратном размере, то понимаешь, что нравы в городке райцентра, ничем не отличаются от нравов нашей столицы Москвы.

Зачем нестись в Москву, что бы в последней инстанции отыскать справедливость. Нужно сначала навести порядок у себя, в своем родном доме.

Не стоит проклинать местных феодалов и шуметь на всю округу после посещения «хмельного кабака». Душу скандалом не успокоишь.

Но поэт Орлов не хладнокровный исследователь вертикали власти. Везде есть прелести и перегибы. Но, если уж очень болит душа, то последняя инстанция, которая может исцелить её, Борис Александрович считает, что это Бог. Во фразе поэта звучит его собственное кредо: «Превыше Бог, прислушайтесь к Нему!»

В этом предположении, как видите и слышите, нет ни пафоса и назидания. И это правильно. Если громко кричать и бить, как в барабан, кулаками в свою грудную клетку, разорвав с треском на груди рубаху, то истину-то, которую ты добивался и не услышишь.

Эту актуальную тему, только под другим углом зрения Борис Орлов рассматривает в следующем стихотворении. Его интересует вечная тема, которую обозначил писатель Тургенев в романе «Отцы и дети»:

Уже не волнуют меня соловьи,
Цветы не пьянят - хоть ты тресни.
У каждого возраста чувства свои,
Мечты и застольные песни.

На кухне царит политический стеб
И музыка льется негромко.
А где-то кукушка кукует взахлеб,
Но не для меня – для потомков.

Вывод лирического героя сильно потрясает психику любого читателя. Человек в любом возрасте, даже в столетнем, не может смириться с мыслью, что «все мы в этом мире тленны».

А тут у поэта Орлова герой отказывается считать за кукушкой, её неизменное «ку-ку». Он или боится услышать, что кукушка замолкнет сразу же после первых двух звуков, или же оставляет свое право заглянуть одним глазком в книгу судьбы – сколько же ему жить на белом свете. Потомки пусть разбираются, правильно накуковала ему кукушка. Или нет. Им-то еще жить да жить…

Поэтому лучше слушать соловьиные песни, чем заниматься арифметикой. Лучше уж к гадалке сходить – она соврет – не дорого возьмет.

Наблюдая за природой, Борис Орлов приходит к твердому убеждению, что прямую линию придумали только люди. Все наше пространство криволинейно. И этот вывод для поэта не теорема, а аксиома. Не надо ничего доказывать, а лучше присмотреться к окружающему миру. И вы поймете, что мир не просто криволинеен, а имеет форму окружности, или в идеале – форму шара.

Как поэт, Борис доказывает свое неожиданное открытие художественными средствами: сравнениями, образами, метафорами и

эпитетами:

Дождинка бьется от удара
О камень, брызгами пыля.
Вода имеет форму шара,
Как звезды, солнце и Земля.

Рыб косяки, овец отары…
На шар похож пчелиный рой.
Мы тоже оболочкой шара
Ложимся в почву – слой на слой.

Вот так глобально посмотрел на мир поэт Орлов и предложил читателям свою гипотезу о шарообразных поверхностях. А красота и стройность поэтического слова заслоняют грустный смысл финала: Мы сами с такими нестандартными фигурами отличаемся от растительного мира руками, ногами, головой, туловищем, и умением не стоять неподвижно на одном месте, а двигаться. Но в конце жизненного пути мы замираем, и создаем все ту же оболочку шара, ложась в землю слой за слоем.

Поэт в любых обычных проявлениях природы делает неожиданные открытия. Вот одна изящная фраза: «Дождинка бьется от удара о камень». От удара о камень можно разбиться вдребезги, в лепешку, на смерть, в конце концов. Но обычная дождевая капелька, похожая на шарик, стукнувшись о твердую поверхность камня, никуда не исчезает, хотя подпрыгнув вверх, как футбольный мячик, рассыпается на брызги, которые тоже имеют форму шара.

Но Борису Орлову этого мало. Он делает еще одно открытие: брызги дождинок превращаются в пыль. Позвольте, но пыль это сухой, измельченный до микронной толщины, порошок, а тут вода. Но вода-то, налитая в какой-то сосуд, емкость умеет принимать форму той посуды, в которую она налита.

У Бориса Орлова дождинка дробится о камень, не имея ограничения в пространстве, на такие мелкие капелюшечки, что глазу кажется, что это водная пыль. Поэт говорит, что на шар похож и пчелиный рой. Но как только пчелы разлетятся собирать мед, то каждая пчелка превращается, по сравнению с роем, в мелкую точечку-пылинку. Ведь именно цветочную пыльцу собирает лапками пчела с цветов.

Наблюдательный поэт видит, как косяк рыб, сбившись в единую шарообразную массу, не говоря уже о Луне, Солнце и нашей Матушке – Земле.

Мы часто, шагая на улицах, видим как на наших глазах, не стесняясь прохожих, целуются влюбленные парочки. В этом нет уже ничего странного, но таинство любви исчезает в прилюдном поцелуе. В Питере родился каверзный вопрос из серии армянского радио: «Можно ли на Невском проспекте овладеть женщиной?». Ответ радио таков: «Нельзя! Засоветуют…»

А вот поэт Борис Орлов, увидев в тамбуре электрички, прокуренном и заплеванном, как целуется парочка, создал маленький шедевр, настоящую поэму о страстной и нежной любви. Эту поэму не стоит комментировать. Её нужно прочитать:

Возле стылых дверей электрички,
Позабыв и стыдливость, и страх,
Эта женщина тлеет, как спичка,
У мужчины в горячих руках.

Тамбур тесен. Но станция скоро.
И тропа. И родное крыльцо.
Эта женщина вспыхнет, как порох,
Осветив кратким счастьем лицо.

Я не буду высказывать свое мнение о сюжете, поэтом все сказано: ни убавить, не прибавить. А вот рассказать об образности деталей, из которых и складывается прекрасное и огромно мозаичное панно, не удержусь.

Взять выражение: «стылые двери электрички». Что тут новенького-то? Зимой от плотно закрытых створок входных дверей, несет такой холодрыгой, что шарахаешься от двери, как черт от ладана. Но этой деталькой и подчеркивает горячую страсть влюбленных. В их жилах кипит, бурлит кровь.

А какой изумительный образ создал поэт: «Эта женщина тлеет, как спичка, у мужчины в горячих руках». Обычная-то спичка не тлеет, а обугливается, а женщина не спичка, но тлеет, и не боится даже сгореть дотла от любви. А финал этой поэмы впечатляет. Я говорю об этом без иронии, всерьез. Ведь можно написать много скучных строчек, но тут-то случай, когда количество не переходит в качество.

И поэмой это словоблудие не назовешь. А вот краткая вспышка эмоций и поэтическая изящность в умелых руках поэта превращается в поэму. И финал изумительно красив и ярок: «Эта женщина вспыхнет, как порох, осветив кратким счастьем лицо».

Я уже достаточно много привел стихотворений Бориса Орлова о Боге, о земной любви, но об одном стихотворение поэта о Боге, которое состоит из одного четверостишья нужно сказать особо.

Есть такая притча о лени. Учитель дал задание своим ученикам написать сочинение, а может быть даже и научный тракт на тему: «Что такое лень?»

Дежурный школьник собрал тетрадки и положил их на стол учителя, что бы он мог изучить творчество школяров и поставить оценку по заслугам. Педагог так и сделал, пока не дошел до последней тетради. Открыл её, и на первой странице – пусто. Не написано ни единой строчки, ни буковки. Открыл вторую – ничего… На третьей тоже самое. И только на последней, учитель прочитал наконец-то долгожданную фразу: «Вот это и есть лень».

Но стихотворение Бориса Орлова о Боге кратко не от лени. Он в четыре строки вложил свою огромную веру в Бога и в бескорыстную службу в храме, искусство, читая проповеди, сея доброе, чистое, вечное в душах людей, которые прочтут его стихи:

Стихи пишу, как в храме служу.
Гоню прочь из сердца блажь.
Господь! Ничего у тебя не прошу.
Я знаю: ты все мне дашь!

В суматохе и суете очень трудно отыскать дорогу к Богу. Но человек существо коллективное, он не может жить без общества. Устав от общения иногда люди уходят в монахи, но и в монастыре они остаются одинокими. Несут монашескую службу между собой. Даже в своей келье монах не одинок. Он общается и в келье с Богом. Свое мнение об этом феномене и рассказал читателям в своем стихотворении:

Слишком много людей. Споров много.
Одиночеством я обделен.
И стрекочет молва, как сорока,
Что я вырос под шелест знамен.

Не мечтал о пути знаменитом,
Что венчает над кладбищем залп.
Никогда не хотел стать бандитом,
Но монахом, наверное, стал б.

Я искал тишины и смиренья.
Келья. Свечка. Молитва. Погост.
Смерть – мгновенье. Жизнь –
тоже мгновеье.
И мгновенье – горение звезд.

Меня же шокировала фраза поэта Орлова: «Одиночеством я обделен». У другого поэта, Павла Когана, в песне про бригантину, лирический герой уходит в море из романтических соображений. Но вначале звучит разочарование от интенсивной жизни на берегу: «Надоело говорить и спорить» – такими словами начинаются стихи Павла Когана. А тут морской офицер Борис Орлов романтики моря нахлебался досыта. В морских кругосветных походах уединения хоть отбавляй, но его лирический герой желает уединиться в монашеской келье.

Парадокс. Но если учесть, что стихотворение написано в лихие девяностые, когда махровым цветом расцветал бандитизм, то выбор между камерой – одиночкой за убийство и послушанием Богу в монашеской келье сделан правильно. Нормальный человек так и поступил бы.

И как раз «шелест знамен», то есть служба на флоте и помогла бы сделать такой выбор.

Но выбор: быть или не быть, существовал во все времена. А отрывная точка отсчета к вере в Бога начинается с Крещения. О праздновании этого святого дня говорится в стихотворении Бориса Орлова:

Январский мороз. В кудряшках –
Полнеба. Свеча в руке.
Березки в ночных рубашках
Креститься пришли к реке.

За все, что растоптано веком,
На русских церквах нет вины.

Сияет невинным снегом
Святая Русь – сердце страны.

Такие трогательные интонации звучат в этих стихах поэта. Слушаешь эти строки с умилением.

В России в январе всегда резко наступали холода и трещали морозы к двум датам – Рождеству Христову и к Крещению. Изначально крестились первые христиане в теплых водах реки Иордана. Но даты рождения и крещения нельзя перенести. Вот и приходится русским православным людям, не взирая, на холода окунаться в воду проруби, вырубленной во льду на крещение.

Светлый образ создан Борисом Орловым в этом стихотворении. Идут окунуться в воду к проруби мужчины и женщины. Женщины накидывают поверх обнаженного тела белые исподние рубашки. А на берегу реки стоят белоствольные березки. Вот и сравнивает эти березки поэт с женщинами. Не только они, люди, празднуют крещение, но и не живая природа отдает поклон Богу.

И заканчивается стихотворение символом, который создал Борис Орлов «Святая Русь – сердце страны». Благодаря этому символу и стоит Русь, обороняясь от ворогов. У меня тоже есть нечто подобное. Небольшое стихотворение я написал в прошлом веке:

Родина моя, Матушка – Россия.
Люди и земля – в них твоя вся сила.
И сколько б воронья к нам не наносило,
Но крепка семья и сильна Россия.

Поэтому мне так дорог и понятен символ, созданный Борисом Орловым: «Святая Русь – сердце России, Родины».

Поэт в этом стихотворении говорит исподволь о воинственности атеистического периода нашей страны, когда подвергались репрессиям священники и разрушались или использовались не по назначению храмы. И, будто оправдываясь за это кощунство наших предков, поэт заявляет: «На русских церквах нет вины». Эту невинность подтверждает и природа: в крещенские морозы, чтобы не продрогла, не застыла земля, выпал снег. И Орлов восхищается не только первозданной снежной белизной, а даже выпавший снег одушевляет: он у него сияет невинным светом. Не только на русских церквях нет вины, и снег-то тоже невинный.

Глядя на раздельные, засыпанные пушистым белым снегом, будто укрытые белоснежным покрывалом поля, Борис Орлов восторгается этой целомудренной картиной, и пишет стихотворение, в котором употребляет почти в каждой строчке эпитет «белый» или другие интерпретации этого слова. Но это происходит у поэта не из-за скудности его поэтического языка, а просто душа его ликует при виде такой нежной, белоснежной картины:

Белая церковка в березняке –
Белая птица на белой руке.

Льется, смиренной молитвой согрет,
С белого купола ангельский свет.

Словно лампаду, Господ, не гаси
Белую жизнь в православной Руси.

В белые теплые майские дни
Белую птицу мою не спугни.

С первой же строчки Борис Александрович показывает гармонию духовной жизни и природы – белая церковка на фоне белоствольной рощицы березок, словно парит в небе, как белая птица, слетевшая с белой руки поэта.

Интересен и образ белого купола церкви, с которого льется на нас ангельский свет. Может быть, Орлов имел ввиду не купол церкви, ведь он бывает в разной цветовой гамме – золотым, коричневатым от окислившейся меди, или голубого цвета неба, а купол неба, откуда днем льется на нас белый свет.

У божницы же, даря нам жизненную силу, теплится огонек лампады. И к лику Святой девы Марии с Младенцем на руках устремляет свой взор лирический герой стихотворения и умоляет Господа: «Не гаси белую жизнь православной Руси».

Во второй молитве героя слышится осторожная просьба не вспугнуть белую птицу с его белой руки и в «белые майские дни». А именно в мае ночи становятся настолько короткими, светлыми, особенно в Петербурге, что их называют белыми ночами. Так что упоминание поэта про «белые майские дни» - это отголосок радости от белых питерских ночей, которые так страстно любит лирический герой. А умелому поэту всегда удается показать так эту страсть, ко-

торая становится более сильной, чем сама страсть. Взять хотя бы стихотворение Бориса Орлова о страсти женщины в холодном тамбуре электрички, которая сгорает от своей страсти, как спичка. Говорили о любви к Родине, о своих предках и другие поэты о своей одной, но пламенной страсти пишет о ней трогательно и нежно и Борис Орлов. Относясь с благоговением к «Белой жизни православной Руси», Борис Орлов с трепетом относится к жизни наших предков – язычников. Ведь была такая страница в жизни нашего народа, как язычество. Но не нам судить наших предков, а история, которая сама прекрасная писательница и поэтесса.

Но Орлов не собирается состязаться с историей, он сам уже давно стал её трудолюбивым и ярким летописцем. И сияют его образы, как образа на иконостасе:

Ветер, гривастый кочевник,
Выпустил стрелы семян.
Из лесу вышла деревня,
Словно дружина славян.

В дебрях кудлатые ветки
Прячут таинственный след.
Спят под курганами предки –
Дети языческих лет.

Разве не броский и уникальный образ нарисованный поэтом ветра? Орлов сравнивает ветер с несущимся, сломя голову скакуном князя, у которого грива развивается от скорости движения. Порывистый ветер разбрасывает семена созревших трав, а Борису Орлову представляется, что это не семена трав летят над полем, а острые стрелы выпустила дружина славян, чтобы не допустить кочевников на свою землю, не дать им поживиться, разграбив деревню, которую защищают стволы леса.

Тут Орлов ловко и умело жонглирует словами и понятиями их. Ведь поселение славян в лесу стало называться деревней, потому что наши предки стали строить свои избы из деревьев, из их стволов. Лес же для них был и крепостью и преградой на пути лихой конницы кочевых племен, агрессивных грабителей. О роли леса в жизни славян хорошо сказал Борис Орлов. Одним росчерком пера он показал надежного союзника наших предков. Он защищал их и хранил

надежно тайны славян, и не выдавал их места укрытия: «В дебрях кудлатые ветки прячут таинственный след». А курганы захоронений наших предков-язычников, славяне насыпали прямо на поле битвы. Холм земли, насыпанный над телами погибших в битве, в жестокой сечи дружинников, славяне водружали высоким и огромным, что бы издали могли поклониться храбрецам, и чтобы никому не пришло в дурную голову надругаться над прахом погибших воинов. Для сооружения холма, землю для погребения, славяне наносили в своих боевых шлемах, на кургане они справляли и тризну.

После экскурса в историю, вспомнив про предков-язычников, поэт Борис Орлов вновь обращается к Богу и рассказывает, как необходима для Отчизны вера:

В ладу живите с миром. В Бога верьте.
А на судьбу не следует пенять.
Чего душа боится? Может, смерти,
А может быть, бессмертья. Не понять!

Когда забудет сердце об Отчизне,
Нет смысла ни в минутах, ни в часах.
Стремленье к смерти и стремленье к жизни
Пред нами Ангел держит на весах.

Глубокий философский смысл вложил поэт в это стихотворение. И одновременно звучат нотки фатализма в этом философском трактате. И философия и фатализм всегда присутствуют вместе, когда речь идет о смерти и жизни. Как говорится: толи будет. Толи нет, толи дождик, толи снег… Не зря оканчивает стихотворение Борис Орлов классическим приемом: куда склонится стрелка на весах судьбы, Фемиды – или – или: «Стремление к смерти и стремление к жизни пред нами Ангел держит на руках».

Лирическому герою поэт отказывает даже в последнем его слове перед приговором судьбы по простой причине, он не может изменить ход времени. И только Ангел определит, держа коромысло аптекарских весов пока еще в полном равновесии, что же перетянет вниз чашу весов: добро или зло.

Когда царит неизвестность, то в голову лезет всякая дребедень. И лирическому герою остается думать и гадать – что же с ним произойдет и чего больше бояться. Самому-то определиться трудно

и он не желает сам тянуть жребий, а вынужден передать свое право принимать решение самому честному судье в мире – душе. Она же, голубушка, мыслит парадоксально и не умеет приказывать: «Делай то, а не это!» и отправляет героя посоветоваться со своей совестью. Чего же боится душа, в чем сомневается? Я не зря упоминал не только о фатализме, но и о парадоксальности мышления поэта Бориса Орлова. Он устами лирического героя и говорит: «Чего душа боится? Может смерти, а может быть бессмертья! Не понять!»

Оказывается, по мнению поэта, можно бояться не только смерти, а и бессмертия. Фатализм говорит: «Будь, что будет!» Парадоксальность заявляет: «На миру и смерть красна!» И тут же меняет пластинку граммофона, перевернув её на другую сторону: «Но помни несчастный: если приобретешь бессмертие, не пеняй потом на этот выбор, когда тебе надоест жизненная кутерьма, и ты будешь молить Бога, что бы он прибрал тебя к себе».

Затем заговорил в поэте капеpанг: ему флотскому офицеру принадлежит одна прерогатива – Родину защищать. И поэт Борис Орлов, подчиняясь своей внутренней убежденности и чувству долга, принимает единственное правильное решение для военнослужащего: «Прежде думай о Родине, а потом – о себе!»

А поэт пишет: «Когда забудет сердце об отчизне, нет смысла ни в минутах, ни в часах». Обращаясь к предкам-язычникам, которые жили в лесу и молились полюсу, Борис Орлов высказал прекрасную мысль, что оплотом семьи и защитой от набегов кочевников стала Деревня. Он и сейчас её боготворит, но на душе скребут кошки, когда видит, как дряхлеет и умирает деревня, как затухает в ней жизнь, теплится еле-еле и вот-вот потухнет-погаснет.

К стихотворению о деревне Борис Александрович взял эпиграф строчку из стихов великолепного поэта-лирика Николая Рубцова, который души не чаял к своей любимой деревне: «Сапоги мои – скрип да скрип…».

Устал шагать. Сносились сапоги.
В крестьянском доме водкой согреваюсь.
Деревни вдоль деревни – узелки,
Что Бог вязал, на память не надеясь.
Деревня – пять коров на семь дворов,
А веники в сенях древнее лавров.

Железные останки тракторов
Блестят, как будто кости динозавров.
Меж осенью и летом – журавли
Клин вбили, приближая время спячки.
И жадно тянут воду из земли
Стволы деревьев, словно водокачки.
Россия - в свалку превращенный храм.
Иду и плачу – топь на месте луга.
Давно церковным звоном по утрам
Селенья не приветствуют друг друга.

Эпиграф поэтом Орловым подобран здорово. На вечерку – гулянку деревенские парни обували до зеркального блеска начищенные легкие хромовые сапожки. К тому особым шиком считалось смять, сморщить голенища их в «гармошку». Новые подошвы хромовых сапожек мелодично поскрипывали, как и запомнил его поэт Рубцов: скрип да скрип… Тоже любил, видимо, пофорсить перед девчатами, которые с ума сходили по нему и сохли от неразделенной любви.

Но лирическому герою поэта Бориса Орлова не приходится ходить по гулянкам – сносились его любимые сапоги со скрипом. Он или пропил их, или на «тюремные бушлаты» променял. Такая участь деревенских мужиков настигала часто. От тюрьмы и сумы уйти бывало трудно.

Но у Орловского деревенского героя есть привычка в натопленном доме согреваться – водкой. А в гости или на гулянку и сходить-то не к кому. Орлов крестна крест перечеркивает надежду на развлечения. В деревне-то «пять коров на семь дворов». А согреться и пропарить свои косточки в баньке тоже не приходится. Тут скарбы лирического героя еще горше. Ведь про баню деревенские жители почти позабыли. Правда, хранятся на всякий случай в сенях дома березовые венички. Но они, по мнению Орлова: «Древнее лавров». Из листьев и веток, их древние римляне сплетали, чтобы наградить лавровым, поздравить очередного удачливого полководца с Триумфом, с победой. Но в деревне, где томится от скуки и горя Орловский герой, веники в сенях почивают на лаврах. Им даже лень пыль убрать многовековую с березовых листочков.

Колоссальный образ создал поэт Борис Орлов, говоря о со-

звездии окрестных деревень. Они разместились вдоль нитки дорог, на которых, завязаны узелки, и очень похожи с заоблачной высоты на ожерелья или четки. Последняя, ближе по смыслу. Ведь Борис Александрович отдает авторство создания четок самому Богу. А уж он-то Творец, чуть ли не сорвалось с языка слово от Бога, но спохватился, ведь Творец-то и есть Бог. А то, что он завязал узелки на веревочке-ниточке, так поэт объясняет особо непонятливым, для чего завязываются узелочки – на память. Особенно когда на неё не надеешься. А у Бога деревень много. Все и не запомнишь. Зато взглянешь на узелочек и вот оно название-то, и всплывет в памяти. Эта деревушка Неслово, а эта Горелово. А чуть подальше Неурожайка тоже.

Я вздрогнул, как будто меня ужалила оса, как комар из пушкинской сказки бабку Бабариху, прочитав об уханьканной вдрызг колхозной или совхозной технике. Зрелище не из приятных: «железные останки тракторов блестят, как кости динозавров». Но тут же встрепенулся от одной злопамятной детали этой фразы. Не подумайте, что меня смутило и восхитило сравнение раскуроченной техники с костями динозавра. Это сравнение удивительно точное, а потому блестит как кости ископаемых чудовищ. Я задумался над тем, что железяки блестят. Значит, они лежат на земле очень давно, так как краска не просто облупилась с поверхностей деталей тракторов, а слоями, пластами слезла, обнажив поверхность, представив её в первозданном виде.

А какое удовольствие я получил от сравнения Бориса Орлова, когда он назвал клином косяк журавлей улетающих на юг. Зря ехидно вы улыбаетесь, мои уважаемые читатели, мол, заигрался автор, работая непрестанно над рукописями, и выжил из ума: «Ведь про клин журавлей, улетающих на юг, только ленивый не писал».

А я разве отрицаю это? Нет, я восхищаюсь, как поэт Орлов из обыкновенного образа создал необыкновенный, никем из поэтов еще не использованный образ – метафору. Да, журавли летят клином, но этот клин разрезает не воздушное пространство голубого неба, которое находится над нами безразмерной высоте. Клин у Бориса Орлова журавли вбили, чтобы разделить, расколоть или вернее отколоть два времени года: лето от осени. Каждому овощу свой сезон и клин клином вышибают.

Мало того, что клин разделил лето от осени, он еще умудрил-

ся разделить период летне-осенней активности людей и зверей от приближающегося времени, когда начинается осенне-зимняя спячка. Лирический герой, еще раз оглядев кладбище тракторов и других сельскохозяйственных механизмов и машин. И горькие слезы потекли непроизвольно из глаз, но не зарыдал, сдержался. А грустные мысли не дают сердцу успокоиться. Борис Орлов подводит неутешительные итоги этой неприглядной картине: «Россия – в свалку превращенный храм… Давно церковным звонам по утрам. Селенья не приветствуют друг друга». С этим фактом поэта не поспоришь. Храм в деревне, действительно, превратился в хлам. И селенья не могут приветствовать церковным звоном друг друга потому, что … сел-то почти не осталось, а остались одни – деревни. Возможно, скептики незнающие деревенских тонкостей скажут: «Какая разница – село это или деревня. Что в лоб, что по лбу – одинаково больно».

Но Борис Орлов прекрасно знает, в чем отличие деревни от села, а потому и понимает, что соседского перезвона не будет. Остались одни деревни, а села почти исчезли. Различие же села от деревни характерное: селом называется то место проживания, в котором есть церковный храм, а в деревне церкви нет.

Прочитав следующее стихотворение Бориса Орлова, я понял, какую беду натворил клин журавлей. Этот клин расколол и небо на две части, прижав тучи к земле. И на землю обрушились хляби небесные:

Низкой тучи полет.
Шум воды, как в морях.
Дождь идет и идет.
Время встало в дверях.

Ни блескучей грозы,
Ни чужих голосов.
Дождь идет, как часы,
Только вместо часов.

В небесах журавли.
Отодвину засов.
Дождь дошел до земли,
Словно гиря часов.

То в киоте Спаситель.
То в рамочке вождь.
Время – это медлительный,
Длительный дождь.

Отложив книгу стихов «Звездный свет» поэта Бориса Орлова, я задумался, и вдруг пришло озарение. Время отсчитывают механические часы, в которых крутятся зубчатые колесики и двигают две стрелки – часовую и минутную по кругу циферблата. Есть электронные часы и импульс их, как ленинградский метроном, отсчитывают секунды. В древности время определяли по солнечным часам. Но небесное светило иногда заслоняли тучи и мешали определять время. Поэтому придумали люди песочные часы. Но и их нужно было очень часто переворачивать вверх дном, если нижняя часть колбы часов заполнилась песком полностью.

А Борис Александрович, создав в вышеуказанном стихотворении такой необычный механизм дождевых часов. Открыл мне тайну фразы: «Время течет». Я-то раньше думал, как же время может течь? Ведь время-то невидимо, словно натянуло на себя шапку-невидимку. И как его можно обнаружить зрительно? Ни очки, ни лупа, ни даже в микроскоп его не увидишь. Время – это абстрактное понятие, его не пощупаешь пальцами, и не ухватишь рукой. А Орлов уверенно заявляет: «Дождь идет как часы, только вместо часов».

Время-то дождливое, осеннее, нудное, но у Бориса Александровича появляется новая яркая метафора о журавлином клине: они отодвинули засов калитки в небо, и в открытое пространство прорвались струйки дождя: «Дождь дошел до земли, словно гиря часов».

В окно заглядываешь, как на циферблат, поэтому невзначай замечаешь осенние акварели: проплывают низко над землей тучи, а из них льется дождевая вода. И капли её, как горошины барабанят по крыше так, что кажется, раздается шум морского прибоя.

На улице темнеет среди белого дня, словно тучи превратились в театральный занавес, а он медленно закрывается при медленно гаснущем свете рампы, и зрительный зал затихает. У Орлова эта картина нарисована так: ни блескучей грозы, ни чужих голосов.

А течение времени поэт показывает не кратковременное, а глобальное в огромном историческом диапазоне, но затрачивает на это очень мало слов: три-четыре: «То в киоте Спаситель, то в рамоч-

ке вождь». Люди, сообразуясь со временем, и меняют портреты, как в театре декорации. На ум приходится шекспировское: «Весь мир театр, а люди в нем актеры». А в театре для режиссера важен потрясающий зрителя финал. Орлов режиссер опытный и его финал потрясает читателя: «Время – это медлительный длительный дождь».

Хотя сердце поэта и обливалось кровью в пустом материнском доме. Но не может оно пребывать в вечной скорби. Есть дела, заботы, хлопоты. А после проливного дождя выглядывает ясное солнышко – мрачные тучи вылили свои слезы печали на землю и его лучи отразились в стеклах окон и позолотили их. Ведь на дворе яблочный спас. Совсем другая картина:

Уезжаю… В грусти сердце тонет.
Долго будет вспоминаться мне,
Словно Богоматерь на иконе,
Мать моя в распахнутом окне.

Желтый вечер. Рожь росой намокла
Ароматен Яблоковый спас.
За спиною золотятся окна.
Дома, как резной иконостас.

Когда я взял в руки книгу «Звездный свет», и прочитал фамилию автора – Орлов, - сразу же вспомнил, что фамилия – то исторически знаменитая. Двуглавый Орел на гербе России олицетворяет географию и политику страны. Мы, наша страна, разместилась на двух континентах: Европы и Азии. А потому Орел обозревает огромную страну, чтобы охватить её одним махом, одним взглядом, а поэтому он о двух головах. Одна смотрит на Запад, другая на Восток.

Теперь можно перейти от географии к истории. Дворцовых переворотов проходило на Руси и в России много. Но один из них, самый грандиозный из всех привел с помощью аристократов, гвардейских офицеров братьев Орловых императрицу Екатерину Вторую к власти. При ней стала заграница признавать величие и могущество России.

И сам Борис Орлов прекрасно знал историческую подоплеку своей фамилии и выбрал в жизни самую главную профессию: защищать свою Родину.

В выборе своем Борис Александрович был не одинок. В этом

он убедился, побывав во Франции. Там каперанг полковник Орлов увидел на могильном камне надпись золотыми буквами: «Полковник Орлов…»

Мысли роем теснились в голове. Опомнившись от стресса, Борис Александрович эти мысли запечатлел в стихотворных строках:

Сен-Женевьев –де-Буа.
Рощи осенней покров.
Крест. Золотятся слова
В камне: «Полковник Орлов…»

Жертва гражданской войне –
Смерть на чужбине. Беда.
Кем же приходится мне
Он? Не узнать никогда.

И офицер, и солдат.
От малярии и ран…
Сколько Орловых лежат
В землях неведомых стран?!

Церковка. Купола медь.
Тлеет свеча в полумгле.
Господи! Дай, помереть
Русским на русской земле.

Горько и обидно умирать в расцвете сил, на пике карьеры, когда твои мечты и планы рушатся со звоном и треском и летят в тар-тарары. Но еще обиднее умереть на чужбине. Только это не единственная фамилия полковника Орлова, которую увидел поэт Орлов на кладбище Парижа, была не первая и не последняя. Есть в математике законы арифметической и геометрической прогрессии, когда малое число превращается в большое, да что там большое – огромная величина которого стремится к бесконечности. Только арифметическая прогрессия увеличивается медленно. Самая простейшая – это наш порядок счета, когда последующее число отличается от предыдущего на единицу. Но этот шаг прогрессии может иметь и больший размах: на две единицы, на десять, на тысячу. Тут действует закон сложения. А у геометрической прогрессии число увеличивается возведением в степень. Так интенсивно, как расщепляется атом в реак-

торе. Но если реакция вырывается из под контроля, то происходит атомный взрыв.

Поэтому не хочется вычислять, сколько же Орловых погибло на чужбине. У него уже в глазах рябит от чтения своей родной фамилии – Орлов.

А ведь все эти люди могут быть какими-то дальними родственниками его. И невольно из груди вырывается крик: «Господи! Дай, помереть русским на русской земле». Эти слова, как молитва Богу. А поэт Борис Орлов молится не только за умерших, ушедших в мир иной людей. Он готов молиться и за живущих: сирых и больных, про которых не вспоминают, или не хотят вспоминать их «родные» люди. Если истово молиться с утра до ночи, может быть, Господь и услышит её:

Я люблю весенний шум сосны
И апрельский голос певчей птицы.
Помолюсь за сирых и больных,
За которых не кому молиться.

Кружатся над храмом журавли,
И пылится сельская дорога.
К падшим состраданья и любви
Попрошу молитвою у Бога.

Завернется вечер в звездный плед,
И туман повиснет над рекою.
Кто-нибудь помолится мне в след,
Пожелав смиренья и покоя.

В каждой из трех строф стихотворения Бориса Александровича есть одно переменное слово: молиться, молитва, помолиться. В первой строфе лирический герой молится утром, когда начинают петь, радуясь жизни певчие птички, за людей, которые позабыли, давно уже позабыли это веселое слово – радость. Им не до жиру, быть бы живу.

Вторая молитва героя звучит днем, когда кружатся над храмом птицы, услышав размеренный колокольный звон. Лирический герой обращается к Богу и просит молитвенно сострадания и любви не для себя, а для падших.

А в третьей строфе герой надеется, что, может быть, кто-то замолвит словечко и за него, попросив у Бога смирения и покоя. Дело идет к вечеру. Стало прохладно, полегли туманы над рекой, а одет герой слишком легко, не по сезону. И поэт, увидев звездное небо в алмазах, которые и олицетворяют звездный блеск, доносит эту красоту до читателя: «Завернется вечер в звездный плед». Чтобы вечеру не было так зябко от туманной сырости.

Беседуя с духовником, лирический герой, оторвав взгляд от микроскопической пылинки, начинает, оглядывая свет звездного неба, понимать величие космоса. Лермонтов слышал как звезда с звездою говорит, а современный поэт Борис Орлов слушает «мелодии тонких миров». Слова же песен сочиняет сам Борис Александрович, при том он их заплетает в венок сонетов, вплетая в конец и в начало каждой катрены «звездный венок». Пусть стихи сверкают ярче. А оркестром, который играет мелодии песен, управляет сам Господь Бог.

Это только преамбула к симфонии, которую написал поэт Борис Орлов. Так прочитайте и прослушайте её сами, уважаемые читатели. Думаю, что получите огромное наслаждение:

Космос – вечная Божья свобода, -
Мне сказал астроном – богослов.
Во вселенной он ищет не воду
А мелодии тонких миров.

В небе песни ночного простора
Заплетаются в звездный венок.
Мирозданье – оркестр, пред которым
С дирижерскою палочкой – Бог.

Не менее интересно стихотворение Орлова, которое он посветил Иеромонаху Александру (Фауту). Киплинг говорил как-то: Восток – это восток, а запад – это запад и никогда они вместе не найдутся. Наша страна расположена на двух континентах: на Востоке – в Азии, на Западе – в Европе. Уральские горы не разделяют страну на части. Просто по Уралу проходит граница между Европой и Азией. Но Урал не великая Китайская стена, которая была построена для защиты Китая от набегов жестоких и алчных кочевников. Да и не спасла Великая Китайская стена страну от врагов.

А наш Урал – естественная преграда на пути из Европы в Азию, но Уральские горы старые, отлогие на них многокилометровых хребтов, обрывов и ущелий. По дорогам снуют туда и обратно транспортные средства, и население страны имеют свободу перемещения.

Я не хочу опережать событие и не хочу раскрывать перед читателями карты раньше времени. Вывод поэта Бориса Орлова вы должны впитать в себя сами:

Рассветная дымка. Закатная мгла.
А день обожжен, словно глина.
И купол небес, и церквей купола.
От солнца до солнца равнина.

Вдали от России я жить бы не смог.
Любовь к ней – для сердца лекарство.
Россия не Запад, но и не Восток.
Россия – небесное царство.

Только истинный патриот мог придумать такое: «Россия – небесное царство». Мы не нация, а многонациональный народ, который создан Богом. Разве просуществовало такое огромное государство, в котором и народу-то не особенно много и армия не велика многие века, где «купол небес и церквей купола» простираются «солнца и до солнца». Сколько грозных и могучих царств – государств возникало на планете и исчезало в пучине времени. Хотя у этих стран были великие полководцы, которые жаждали завоевать мир. Взять хотя бы Римскую империю. Но от великого Древнего Рима, в котором были уникальные полководцы: Кей Юлий Цезарь, Александр Македонский, а от могучей империи от одного океана остался один итальянский сапожок в Средиземном море.

Рухнула под натиском персов развитая цивилизация Греции, но и персы не смогли создать халифат, и он рассыпался на мелкие осколки небольших государств.

Россию же пыталась покорить Золотая или Синяя Орда, но и под Игом её святая Русь выстояла, а народы, составляющие мощную неуправляемую армию, превратили её в наших союзников.

От Великобритании, территория которой простиралась тоже от солнца до солнца, как и в России. Но только Великобритания

была морской державой и британцы гордились, что на её территории всегда светит солнце: когда солнце заходит на Западе, то оно уже встает на Востоке, остался один островок – Англия.

«Россия – небесное царство» с гордостью заявил поэт Борис Орлов, но его голова не кружится от эйфории. Он прекрасно понимает, что Господь не только охраняет Россию, но очень часто и приносит её в жертву, ради спасения всего мира. И у поэта рождается вот такое стихотворение:

У жены нательный крест под блузкой.
Без креста народ и слаб и сир.
Как Христа, Творец приносит русских
В жертву, чтоб спасти заблудший мир.

Помолюсь о предках. Я не вечен –
Улыбнись и каждый жест лови.
Догорают люди, словно свечи, –
Плачет Храм Россия – на - Крови.

Умеет Борис Орлов в кульминации, в финале вставить такую философскую и одновременно очень броскую фразу, которая поднимает его стихотворение на небывалую высоту, и она становится эпического значения: «Догорают люди, словно свечи – плачет Храм Россия – на – Крови». Такая метафора могла родиться только в Санкт-Петербурге, где был возведен Храм Спаса на Крови, на месте гибели императора Александра Второго от рук террориста. Но тогда погиб только глава государства, а поэт в своем стихотворении расширил жертву до размеров огромной страны.

Борис Орлов в следующем стихотворении показывает, что жертвы не были напрасны. Пока жива память о стране, она никуда не исчезнет. Поэт создает образ Святой Руси, которая трансформирована в Россию, с кораблем. Этот образ исходит из Ветхого Завета. Во время Вселенского Потопа, чтобы спасти мир, Ной соорудил корабль, и в него взял несколько пар людей и животных: «Семь чистых и семь нечистых».

Борис Александрович не только проводит параллель с Ветхим заветом, но и усиливает этот божественный образ:

Душа юна и дух не дряхл.
Жизнь учим наизусть.

Мы в храмах, как на кораблях,
Плывем в Святую Русь.

То бьет волной, то бьет молвой.
Дыханье гиблых мест.
Но словно, флаг, – над головой
Наш православный крест.

У Бориса Александровича не одно средство для спасения души, не один корабль как у Ноя. Он заявляет, что не погибнет Русь, так как она отправилась в кругосветное плавание не на одном суденышке, а на целой флотилии: «Мы в храмах, как на кораблях, плывем в Святую Русь». И на мачте такого «корабля – храма» развивается на флаг, а воздвигнут православный крест. И никакие бури и шторма не заставят эти корабли сменить курс.

В следующем стихотворении поэт обыгрывает заповедь «возлюби ближнего». Орлов не призывает любить ближнего, а показывает мир любви, в котором нет ни злобы, ни зависти. Если где и стукнет мороз, то стоит безветрие или веет «тщедушный ветерок». А если нагрянула зима, то она прилетает с наземной снежной птицей. А низкое тусклое зимнее солнышко поэт сравнивает с огромным воздушным шаром, у которого для строп использованы дымы из ночных труб. Вот этот стратостат и покачивает на «дымах дома», приподняв домишки над землей. Тут использует и применяет Орлов эффект оптического обмана. Дымы клубятся, колышутся, а вместе с ними, кажется, что колышутся и качаются сами дома.

Солнечные лучи проникают в окна домов, и в них засияет «веселый свет улыбок». Но это свет сияет не только от лучей солнца, он исходит и от любви к ближнему.

Как всегда у поэта Бориса Орлова красноречив финал. На финале он, как хороший спортсмен-легкоатлет, экономивший силы на дистанции, применяет резкий спурт, чтобы опередить соперников, и, порвав финишную ленточку, стать первым. Заставляет зрителей на стадионе взвинтить свои нервы до предела, и ахнуть, и восторженно завопить во славу чемпиона.

В завершающих стихотворение строчках поэт призывает быть благодарным к нашему огромному миру, что дает реализоваться каждому жителю его: «Как огромен мир! Но как он зыбок! Не забудь его благословить»:

И мороз, и ветерок тщедушный.
Снежной птицей – на земле зима.
Солнце в небо, словно шар воздушный,
Поднимает на дымах дома.

А в домах – веселый свет улыбок.
Здесь привыкли ближнего любить.
Как огромен мир! И как он зыбок!
Не забудь его благословить.

Лирический герой Бориса Орлова не забывает, и благословить окружающий мир и самому, преклонив колени, помолиться Богу в храме:

На колени стал. Святая Дева –
Предо мною. Храм похож на рай.
Справа – Серафим Саровский. Слева –
Светлый чудотворец Николай.

Свет и счастье… Как во время оно,
Прихожане все – моя родня.
И святые лики на иконах,
Словно предки, смотрят на меня.

Обыденный ритуал молитвы, но с каким благоговением описывает его поэт. Сияют иконописные лики святых, да так, что у прихожанина сердце замирает. Ему кажется, что «храм похож на рай», а в душу проникают «свет и счастье». Лица прихожан настолько родные, что лирический герой сравнивает их со своими родственниками. А вглядевшись в лики святых, заявлять проникновенно: «И святые лики на иконах, словно предки, смотрят на меня».

Борис Александрович не ошибается. Ведь все святые, когда ходили, жили на нашей земле, а значит они наши пращуры, наши предки. Вот они приглядываются внимательно на своих потомков: достойно ли они ведут себя в нашем зыбком и хрупком мире…

Поэт Орлов редко дает своим стихотворениям названия. Считает, видимо, что важна суть, а не внешняя оболочка литературного произведения. Но для этого стихотворения он выбрал потрясающее название – Вечная тема:

День дотла сожгли перепела,
Вспоминаю – и мороз по коже…
Это было… это было тоже…
Неужели жизнь моя прошла?

Промелькнул оркестр перед лицом –
Бах взметнулся, будто нефть из скважин.
Кинофильм с трагическим концом –
Эта жизнь. Её не смотрят дважды.

Тут надо отдать должное Борису Александровичу, что грандиозны в этом стихотворении его и название, и финал.

На самом деле, что тут затрагивается «Вечная тема» - «Кинофильм с трагическим концом – эта жизнь. Её не смотрят дважды». Закон природы – любая жизнь конечна! В детстве на понравившийся фильм многие из нас ходили не только дважды, а и трижды. И четырежды… Все не могли налюбоваться трогательной историей любви, или жестокой трагедией предательства. Но: жизнь такова как она есть и больше – никакова.

Но нам свою жизнь нельзя посмотреть дважды. В одну и ту же реку, говорили древние мудрецы, дважды не входят.

Но ценю стихотворение не только двумя аккордами поэта. Он дарит читателю органную музыку Баха, воздействие которой так мощно действует на человека, что сравнение поэта вполне уместно: «будто нефть из скважин» вырывается эта музыка Баха. Она бурлит, фонтанирует, что столб выброшенной на поверхность нефти взлетает над землей на несколько метров ввысь. Но ведь звучит в стихотворении и пение перепелов. Так и они поют реквием. Поэт отмечает это событием четко одной строкой: «День дотла сожгли перепела». Но уныния стихотворение не вызывает. Хоть и говорят, что ничего не вечно под луной, но Борис Орлов затронул – вечную тему. А потому не только у лирического героя мороз бежит по коже, а и у читателя.

И лирический герой смиряется с неизбежностью жизненного конца и размышляет об этом, словно пишет свое завещание:

Светит. Имярек – безродный век.
Я родился русским, жил по-русски,
И умру, как русский человек.
Отпоют священники и ветры.

Прах. И ляжет крест на апогей.
Я хочу, чтоб два квадратных метра
Оставались русскою землей.

Не правда ли, что это стихотворение Бориса Александровича очень созвучно с тем, которое написал он про своего однофамильца, а может быть и дальнего родственника – о полковнике Орлове, захороненном в Париже?

В этом же стихе поэт Орлов сетует: «Имярек – безродный век». Тут оригинальна не только мысль, а поэтическое мастерство. Рифма звенит и внутри строчки, хотя рифмуется с другой строчкой.

Интересно узнать и об отпевании человека, ушедшего в мир иной. Его отпевают не только священнослужители, а и ветры.

В «завещании» Орлов не требует ничего. Он желает самую малость для патриота своей Родины: чтобы те два квадратных метра, которые отмеряют лирическому герою на кладбище, оставались «русскою землей».

Но ветер перемен уже несется по России. И несут они людям – Веру. В стихотворении, которое Борис Орлов посвятил уже упоминаемому им Иеромонаху Александру (Фауту), об этом и говорится:

Хотя еще безумствуют Химеры
И в грешных душах много пустоты,
Гуляет по России ветер веры
Христовой. Всходят золотом кресты.

Яснее память. Ярче предков лица.
Светлее храм. Пышнее каравай.
Россия куполами колосится –
Хранит Господь духовный урожай.

В этом стихотворении Борис Орлов показывает читателям, что вера-то бессмертна. Нужно только умело отделять зерно от плевел, и тогда посев нивы будет очень плодотворен. Сколько бы зернышко не пролежало в земле оно дает всходы. А колос, который вырастет из этого зернышка, приумножит зерно многократно. Ветра же перемен, несущие народу Веру, выметут вон из страны безумные химеры, которыми хотели набить головы прихожан, а пустота, которая образовалась в грешных душах от безверия, заполнится вновь духов-

ностью. Ведь сравнивает же с колосящейся пшеницей поэт, восходящие «золотом кресты» церквей, которые также быстро и стройно взметнулись над храмами в небо.

Я уже говорил о лаконичности поэтических образов поэта. Яркий пример такой манеры есть и в этом стихотворении: во второй строфе в двух строчках по две фразы, а в каждой фразе всего по два слова (правда, в одной фразе три слова, но в каждом правиле есть хотя бы одно исключение). Но когда эти скупые слова, как яркие камушки-стеклышки калейдоскопа повернуть к свету, то получится великолепная красивая картинка: «Яснее память. Ярче предков лица. - Светлее храм. Пышнее каравай». Философская мысль изящна.

Память возвращается, узнаваемыми стали лица предков от света Веры светлеет и храм. Но возникает крамольная мысль: с какого боку-припеку к этим духовным словам прилепился пышный каравай. Разумеется, нужен хлеб насущный для укрепления плоти, но откуда появился этот пышный каравай, среди духовной пищи?

На это отвечает очень образно сам автор: «Россия куполами колосится – хранит Господь духовный урожай».

В предисловии я упоминал, что Борис Орлов флотский офицер, а у моряков форма черного цвета. Эту деталь обыгрывает поэт Орлов, сравнивая цвет своего обмундирования с черными рясами монахов. Но не в этом сравнении поэта его главная мысль.

Он уносится мыслью во времена Куликовской битвы, когда два монаха Пересвет и Ослибля встали на защиту своей Родины от Золотой орды с оружием в руках, с Божьего благословления. Когда до этого не воевавший Пересвет схватился в поединке с опытным ордынским воином Челубеем, дружина Дмитрия Донского замерла в напряжении. Ведь во все времена исход первой схватки с противником был знаковым и предопределял победу в схватке всей битвы. Оба богатыря рухнули замертво на землю, но и новичок не ударил в грязь лицом, а геройски погиб и поверг своего противника, так же решив его насмерть.

Показал монах, что не так страшен черт, как его малюют. Исход битвы на Куликовом поле был предрешен. Русское войско во главе с Дмитрием Донским победило.

Вера монаха в исход битвы вселила Веру в победу войска. И такое чудо повторялось не раз. Об этом и рассказал читателям поэт:

Битва за веру. Ручьями –
Кровь. Шепот русских молитв.
Сотня монахов с мечами
В первой шеренге стоит.

Крепче и камня, и стали
Вера… Я верой клянусь!
Черною сотней назвали
Тех, кто сражался за Русь.

В битвах не ведали страха.
Вижу сквозь отзвуки гроз
Черные рясы монахов –
Смотрит с хоругвей Христос.

…В наших каютах и кельях
Молится Родина – мать.
В рясах и флотских шинелях
Нам за Россию стоять!

В этом стихотворении столько метафор, что можно сбиться со счета кажется, это не стихотворение про Куликовскую битву, а панорама сражения на Святой Руси за Веру. Какие хлесткие слова звучат в этом литературном произведении: Кровь – ручьями, крики и звон мечей слышится, а шепот молитв. Вот она битва за Веру и монахи, которые должны быть смиренными и покорными стали в первую шеренгу, что бы первыми и принять на себя удар. Хотя тех, кто в смутное время встал за Веру, царя и Отечества называли черносотенцами. Но не из-за цвета черных бушлатов или ряс, а за их, якобы, темные помыслы.

Поэт, понимая провокационность этого названия, приводит сравнение: на «черные рясы монахов – смотрит с хоругвей Христос». Рясы-то черны, а с Хоругви смотрит святой лик Спасителя. Характерно сравнение Орлова кельи с каютой подводной лодки. Оба помещения не позволяют обозревать внешний мир. Но никто не запрещает молиться за Родину – Мать. И как всегда многозначительна концовка стихотворения: «В рясах и флотских шинелях нам за Россию стоять!»

Пасха

С этого слова начинается новая глава, но у Бориса Орлова есть и стихотворение с таким названием:

Как зеленый пар, струится в небо
Первая пушистая листва.
Молимся неистово и слепо,
Превратив желания в слова.

В сердце словом, как электротоком,
Бьет… И слезы катятся дождем.
Наша жизнь – душа в разлуке с Богом.
От Него ушли, к Нему придем.

Стихотворение «Пасха» могло бы стать эпиграфом к любому литературному произведению поэта Бориса Орлова. Оно настолько афористично, что афоризм выглядывает из любой строки: Беру наугад: «Молимся неистово и слепо, превратив желание в слова». Хотя эта фраза начинается с кодового слова – молимся, но какая же это молитва, когда желание вкусно пожрать выдается за главную и непреложную истину. Это примитивное желание ранит сердце настоящего верующего. А потому у лирического героя и слезы льются ручьем, а на сердце скребутся коготками кошки. Но самый сногсшибательный афоризм Борис Орлов, как всегда держит в запасе для эффективного финала:

Наша жизнь – душа в разлуке с Богом:
От Него ушли, к Нему придем»

Почему же так происходит, что мы живем, как в русской поговорке: «Гром не грянет – мужик не перекрестится»?

И поэт обращается к деревенским старушкам в белых платочках – косынках, которые и сохранили веру в самое лихое время безверия, прозябая в Богом забытых деревушках – развалюшках:

Помнят здесь старинные законы
И по-русски просто говорят.
А старухи в черном, как вороны,
На скамьях осиновых сидят.

Мудрые, они и верят в Бога,
И творят молитвы против бед.
Но в бурьяне прячется дорога,
И детей давно в селенье нет.

И, на миг забыв Святого Духа,
Кутаясь в дырявое пальто,
Плачет журавлем вослед старуха:
Где ж ты, Русь, совьешь себе гнездо?»

Разумеется, что в этом стихотворении поэт затрагивает важную тему о вымирающей деревне, в которой еще сохранились русские традиции и обычаи.

Орлов говорит об этом в первой же строчке: «Помнят здесь старинные законы». О них, о старинных образах и судачат, сидя на осиновых скамейках, кумушки-голубушки в черном или в темном одеянии. Поэт их сравнивает с воронами. Каркнут что-то, когда заметят дождевую и грозовую тучу на небе и поспешно скроются под крышу дома своего.

Но в доме не сидят ребятишки: семеро по лавкам, как в старину. По комнатам домика гуляет только гулкое эхо. Мужиков в деревне почти нет, а женщины помоложе сбежали в города. Но не от святого же Духа им рожать в деревне.

Но поэт очень трогательно относится к стареньким бабушкам: «Мудрые они и творят молитвы против бед». А потому и живут долго, что позабыли, в каком же году они родились. Не знают они, когда же заглянут в деревню их родственнички.

В одной песне поется: «Эх, дороги, пыль да туман. Холода, тревоги, да степной бурьян». Предполагается, что бурьян махровым цветом кустится вдоль дороги. На её обочине. А у поэта Бориса Орлова говорится, что в бурьяне прячется дорога, а проще говоря, дорога бурьяном заросла. И надежды на возвращение родственников бабушек в родные места – нет.

Оканчивается стихотворение Бориса Александровича с надрывной тоской и болью, что ком подкатывается к горлу: «Кутаясь в дырявое пальто, плачет журавлям во след старуха: «Где ж ты, Русь, совьешь свое гнездо?».

Обычно в поэтических произведениях журавли плачут, про-

щаясь с родным краем, а у Орлова рыдает старуха, спрашивая у Бога, когда же совьют её дети, внуки, правнуки свое родимое гнездышко. Ведь в гнездо принесут, если не журавли, так аисты ребеночка, и жизнь будет продолжаться. А бурьян с дороги аисты выдергают и построят из его стеблей себе гнездо.

И вот по воле поэта его лирический герой переселяется в деревню. О его впечатлениях рассказывает читателям поэт:

Как статуи, пугал фигуры
Встречаю на сельском пути.
И, словно веселые куры,
Стучат по калиткам дожди.

Целует реку у часовни
На цыпочки вставший родник.
А рядом - к избушке крыжовник
Колючей щекою приник.

Герань отражается в раме.
Придвинуты стулья к столу.
Гроб с музыкой – черный динамик
Затих под иконой в углу.

И прожито много, и много
Утрачено веры и сил.
Но, видно, не даром у Бога
Я тихую пристань просил.

Не стихотворение, а настоящая идиллия. Единство человека и природы. Даже последняя деталь цивилизации – черный динамик, который хозяин дома называет гробом с музыкой, и он замолкает. Находится динамик в углу под иконой. Но услышав молитву, закрывает свое хайло и орало. Молятся в тишине, так зачем же гневить Бога в минуты откровения бравурной музыкой.

Зато для лирического героя остальная жизнь одно удовольствие. Огородное пугало, словно музейный экспонат статуя огородника. Монотонный стук звук затяжного дождя, который барабанит по крыше, не раздражает героя, наоборот, ему кажется, что это «веселые куры стучат по калиткам».

Лирический герой фантазирует и ему представляется, что, «на

цыпочки вставший родник, целует реку», протекающую около часовни. Мне никогда не приходилось видеть и слышать, как, привстав на цыпочки, невысокий озорной родничок целомудренно решил поцеловать величавую и полноводную реку.

А каков изумительный образ крыжовника? Он прижимается колючей щекой к избушке. Словно мужчина, со щетиной на щеке трехдневной небритости, вдруг решил обласкать свою жену, в порыве нежности. А яркая красотка герань решила полюбоваться своей яркой красотой, и кокетливо смотрится в стекло рамы, как в зеркало.

И лирический герой, с сожалением вздыхая, что «И прожито много, и много утрачено веры и сил», все же благодарен своей деревенской идиллией: «Но, видно, недаром у Бога я тихую пристань просил». Идиллическую тему поэт Борис Орлов продолжает и в следующем стихотворении:

Печь топлю, а под окошком ветер
Яблоню сгибает, словно трость.
Я случайный гость на этом свете,
Но забыл, что я всего лишь - гость.

Не один такой. Наш мир не прочен.
Хрупко и здоровье и семья.
В сердце - холодок бессонной ночи.
Трость… Пижама… Желтая скамья…

Взгляд растерян, разговор отчаян.
И смешон тот врач, что учит жить.
Он распределяет, как хозяин,
То, что смертным не принадлежит.

Копим деньги. Тайно строим планы.
Ищем славу там, где ждет позор.
Все нелепо и немного странно…
Лишь на небе - воля и простор.

А когда меня задует вечер,
Словно догоревшую свечу, -
Обретая призрачную вечность,
Сизым дымом в небо улечу.

Лирический герой, чтобы поправить, подкрепить здоровье надолго бросил якорь своего корабля в тихой гавани. Топит печку, когда на улице холодно и сыро, чтобы самому не зябнуть. И наблюдает, как за окошком свирепствует ветер. Он яблоню сгибает в бараний рог, как тростинку.

Увидев это неистовство, впадает в уныние: «Я случайный гость на этом свете, но забыл, что я всего лишь гость».

Формула поэта проста, а кто из нас хозяин своей судьбы? Вопрос риторический и ответ никому не надо подсказывать. И так понятно, стоит взглянуть лишь на небо.

Но понимая сложность ситуации, оптимизма много не получишь, а Борис Орлов показывает в чем причина уныния лирического героя: «В сердце – холодок бессонной ночи. Трость… Пижама… Желтая скамья…». Он серьезно болен. Но наставления врача, несмотря на растерянность и отчаяние еще больше раздражает лирического героя. Он считает врача смешным и ничтожным. Так как этот эскулап, говорит поэт, «распределяет, как хозяин, то, что смертным не принадлежит».

После этого вывода у героя вся жизнь промелькнула как на кинопленке. Вот тут Борис Орлов немного противоречит сам себе. Да, правильно, свою жизнь не посмотреть, не прожить второй раз, не прокрутить кинофильм под названием «моя жизнь» второй раз, но отыскать в своей памяти совершенные тобой ошибки может каждый. Правда, исправить свою судьбу и повернуть время вспять, не может никто.

И вот лирический герой понимает, что вся суета тщетна. Копил деньги, но здоровье за деньги не купишь. Строил планы, да начертал он их на песке. А шальной ветер нагнал волну на берег, и вода смыла чертежи этих планов, слизала, как корова языком.

Герой с горечью понимает, что зря гонялся по свету за призрачной славой: «Ищем славу там, где ждет позор. Все нелепо и немного странно… Лишь на небе воля и простор».

Вот, как только пришло к лирическому герою прозрение, на душе стало легко и свободно. Ведь, как пел Олег Ануфриев: «Есть только миг, между прошлым и будущим. Именно он называется жизнь».

А поэт Борис Орлов остается верен себе и в его финале лири-

ческий герой принимает решение спокойно как фаталист: «А когда меня задует вечер, словно догоревшую свечу, - обретая призрачную вечность, сизым дымом в небо улечу». Омар Хайям позавидовал бы, что это Рубан написал не он.

А Орлов в стихотворении завершает кольцевой цикл произведение начинается со слов «Под окошком ветер», а заканчивается «Когда меня задует вечер».

Символы прожитой жизни: энергия так и бурлит в её начале, как ветер, который даже яблоню сгибает, словно трость», а на закате жизни, как и дня, наступает другой период – вечер.

Но лирический герой не рефлексирует, ведь он не погрузится в беспросветную ночную тьму, он уйдет в «призрачную вечность».

А поэт Борис Орлов пишет изящную оду северному городку Угличу. Он исторически известен трагедией, происшедшей в нем. Царевича Дмитрия или зарезали недоброжелатели Ивана Грозного или мальчик сам упал на ножичек и погиб. Никто не сумел остановить кровотечение. Но из-за этого ужасного события прервалась связь времен. На Святую Русь, на Московию обрушились беды. Самозванец Ложе-Дмитрий привел интервентов – поляков в столицу. Началось смутное время. Династия Рюриков ушла в небытие. Но русский народ, сплотившись вокруг князя Дмитрия Пожарского и старосты Кузьмы Минина, выгнали польских оккупантов из Кремля Москвы за пределы Руси. И наступила эпоха царской династии Романовых.

Но поэт Борис Александрович опускает эту трагедию, оставляет её за скобками. Углич для него красочен, как северное сияние и «сердце северной страны»:

Гаснут звезды, словно угли,
На рассвете в облаках.
Угловатый город Углич
Просиял костром в веках.

Облака завиты в букли,
Чайки дремлют на песке.
Куполами древний Углич
Отражается в реке.

Замираю – всплеск ли, стук ли…
Сладкий донник видит сны.
Поднебесный город Углич –
Сердце северной страны.

Поэт Борис Орлов ловко жонглирует звуками, из которых сложены слоги, слова города Углича: угли – Углич, букли – Углич, стук ли – Углич. Звучат они, как стук легохонько шарика полпончо, который посылается ракеткой теннисиста на поле стола своего соперника, а он отправляет шарик обратно: ту-ту, ту-ту, ту-ту. Или как в хохме сатирика Аркадия Райкина: шарик туда, шарик сюда. К этому же поэт и эпитет подобрал городу Угличу соответствующий: Угловатый город Углич. Да, угловатый, но «просиял костром в веках». Началось смутное темное время, связанное с названием города Углич, но с него начала подниматься с колен Россия. Сколько раз её пытались на колени, но не сломить вечернюю, полуночную северную страну жарким и горячим захватчикам. Интересно стихотворение Бориса Александровича, что оно, не смотря на грозный исторический подтекст, очень тонкой лирической направленности.

Взять хотя бы сравнение, которое я нигде до этого не встречал: «гаснут звезды, точно угли». Надо быть очень наблюдательным человеком, чтобы отметить, что звезды, как огоньки угольков в костре-то покрывают пеленой пепла, то после дуновения ветерка начинают снова мерцать в темноте ночи. А от впечатления красоты первой строчки возникло у поэта и следующая метафора: «Угловатый город Углич просиял костром в веках». Ветер перемен раздул угли костра, который уже затихал и он «засиял», да не на какое-то мгновение, а в «веках».

Взять еще один пример: «облака завиты в букли». Ведь это же отголоски уже Петровской и Екатерининской эпох. Стали наши офицеры носить парики. Генералиссимус Суворов высмеивал эту дворцовую моду: «Букли не порох, коса не тесак, а сам я русский, а не какой-то прусак».

А во второй строфе Орлов умело показывает провинциальность Углича и его одухотворенность одновременно. Там «чайки дремлют на песке», но «куполами древний Углич отражается в реке».

Очень созвучно с есенинским сравнением: «Золотая дремотная Азия, опочила на куполах».

Мощен и завершающий аккорд стихотворения: «Поднебесный город Углич – сердце северной страны».

Я столько раз, исследуя творчество поэта Бориса Орлова, повторил словосочетание «смутное время», что негде увидел название его стихотворения «Монолог в смутное время», то опешил. Неужели мои творческие изыски пошли напрасно, а сам Орлов пишет о смутном времени? Но оказалось, мы говорили про смутное время разных эпох. Ведь даже сейчас смута не закончилась, но самое жуткое мракобесие происходило в лихие девяностые в конце прошлого столетия и тысячелетия:

Я устал от людей… я устал
Падать в чьи-то глаза, словно в лужи.
Я не памятник. И пьедестал
Мне не нужен.

Ветер сплетен, как снегу надул…
И за плечи нахально облапал.
Дайте сесть… Нет не в кресло, на стул
Или на пол.

Кто-то дышит в затылок, толкает в кювет.
Жизнь – игра в догонялки и прятки.
Бьют за то, что родился на свет…
Я встаю. Все в порядке!

Мое время потрясений после прочтения названия стихотворения «Монолог в смутное время», не закончилось. Второй раз за какую-то коротенькую минуту меня потрясла суть литературного произведения поэта. Это искренняя исповедь творческого человека. У лирического героя, несомненно, есть талант, а талантливых людей окружает не ореол славы, а обычная зависть. И чем грандиознее талант, тем сильнее злоба. Если нельзя больно уколоть лирического героя, или врезать наотмашь в лоб, начинается интриганство, в ход пускаются сплетни и клевета. А если и бьют, то исподтишка – в спину.

Предлагаю вам, уважаемые читатели прочесть «Монолог в смутное время» еще раз и оценить, вместе со мною, его по достоинству.

Обычно творческие люди расцветают от общения друг с дру-

гом. А тут лирический герой выражает противоположное мнение – он устал от людей. Устал от ехидных улыбок и снисходительных взглядов: «Эх, ты, голова садовая, со своим-то суконным рылом хочешь встать в палашный ряд?»

И поэт Орлов пишет: «Я устал падать в чьи-то глаза, словно в лужи». Очень точный образ: взглянув в мутные глаза, кажется, что ты упал в мутную воду грязной лужи.

Дальше – больше. Видимо лирическому герою с ехидством бросали не раз в след: «Я памятник воздвиг себе не рукотворный». И лирическому герою ничего не оставалось делать, как огрызнуться: «Я не памятник. И пьедестал мне не нужен».

Про грязное оружие – сплетен, я уже упоминал, а теперь прошу обратить на великолепную метафору поэта Орлова: В ней сплетни как комки снега надувает анонимный тип ветер. Сделав подлость, он еще по-панибратски обнимает лирического героя. У автора: «И за плечо нахально облапал». И «признается» в своей искренней любви: мы с тобою друзья до гроба. Правда, сам он горит огромным желанием взять молоток и вбить гвоздь в крышку того самого гроба, о котором с такой неистовостью говорил. Мол, сначала ты, а потом уж и я.

От такого приема у любого закружится голова и, чтобы не упасть от головокружения, лирическому герою хочется сесть…

Тут у самого поэта засверкали иронические искорки в глазах. Ведь злопыхатели злословили, что якобы, лирический герой, расталкивая локтями, распихивая плечами своих окружающих коллег, рвется в номенклатурное кресло. У автора это звучит так: «Дайте сесть… Нет не в кресло, на стул или на пол». Ноги уже не держат, а ударить в грязь лицом лирическому герою не хочется.

И уже «доброжелатели» сами «дышат в затылок, толкая в кювет». Причину придумали для оправдания своего хулиганства и бандитизма весомую. Они «бьют за то, что родился на свет».

Но Борис Орлов последнее слово оставляет за собой и заканчивает стихотворение жестко и уверенно: «Я встаю. Все в порядке!»

Встряхнув головой и сбросив с плеч тяжелый груз обид, несправедливых сплетен, хотя разве бывают сплетни справедливыми, лирический герой в гордом одиночестве идет по ночному городу Петербургу, вдыхая аромат расцветшей сирени. И не такими уж угнетающими кажутся ему и сплетни и обиды:

Несправедливая молва –
Людской неправый суд.
То исказят мои слова,
То мысли переврут.

А я под шум небесных струй
Иду от сплетен проч.
Длиною с первый поцелуй
Над Петербургом ночь.

Июньский дождь. Сирень в цвету.
И зонтик над плечом.
Ценю людскую красоту…
И знаю, что почем!

В стихотворении лирика самой высокой, чистой пробы. Образные выражения сыплются, как дождинки летнего ливня из небесных облаков. Петербургскую ночь Борис Орлов сравнивает с первым поцелуем.

Но тут сначала у меня возникло сомнение. А точно ли сравнение ночи с первым поцелуем? Ведь в Питере ночи белые и как сказал Пушкин, «одна заря, сменив другую, спешит, дав ночи полчаса». Ночь-то петербургская так коротка. Но тут же вспомнил свою юность. Первый поцелуй был таким робким и кратким. Поэтому Борис Орлов говорил с иронией, и точно сделал сравнение. Короткая ночь Петербурга «длиною с первый поцелуй».

Оканчивается стихотворение поэта как всегда афористически: «Ценю людскую красоту… И знаю, что почем!»

От июньского дождя до рождественских морозов – один шаг. Время несется во весь опор: Новый год начинается точно в полночь под бой Кремлевских курантов. Под звуки серебряных труб пурги, написал поэт Борис Орлов стихотворение с впечатляющим названием: «Елки». Более сто лет назад написал один малоизвестный до сих пор поэт трогательную песенку «В лесу родилась елочка, в лесу она росла». А поэт Борис Орлов вступается за зеленые пушистые елочки, у которых такой короткий век:

Пурга в серебряные трубы
Трубит, что старый год истек.

Они спешат в зеленых шубах
Из леса к нам на огонек.

Блеск фейерверков… И стареют
Пни, словно символы потерь.
В квартирах елки обогреют,
А после выставят за дверь.

Морозы, как земные осы,
Трещат. На щепках спит топор.
Так в жертву елки мы приносим,
Как предки собственных сестер.

Год новый – новые надежды.
На свалку выбросили хлам.
Как ритуальные одежды.
Игрушки прячем по углам.

Начинается стихотворение торжественно и радостно: звучат серебряные трубы, а элегантные елочки в зелененьких шубках, очень броский наряд у них, спешат на новогодний огонек к нам в гости.

Шумная радостная встреча под фейерверк и искры бенгальских огней с ними. Каждому домочадцу хочется потанцевать с гостьей. Или хотя бы вокруг неё. Только восторг от встречи с елочкой очень краток. За одну секунду старый год передает эстафетную палочку новому, и притягательность к елочке исчезает. Словно так же, как в сказке про Золушку, которая сбежала с бала, потеряв хрустальную туфельку.

Только разница между сказкой и былью огромная. Золушку по утерянной туфельке разыскал красавец принц, и предложил ей руку и сердце, а с елочкой хозяева её поступают безжалостно и бессердечно. Поэт Орлов ярко говорит об этом трагическом моменте: «В квартирах елки обогреют, а после выставят за дверь». Очень сурово и бесцеремонно поступают хозяева с лесной гостьей. Делу время – потехе час. И выставят елочку, как нашкодившего щенка за дверь. Но щенок живое существо: поскулит жалобно и хозяева, сменив гнев на милость, погладят животное по головке, потреплют за холку и впустят в квартиру, грозно погрозив щенку пальчиком: «Чтобы это было в последний раз».

Елку же для начала выставят за дверь, а потом и вовсе выбросят на помойку. Но был ведь и промежуточный этап. Вот как его красочно описал поэт: «На щепках спит топор. Так в жертву елки мы приносим, как предки собственных сестер».

Приношение в жертву кого-то, чего-то – всегда жестокость. А топор только бесчувственное оружие, которым срубают елочку под самый корешок. Вспотевший и уставший лесоруб, утерев пот со лба, бросает на щепки топор. Который тут же притворяется, что крепко заснул на такой мягкой и теплой подстилке, как щепки, а не на холодном снегу.

Финал, как у елки, так и у поэта закономерен. Но лирический герой заявляет, что «Год новый – новые надежды», то роль елки уже сыграна и её останки: «на свалку выбросили хлам».

Но подойдет срок и опять в квартире появится елка. А ведь её нужно будет хозяевам наряжать. И они очень рачительные люди. «Как ритуальные одежды, игрушки прячут по углам».

Признаюсь вам честно, уважаемые читатели, что прочитав стихотворение Бориса Орлова «Елки», я пошел в магазин и купил синтетическую елочку. Покупная елка стройна, красива, элегантна как настоящая, только духмяного запаха хвои нет. Но для полного эффекта живой елки, достаточно бросить на пол несколько веточек, отломленных с огромной ели. И не надо будет каждый год срубать живую елочку «под самый корешок».

Но лирический герой и на следующий год прошел прогуляться по заснеженному лесу, но без топора. Поэт Борис Орлов написал об этом походе в лес лирического героя красочно и сочно. Хотя увидев на стволе дерева невзрачную растительность лишайник. Но бывает невзрачная, на первый взгляд, примета становится центром внимания, если показать внутреннюю красоту предмета, даже если это невзрачный лишайник. Один поэт как-то сказал об этом: «А что такое красота? Не понимают часто люди: сосуд, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?»

Вот такой огонек и разглядел поэт Орлов в невзрачном лишайнике:

Солнце на морозе коченеет,
Зимний лес оглох без певчих птах.

Белизна. И только зеленеет
Пятнами лишайник на стволах.

В пятнах застывают сгустки света.
Ветер нянчит ветки на весу.
И лишайник, словно эхо лета
Гаснет в обесцвеченном лесу.

Вечером вернусь, причастный к тайне,
В город многоликий и рябой.
На проспекте зимнем, как лишайник.
Я погасну, стиснутый толпой.

Можно было бы сказать об этом прекрасном пейзаже одной крылатой фразой: «Остановись, мгновенье, ты – прекрасно!» Но зоркий взгляд поэта Орлова выхватил столько прекрасных мгновений, прогуливаясь по зимнему лесу, что хочешь, не хочешь, а придется мне довести до читателей.

Начну с первой же фразы стиха: «Солнце на морозе коченеет». Парадоксальная фраза, но этим она и хороша. Как может коченеть на морозе солнце, когда оно источник тепла и света? Но, если взглянуть на зимнее солнышко через мутную пелену уходящего дня, то солнце покажется вам съежившимся, расплывчатым и не таким уж ярким. Одним словом, продрогшим на лютом морозе.

Оригинальность второй фразы не уступает первой: «Зимний лес оглох без певчих птиц. Это наоборот можно оглохнуть в лесу от разноголосья птичьих голосов: стрекота сорок, карканья ворон, тоскливых криков соек, свиста и пения дроздов, а как же лес оглох от тишины?

В этом-то как раз весь фокус. Лес эта немая тишина угнетает, и ему кажется, что он оглох. Не понимая своей ошибки, с удивлением качает головой – верхушками своих деревьев.

А третья фраза звучит как откровение: «Белизна. И только зеленеет пятнами лишайник на стволах».

Зеленый цвет зимой редкое явление. Даже третья фраза подчеркнуто точно начинается с указания цвета зимы – Белизна. Но лирический герой удивляется не зеленью лишайника. Зеленый цвет подчеркивает только его жизнестойкость. Он, лишайник в трескучие морозы не поддается холодам, а зеленеет.

Чтобы усилить холодрыгу мороза Борис Орлов вносит ясность в картину: в зеленоватых пятнах лишайника «замерзают сгустки света». А ведь свет принадлежит не только яркому, но и жаркому лучу… Но он все же замерзает.

Может быть, холод усиливается от ветра, который «нянчит ветки на весу»? Но автор стихотворения, немного помучив нас, открывает свою тайну, которую он узнал в зимнем глухом лесу: «Лишайник, словно эхо лета».

В сказке «Двенадцать месяцев» по мановению волшебной палочки в лютые холода, сугроб растаял и на проталинке зацветает подснежник. А в зимней сказке Бориса Орлова он слышит эхо лета. А еще говорят, что нет чудес на белом свете! Они, оказывается, существуют.

Лирический герой, возвратившись в город, многоликий и рябой, теряет всю прелесть прогулки по зимнему лесу, и восклицает возмущенно: «На проспекте зимнем, как лишайник, я погасну, стиснутый толпой».

Но тему лесного эха поэт не оставляет. Городскому жителю просто необходимы вылазки на природу. Лирический герой так залюбовался красотой природы, что позабыл про время. А оно стремительно ускользает от нас, особенно в лесу, где труднее сориентироваться по солнцу. И не замечаешь, как на кошачьих мягких лапах незаметно подкрадывается ночь. А поэту это только на руку. Никто и ничто не отвлекает, зато Муза уже настраивает на Лире струны. И появляются, проявляются стихи. Сначала это только мысли, а потом слова ложатся на бумагу, когда возвращаешься домой:

Мгла поглотила русла рек,
Дрожат расплывчатые тени,
На небо выпал звездный снег –
Ночь обозначила владенья.

Бесплотный ветер студит плоть.
В лесу хозяйничает эхо -
Ему пространство не помеха.
Мир спит. Не спит один Господь.

Если в стихотворении «Лишайник» поэт увидел в лишайнике маленький осколочек лета, а потом и услышал отголоски летнего

эха, то в этом стихотворении эхо не притаилось, а разбойничает, голосит на весь лес. А ночью голоса слышны на более дальние расстояния, чем днем.

Тьма в лесу наступает стремительно. Лирический герой замечает, что «мгла поглотила русла рек». Днем рябь на воде раздражала, а теперь колышутся только тени. Хотя ночь безлунная, но звездный свет, не зря же поэт Борис Орлов выбрал это словосочетание для заглавия всей книги, озаряет пространство и «дрожат расплывчатые тени».

Но тишина только причина, чтобы эху захотелось порезвиться: «Мир спит. Не спит один Господь». Лишь бы не заиграться. Деревенский парень подошел набрать воды к глубокому бездонному колодцу. Зачерпнув ведром воды, накрутил рукоятку барабана и, вытянув цепочку с ведром, заглянув в колодец, крикнул:

– Эй!

В ответ услышал голос эха: – Эй!

Парень никогда не слышал эхо и снова крикнул: – Эй! И опять услышав в ответ – Эй, любопытство охватило его и он долго Эй-кал.

Затем это занятие надоело ему, и он пошел домой, попил чайку, вышел на улицу и снова подошел к колодцу. Как говорится, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. А парень решил повеселиться и крикнул в колодец свое молодецкое: «эй!».

Но в этот раз эхо не стало подражать великовозрастному болвану, и резко ответило: «Заколебал!». Игра закончилась… Но это шутка, а Борис Александрович возвращается к церковной теме. Эпиграфом следующего стихотворения становится изречение Святого Филарета Московского: «Любите врагов своих. Сокрушайте врагов Отечества. Гнушайтесь врагами Божьими».

В эпиграфе четко прослеживаются три ипостаси врагов: человека, Отчизны и Бога. И если почитать сборник стихов поэта Бориса Орлова «Звездный свет», то можно убедиться, что это не только три главных правила Филарета Московского, но и кредо Бориса Александровича. Он и призывает своих врагов к смирению, и мирному существованию, врагам отечества советует не пытаться свободолюбивый русский народ обратить в рабство, а представителей других, не православных религий, прекратить агрессивные действия против иноверцев.

Все три пункта этого завета Филарета Московского красочно представил Борис Орлов в своем стихотворении:

Православный… Без жертвенных пугал.
Не суннит, не буддист, не хасид.
Загоняйте меня в тихий угол,
Но лишь в тот, где икона висит.

Если вы не пытались рабами
Сделать нас, почитающих Русь.
Я не стану рвать глотку зубами,
А смиренно за вас помолюсь.

Вот так кратко и емко изложил свое кредо поэт Борис Орлов. И краеугольный камень этого постулата во фразе: «Загоняйте меня в тихий угол, но лишь в тот, где икона висит». Почему это главная мысль стихотворения, на мой взгляд, объясняю. Если загнать в угол даже зверя, каким бы он слабым не был по сравнению с охотником, зверь или птица от отчаяния бросится на человека, и будет царапаться когтями. Отбиваться крыльями и клювом, или вцепится зубами в глотку своему врагу.

А поэт говорит со смущением православного человека: «Не будите во мне зверя!». Кто на нас с мечом придет – от меча и погибнет». В угол же, «где икона висит» лирический герой и сам часто навещает, чтобы помолиться за себя, построить против врагов Отечества и с презрением отвернуться от врагов Божьих. Бог и сам накажет их.

Другое стихотворение Борис Орлов посвящает отцу Анатолию (Денисову).

Вышло солнце – и тучи померкли.
Отдыхают луга от дождей.
Деревянная сельская церковь –
Дух Господень и души людей.

Нет от Бога у сердца секрета.
Крест возвышен и низок поклон.
И блаженствуют в лучиках света
Гладиолусы возле икон.

Всех усопших земля приютила –
Спят в ней прадеды, деды, отцы…
И звенит в русской церкви кадило,
Как на тракте звенят бубенцы.

Здесь в молитве встают на колени,
Повторяя святые слова.
В этой сельской округе священник
Ближе к людям, чем грешный «глава».

Обычно говорят, что тучи заслонили солнце, и оно померкло. У поэта совсем другой эффект, другое представление об этом явлении. Он говорит в первой строчке стихотворения: «Вышло солнце, и тучи померкли». Так и Максим Горький заявлял в своей «Песне о Буревестнике»: «Но не скроют тучи солнце, нет, не скроют»,

А в деревне, где остановился погостить поэт, не ласковое солнышко светит и согревает жителей. Для них небольшая сельская церквушка, построенная из подручного материала из бревен, как свет в окошке. Она согревает и освещает не только село, а души людей. Ибо в церкви витает Дух Господень.

И лирический герой ликует, увидев, как «блаженствуют в лучиках света гладиолусы возле икон». И он смиренно встает на колени перед распятием: «крест возвышен и низок поклон». У его сердца от Бога секретов нет.

А поэт Борис Орлов делает свое резюме: «В этой сельской округе священник ближе к людям, чем грешный «глава».

Должность председателя сельсовета помещена в кавычки «глава». С таким презрением относятся сельчане к своему управленцу. Он только временщик, а родная сельская земля «приютила». Спят в ней прадеды, деды, отцы».

А какое благолепие в церкви, в отличие от сельской управы: «И звенит в русской церкви кадило, как на тракте звенят бубенцы». Не зря Гоголь сравнивал Русь с птицей – тройкой – удаль, простой для души и мысли в этом образе, и Гоголя, и Орлова. А когда слышится звон бубенцов из далека, то сердце замирает, и душа парит от любви к Родине и Богу.

Глава II. Когда усталая подлодка…

История в фотографиях (название стихотворения).

На стенах - блики желтых фотографий.
Друзья и предки. Взгляд со стороны.
В своей избе, как будто в батискафе,
Я погружаюсь в прошлое страны.

Меня овеет ветром вечной славы
Из-под стекла, где дремлет русский мир.
…На аргамаке дед гарцует браво –
Он рвется в бой гвардеец - кирасир.

Во имя веры и святого трона
Готов погибнуть. Пристальней смотри –
Герой войны… но пятая колонна
Россию расколола изнутри.

… Тяжелый дым повис над Сталинградом.
Долг воина превыше «высших мер».
И смотрит из огня спокойным взглядом.
Отец – двадцатилетний офицер.

Он победил. Но встали вне закона.
Фронтовики - виновны без вины,
Их предали… И пятая колонна
Глумится над историей страны.

Скользит слеза. Сдавило горло горем.
Повымерла почти что вся родня.
Друзья погибли в Баренцевом море –
Они с укором смотрят на меня.

Врачи нас окружают. И вороны.
Над селами кружат. Ослеп народ.
«Вставай, страна…» Но пятая колонна
Уничтожает армию и флот.

Душа болит. Довольно спать! Довольно!
Нам защищать духовный Сталинград!
Избу покину. И на колокольню
Я поднимусь – и загремит набат!

В любой деревенской избе есть красный угол, хотя красного цвета в этом углу нет. В нем царят золотые, серебряные тона. А на стенах, которые и составили этот прямой угол в горнице, слева и справа развешены пожелтевшие от времен фотографии.

Рассматривая их своих дедов, прадедов, отца, мать, своих друзей, лирический герой «как будто в батискафе» погружается в прошлое страны.

Батискаф – это прообраз подводной лодки, на которой служил каперанг. Но не на подлодке опускается лирический герой в глубины морей и океанов, а в машине времени – в нашу историю.

Лирический герой рассматривает фотографии предков, словно прогуливается на экскурсии исторического музея, или Эрмитажа в Зимнем дворце.

Вот гарцует на коне его дед – гвардеец-кирасир. Вот из пламени и черного дыма, нависшего над разрушенным, не сдавшимся Сталинградом, где воевал отец, проглядывает его светлый лик. И лирический герой скорбит, что победители фронтовики стали вне закона. Но не по собственной вине, а по тому, что завелись внутренние враги, которые, искажая исторические факты, пытаются расколоть Россию изнутри.

Борис Орлов этих внутренних врагов называет «пятой колонной». Они, вроде бы, шагают в ногу с народом, но попробую только повернуться к ним, и они вонзят нож в спину с такой силой, что его лезвие, войдет в тело по самую рукоятку. Эти представители предали страну, предают фронтовиков, глумятся над их победой.

Была у драматурга Александра Николаевича Островского пьеса «Без вины виноватые». Но это изречение у поэта Бориса Александровича Орлова звучит совсем по-другому. Ему не до сентиментальности, он возмущен, кипит негодованием. Как смогли эти подонки сделать без вины виноватых фронтовиков – исчадие зла и ада? Они же позволили всем народам мира увидеть чистое небо над своей головой.

Но у пятой колонны такая сволочная тактика: чем хуже, тем лучше. А прием из Геббельской пропаганды: чем чудовищнее ложь, тем больше в неё верят.

Что делать, когда враги окружают со всех сторон? Неужели народ ослеп? Поэт вспоминает песню, которая родилась в первый

же день Великой Отечественной войны «Вставай страна огромная, вставай на смертный бой, с фашистской силой темною, проклятою ордой». Но поперхнулся, и смог выдавить из себя только два слова из этой песни: «Вставай, страна…». Он же видит, где «пятая колонна» уничтожает армию и флот. Этих двух надежных союзников России, как заявил император Александр Третий: «Других союзников у России нет».

А у лирического героя кипит возмущенный разум от разрушительной деятельности пятой колонны, и он рвется в бой, как когда аргамак деда, гвардейца-кирасира. Гены воинов передаются из поколения в поколение. И от нетерпимой боли в груди за поруганную Родину, хоть тельняшку рви в клочья, и вырывается отчаянный крик: «Душа болит. Довольно спать! Довольно! Нам защищать духовный Сталинград! Избу покину и на колокольню я поднимусь – загремит набат!» Настоящий народный Эрос.

Идет перекличка поколений. Отец защищал твердыню на Волге – Сталинград, а сыну приходится защищать Сталинград духовный. Вот он и рванулся к набату. Так всегда собирали народ в древности на вече или при пожаре. А уже идет давно дым не из трубки мира, а на пути тех недобитых фашистов, которые уже открыто стали на тропу войны. Герой прозрел быстрее, чем ослепший народ.

Вот так мастерски показал историю страны поэт Борис Орлов. А после этого грандиозного сюжета, он пишет одно четверостишье, которое похоже на афоризм. При желании поэт мог бы поставить его эпиграфом к небольшой поэме «История в фотографиях». Ведь она тоже напоминает не о прозрении, а о прозрении к «пятой колонне» и еже с нею:

Нету к прозреньям доверья!
В сердце обида и страх.
Стыдно ходить в подмастерьях,
Трудно ходить в мастерах.

Да… К сожалению нет пророков в своем Отечестве. Но я бы сказал: В настоящее время. По проишествии оного ослепления, глаза людей раскрываются, и пророк открывается им во всей красоте ума. А генерал от литературы и сейчас чувствуется.

У следующего стихотворения зловещее название: «Авария».

В этом слове звучат смертельные ноты, а жизнь балансирует как на весах: или – или…

Выпью спирт, разбавив дистиллятом
И войду в реакторный отсек.
Я покрою матом мирный атом,
Что нам укорачивает век.

Эту жизнь, дневную и ночную,
Я люблю – и знаю в жизни толк.
А реактор заглушу вручную…
Мирный атом – как домашний волк.

На подводной лодке служить опасно, для здоровья, даже не из-за того, что в любой момент может произойти авария. Может выйти из-под контроля атомный реактор и тогда его излучение оставит инвалидами многих членов экипажа, если даже кто-то из подводников сумеет заглушить смертоносный атом.

Первая строчка сначала вызывает недоумение. Каперанг находится на боевом дежурстве, а фраза «выпью спирт, разбавив дистиллятом» шокирует читателя. Даже для быта пьянство не приветствуется, а на дежурстве, на корабельной вахте, нет другого девиза, кроме: «Пьянству бой!». Не удивительно, что лирический герой после изрядной дозы алкоголя начинает крыть: «матом мирный атом». Если атом мирный, зачем же его матом-то крыть. Да он укорачивает век тому, кто обслуживает атомный реактор. Но ведь выбор этот был сделан не спонтанно, а осмысленно.

Но прочитав вторую строфу, понимаю, что спирт выпит и для храбрости и для защитной реакции организма. На Чернобыльской АЭС после аварии на ней всем водителям автомашин, которые въезжали на зараженную радиоактивную зону, наливали стакан водки, что шоферам за рулем категорически запрещается делать.

Во второй строфе читаешь: «Эту жизнь люблю и знаю в жизни толк. А реактор заглушу вручную…» и осознаешь: человек совершает подвиг. Он, получив изрядную дозу, но уже не алкоголя, может заболеть лучевой болезнью и впоследствии мучительно и долго умирать. Но ради Отечества и друга не жалеет живота своего. Но, когда авария предотвращена, поэт Борис Орлов с усмешкой говорит: «Мирный атом – как домашний волк». Мол, он уже стал ручным и

не оттяпает тебе острыми зубищами пол руки с голодухи. Только, звучит в пословице предостережение: «Сколько волка не корми, он все в лес смотрит». Желает свободы. А если на свободу вырвется, хоть трижды мирный атом, то никому не поздоровится. Вот тогда и произойдет авария. Но в стихотворении аварии не произошло. Автор своим заглавием стихотворения предупреждает о ней. И это предупреждение звучит в коротеньком стихотворении, как будто специально для эпиграфа перед стихотворением «Авария»:

Черная подлодка.
Черная вода.
Черная пилотка.
Красная звезда.

В стихотворении есть некая недосказанность и заставляет читателя поразмышлять. Есть чувство какой-то тревоги: красная звезда прикреплена на черной пилотке или на вершине обелиска?!

Горько воспринял поэт Борис Орлов и так называемую перестройку. Куда подевалась доброжелательность и просто доброта людей. За сто баксов отморозок готов зарезать человека, застрелить или просто забить ногами. Стали бандитскую шайку называть кодлой. Убийства совершаются ради наживы. И появились джентльмены … удачи. Так в Англии называли в давние времена морских пиратов. И свои переживания и мысли Борис Орлов изложил в стихотворении:

Стали стадными и стайными,
Славим хищное родство.
И коммерческими тайнами
Прикрываем воровство.

Добродетели низложены,
Кто подлей, тот и умней.
Коммерсанты в куртках кожаных –
Комиссары наших дней.

Коммерсанты стали комиссарами… Но если у комиссаров была идея делать счастливыми людей всего мира. Хотя бы частично оправдывающие политику революции: и проводилась экспроприация экспроприаторов, а по крестьянскому «Гроб – погребенное». То коммерсанты, не имеющие первоначального капитала, поступали

так, как предполагал о их хищной, злобной сути автор «Капитала» Карл Маркс. Он говорил в этом монументальном труде, что бизнесмен-капиталист, если почувствует, что его сделка более трехсот процентов прибыли, то он готов убить даже свою родную мать, чтобы сделка совершилась, и он эту огромную прибыль получил.

И поэт Орлов показывает технологию ограбления людей капиталистами. Он о них и говорит в неопределенной форме глагола и неопределенной общности коммерсантов, которые больше смахивают на стадо, или стаю животных, которые готовы растоптать или разорвать всех на своем пути к наживе… Даже свою мать: «Ничего личного – только бизнес». И достав кольт, закатывают пулю в лоб конкуренту.

Но Борис Орлов так емко и точно сказав о сути капитализма, и ему не понадобилось создавать научный трактат как Карлу Марксу пузатый «Капитал». Он все-таки на проблему ограбления народа в одночасье в 90-е годы прошлого века смотрит глубже: цель была коварнее и ужаснее. Не только личные сбережения хотели отобрать у народа «перестройщики», они собирались у жителей страны отобрать… Россию!

В своем стихотворении поставил даже строчку из стихов поэта Виктора Смирнова, чтобы раскрыть шире смысл ограбления: «Отними у меня Россию – что останется у меня?»

В стихотворении Бориса Орлова у его лирического героя просыпается патриотизм, про который злопыхатели и враги России говорили с издевкой: «Патриотизм – последнее прибежище для героев!»

Но герой не только негодует, в нем клокочет и кипит пыл настоящего воина, который рвется защитить свою Отчизну и не пожалеет живота своего ради её процветания:

Ты пришел нас грабить, подлый тать?
Будешь проклят, а не вписан в святцы.
У меня Россию не отнять –
Я не раб, чтоб без неё остаться.

Не на кого злиться и пенять:
Наши судьи - предки и потомки.
У меня Россию не отнять –
Велика… не сухари в котомке!

Я не вспышки злобы и огня
В бой пойду, что б с недругом сразиться.
У меня Россию не отнять
Потому, что я - её частица!

Вот какой клич настоящего патриота создал в стихотворении поэт Борис Орлов. В нем он предупреждает воров и предателей, объединяя их одним росчерком пера в сословие одним старославянским словом: подлый тать.

Татем в старо древние времена называли вора, который под покровом ночи, чтобы его не узнали соседи, забирался тайком в дом, и забирал в нем все ценное, что нажили хозяева. А если сонные и вялые обитатели жилища собирались оказать сопротивление, то тать подло и жестоко убивал прямо в постели.

А потому поэт Орлов и шлет ему проклятие на его дурную голову: «Будешь проклят, а не вписан в святцы».

Лирический герой гордо заявляет о причине бессмысленности потугов татя: «У меня Россию не отнять – Я не раб, чтоб без неё остаться!». В следующей строфе он восклицает, возвышая свою Родину, ведь Россия –то велика… Не сухари в котомке!». Но самое важное заявление делает Борис Орлов, как всегда в финале: «У меня Россию не отнять, потому что я её частица!». Это звучит потрясающе: «Я – её частица!». Плоть от плоти, как сын и защитник своей Родины. И этими сынами славится и гордится Россия.

А в следующем стихотворении Борис Орлов рассказывает читателю, что зарождается патриотизм на службе Отечеству. Именно после похождения в ограниченном пространстве подводной лодки прорастают в душе ростки из сухих зернышек любви к Родине. Именно здесь, находясь на боевом посту, лирический герой проникается в грандиозность поставленной ему задачей: Охранять свою Родину, такую огромную – такую огромную – шестую часть всей суши. А потому и морские её границы простираются на много-много морских миль, которые невозможно окинуть взглядом, а увидеть только из космоса. С другой подлодки, из космического корабля – ракеты.

Но в стихотворении Бориса Орлова не звучат жесткие чеканные слова служебной команды. В стихотворении столько нежной лирической красоты, что как только раздраивается люк подлодки, что

этот поток нежности выплескивается наружу и лирическому герою хочется обнять весь окружающий мир. Хотя Козьма Прутков и высказывал свое сомнение: «Не объятое – не обнимешь». Но мне кажется, что поэту Борису Орлову это удалось сделать:

Грома играя, чистят глотки,
На полушарии – весна.
Но в тесном корпусе подлодки
Мы – как ростки внутри зерна.

Дыханье солнца помним смутно –
Над головою сталь крепка.
Но в люк однажды хлынет утро –
И мы услышим … облака.

И всплытье - новое рожденье -
Волна ветров окатит нас.
Предстанет зыбким, как виденье,
Мир, не вместившийся в приказ.

Казалось бы, что можно написать прекрасного в морском походе, когда не видишь самого романтического образа для моряков – моря?! Находясь в тесном корпусе подлодки. Идут мореплаватели под водой, как слепые кроты под землей. Разумеется, приборы подлодки лучше человеческих глаз и ума, прокладывают в мировом Океане нужные маршруты, но у самых совершенных приборов нет души, а значит, нет никаких и эмоций.

А поэт Орлов эти эмоции хорошо чувствует и у него громы небесные, похожи на человека, у которого запершило в глотке, и их рокот и грохот в небе поэту, как звуки откашлявшегося человека. А в полумрачном электрическом свете субмарины не загорелые лица матросов, кажутся белыми, белесыми росточка ми, которые проклюнулись из твердого внутри зерна. Такого же цвета ростки прорастают в клубнях картофеля, который хранится в полумраке погреба.

Поэт говорит, удивляя читателя: «дыханье солнца помним смутно». Возможно, это правильно: на Солнце бушуют волны расплавленной плазмы лавы, летят над этой плавкой солнечные ветры, но мы-то об этих явлениях знаем чисто теоретически, а только понимаем, что Солнышко взошло, ощущая его свет и тепло. Но эту

солнечную благодать мы только чувствуем, а не слышим. А вот поэт заявляет: «Дыханье солнца помним смутно». И поэт поясняет почему: «над головою сталь крепка». И не только сталь не пропускает через свою бронебойную толщу солнечные тепло и свет, а потому они и забываются, но и многометровые слои океанской толщи.

Но как только в открытый «люк хлынет утро», и моряки увидят над головой ясное солнышко, радость охватывает их. И они… «услышат… облака».

Опять парадоксальный и смелый образ. Можно услышать завывание ветра, который гонит по небу вечных скитальцев – облака. Но они-то сами никогда не возмущаются дерзостью ветра, а бесшумно, безропотно путешествуют по небу, не издавая ни единого звука. Но радость настолько охватывает матросский экипаж, что им не только видно передвижение воздушных кораблей – облаков, но даже звук, или ропот этих безмолвных воздушных лайнеров.

Уникальна и метафора про главный финальный штрих подлодки – её всплытие. Это – «новое рождение», заявляет Борис Орлов. Как в песне про морского дьявола: «Там под океаном трезвым, или пьяным, не видно все равно!»: слышится душераздирающий блюз, но образ поэта восхитительный. Ребенок, покинув чрево матери, появляется в новый незнакомый мир восхищаться. Этот яркий светлый мир один раз в жизни. А моряки-подводники переживают это чувство: «Я вижу новый мир, я снова заново родился!», после каждого всплытия подлодки. И это чувство не может запретить никто, даже самый строгий приказ командира. Да и у самого-то командира подлодки язык не повернется что-то запрещать в этот изумительный, счастливый миг…

– Хорошо – подумал я по-дилетантски – можно создать в тусклом быту подлодки какой-то один огонь, яркий лирический образ, ну раз, или два. А дальше-то? Не из пальца же высасывать эти красивые образы, метафоры, эпитеты.

Но мои сомнения тут же развеял капеpанг силой литературно-художественного слова:

Много суток, ни заря, ни звезды
Не ласкали напряженных глаз.
Но запел в цистернах сжатый воздух –
Продувался весело балласт.

В рубку поднимались поочередно
Долгие затяжки. Горький дым.
Диск луны, неяркий и холодный,
Выплыл, словно, нерпа из воды.

Но тревога вновь задраит люки.
Рухнет на подлодку тяжесть вод.
А земля устала от разлуки,
Нас вдали нетерпеливо ждет.

Прочитав первую фразу стихотворения: «Много суток ни заря, ни звезды не ласкали напряженных глаз». Я понял, почему Борис Орлов назвал свой стихотворный томик «Звездный свет». Его глаза напряженно следили за пунктиром локатора, а жажда желания увидеть свет, если не зари, то хотя бы звездного неба мучительно больно отзывалось в сердце.

А когда происходило всплытие в дальнем походе. Они в первую же минуту, поднявшись в рубку, вдыхали не свежесть морского воздуха, а делали с наслаждением длинные затяжки сигаретного горьковатого дыма. А потом уже смотрели на морскую поверхность. В морском офицере тут же просыпался поэт. Поглядев на волны, которые начинали сразу же ласкать бока подводной лодки, у него тут же рождалась лирическая строка: «Диск луны, неяркий и холодный, выплыл, словно нерпа из воды». Качаются на волнах тусклый диск луны и усатая нерпа-тюлень. Оба предмета неброские, но очень любопытные, любят разглядывать людей. А тут, откуда ни возьмись. Посреди моря они внезапно появились.

Но не только нерпа интересуется людьми, которые бродят «по морям, по волнам, нынче здесь, а завтра там». Появление нерпы около борта субмарины – верная примета, что берег земли где-то совсем рядом. И поэт с восхищением произносит, что не он соскучился по земле. Ведь у моряков на фуражке в кокарде обязательно есть символичный якорь. Все матросы с нетерпением ждут швартовку в порту. Ждут, когда они станут у пирса на якорь. А ходить по морям интересно, но все же утомительно. И с нетерпением ждут встречи с сушей.

А поэт безапелляционно заявляет, что это не каперанг устал от разлуки с землей, а «земля устала от разлуки, нас вдали не терпеливо ждет».

И вот, наконец-то, долгожданная встреча с землей наступила. Радость переполняет душу, рука тянется к перу, перо к бумаге:

Я лунный свет ловлю в ладони.
Безмолвна тундра. Ночь длинна.
На склоне сопки, как на троне,
Сидит полярная сосна.

Здесь все мало. И только тени
Огромны, как пурги крыло.
И чудно, словно в день творенья,
И первозданно. И светло.

Лирический герой так долго мечтавший увидеть, открыв люк подлодки солнышко, нисколько не огорчился, когда при очередном всплытии, он увидел на небе не солнце, а луну. Ведь капеpанг служил за полярным кругом, и ночь там длится не половину суток, а полгода, и ночь там длится не половину суток, а полгода, а то и больше. Это зависит от широты места нахождения.

Лирический герой, как ребенок, ловивший ладошками солнечный зайчик на полу комнаты, подставляя лунному свету ладони.

Молчаливая и невзрачная тундра не радует пейзажем, а потому скучна. Но зато чахлая сосенка, выросшая в этом темном и холодном крае метра полтора-два, кажется гигантской красавицей.

Поэт Борис Орлов говорит о ней с восхищением: «На склоне сопки, как на троне сидит полярная сосна». Царственный возвышенный образ.

И все же вздох сожаления вырывается из груди лирического героя: «Здесь все мало». Сосна величественной только кажется, так как вскарабкалась по склону сопки почти на самую макушку. И потому-то, кажется со стороны, что она восседает на золоченом троне. Лунный свет сделал свое доброе дело, проложив лунную дорожку по морской воде до самого берега тундры, так он, как Емельян Пугачев говорил Петруше Гриневу: «Ах, казнить, так казнить, а миловать, так миловать». И вручил офицеру шубу с барского, нет с царского плеча, так и лунный свет еще позолотил и сам трон, на котором уселась сосенка.

Зато всю малость растительности тундры, скрашивает поэт, показывая её безграничное пространство, где есть раздолье для

снежной вьюги: «И только тени огромны, как пурги крыло». Вот какое крыло у пурги – над всей тундрой распростерлось, и закрыло, заслонило её, ни в чем не провинившуюся, от лучей солнца. Вот и гуляют по бездорожью тени, и длится от этого полярная ночь долго, долго…

Но лирическому герою достаточно полюбоваться даже снежной белизной тундры, покрытой мраком полярной ночи. Ночь от него отступает на задний план. Он радуется тому, что: «И чудно, словно в день творенья, и первозданно. И светло».

У Творца не было брака в работе, все, что окружает нас, радует глаз. Мы все воспринимаем, как должное.

Об этом со всей ответственностью и заявляет поэт орлов в следующем стихе:

В тлеющем холоде осени
Лето сгорело дотла.
Стынут лишайники проседи
В тундре, как будто зола.

Может подмятый потерями,
Жить научусь, не спеша.
Но под косыми метелями
Не покривится душа.

Я уже отмечал, как потрясла лирического героя зелень лишайника на стволе дерева среди белого зимнего безмолвия. Поэт поразился жизнестойкости природы в стихотворении «лишайник». А в вышеприведенной цитате он сравнивает цвет лишайника с сизой сединой постаревшего человека. От осенних холодов лето сгорело дотла, остался только пепел – седой и серый. Но какой оптимизм звучит в голове битого, перебитого жизненными невзгодами лирического героя. Характер у него силен, хотя голову уже посеребрила седина, он молод в душе и твердо заявляет: «Но под косыми метелями, не покривится душа».

А вот как красочно описал поэт наступающую полярную ночь:

В брызгах от набежавшей волны
Словно луна, блестят валуны.

На земле и на небе - снега.
Снежный свет затопил берега.

К стаям тихих жилищных огней
Сосны птицами рвутся с камней.

Им на сопках гнездиться невмочь.
Индевеет полярная ночь.

Набегающую на берег волну поэт, не только показывает нам зрительно, но даже передает её размеренный и мелодичный шум. Одно слово, а задает тон оркестру: Брызги, в нем слышится посвист ветра «С – с – сы». А рифмовка трех слов нам создает плеск воды: волны, луны, валуны.

Но для пейзажа Борис Орлов использует только светлые тона. У него и на земле и на небе – только снега и снежный свет, и цвет доминирует на картине, что глаза слезятся от белизны снега. Недаром альпинисты, покоряя снежные вершины гор, надевают черные очки, чтобы не ослепнуть от яркости света, отражающегося от снега.

Белое безмолвие, описанное Джеком Лондоном, несомненно, классика, и более совершенства, кажется, что нельзя сотворить. Но посмотрите вдаль тундры и увидите, что над полярным поселком играют желтоватые блики электрического света. Этот свет можно сравнить с отблесками, всполохами полярного сияния.

На их фоне возвышаются выросшие на каменистой почве сопок сосны, а не одиночная сосна. И новая метафора поэта Орлова взлетает птицей над строкой поэзии: «К стаям тихих жилищных огней сосны птицами рвутся с камней».

Такой, оказывается, динамичностью могут обрадовать тусклые желтые пятна уличных фонарей, и неподвижные силуэты прозрачных на морозе сосен, когда даже сама полярная ночь покрывается инеем. Поэт назвал более кратко, но изящно – «индевеет полярная ночь».

Но делу – время, потехе час. Лирические строчки, которые появлялись на отдыхе в блокноте, на берегу, откладываются в долгий ящик. Труба зовет в поход. И стихотворение «Начало похода» Борис Орлов напишет, вернувшись из этого похода.

Люк задраен. И начал отсчет
Ратных суток в подводном полете.
И замедленно время течет.
В лодке атомной, как в звездолете.

Суматохой в отсеке похож
День ухода на день возвращенья.
На причале не скоро вздохнешь
Сумрак, полный земного свеченья.

Поэт Борис Орлов сравнивает начало похода океанской субмарины с полетом космического корабля в космос. Только перед запуском космического корабля начинается обратный отсчет для начала старта ракеты, то после задраенного наглухо люка подлодки, по словам поэта, начинается «отсчет, сколько же ратных суток в подводном полете» проведут моряки.

И там и тут время течет замедленно. Ведь не зря появилась на свет русская поговорка: «Хуже нет на свете, чем ждать и догонять!». И в космосе и под водой начало похода мало чем отличается от его завершения. Одинаково тревожно и суетливо течет время. Но везде дорог каждый глоток воздуха.

Не только между началом и окончанием похода на флоте проводятся военные маневры: в них матросы отыскивают место расположения условного противника и атакуют его, стремясь поразить цель.

Свое стихотворение Борис Орлов так и назвал: «Атака».

Весь корабль напряженно дрожит.
Что за страсть пробудилась в металле?
Ниже волн наше море лежит.
Отклоняется курс к вертикали.

Участилось дыханье турбин
От объятий подводного мрака.
И в тяжелом безмолвье глубин
Оживают торпеды…
Атака!

Многие воины, которым приходилось ходить в атаку, рассказывают о лихорадочном состоянии перед ней. Бьет нервная дрожь перед броском. И необходимо собрать свою волю в кулак, набраться мужества и, уже не думая о своей судьбе броситься вперед на врага, посягнувшего на интересы нашего народа и Отчизны.

Подводники, ощущая дрожь от моторов турбин в корпусе суб-

марины, понимают, что хотя металл и бесчувственный предмет, но они столько времени проводят вместе, что настолько сродняются, что чувства человека начинают понимать и бесчувственный металл. Поэт это показывает изящно: «весь корабль напряженно дрожит, что за страсть пробудилась в металле?» Вот так Борис Орлов одушевляет корабль. Он находится, как и люди, в напряжении ожидания атаки. И так страстно переживает перед началом её. Но и дальше поэт обращается к подлодке, как к живому организму: «Участилось дыханье турбин от объятий подводного мрака».

Прочитав этот тезис, понимаешь, как прав был поэт, удивляясь, что за необыкновенная страсть вдруг разгорелась в холодном металле. Такая страсть обычно может закипать в горячей крови влюбленной парочки: при нежных объятиях учащается дыхание, оно становится прерывистым. А затем начинается и атака.

А в конце морского похода мечтается уже о романтике моря, а о прелестях земной и такой уютной жизни. Об этих мечтах моряков и рассказал поэт Борис Орлов в стихотворении «В конце похода»:

Пока еще оркестр
Нас маршем не встречал
У скользких берегов
Скалистого фиорда.
Но кажется, что борт
Оперся на причал,
К которому корабль
Пришвартовался с норда.

В обители стальной
Нет ни лесов, ни рек.
И тишина порой
Становится безликой.
Но пахнет по ночам
Реакторный отсек
И рощею грибной,
И спелой земляникой.

Это стихотворение чистейшей лирики, хотя и упоминаются технические сооружения: причал и реакторный отсек корабля.

Уже грезятся задорные, бравурные звуки оркестра, с которым

произойдет встреча моряков в порту со своими родными и близкими людьми. Корабль движется с Норда, то бишь, с севера, и пришвартуется у скользких берегов знаменитого фиорда. Какая чудесная игра слов в середине фразы «скользкие берега скалистого фиорда» - Точная деталь стальной обители, показывает, что живая природа где-то очень далеко и из консервной банки обители её не увидишь. Нужно ждать, когда же эту «банку» откупорит «конец похода». Но мысли моряков уже там на берегу. И снятся им не бравурные звуки оркестра, с которым произойдет торжественная встреча, а что-то земное и близкое для них. Поэт раскрывает еще до конца похода читателям мечты и сладкие сны моряков: «Но пахнет по ночам реакторный отсек и рощею грибной и спелой земляникой».

Но, когда длительность дальнего похода увеличивается, а срок продолжительности становится неизвестен, и не уточняется, то начинается в умах моряков сумятица. Ближний проход прошел благополучно, но будет ли все благополучно в дальнем походе? И в голову лезет всякая чепуха. Поэт Орлов в своем творчестве универсален и его палитра красок богата: есть тона, полутона, оттенки широкого диапазона… О сомнениях боевых товарищей и рассказывает Борис Орлов в философском психологически напряженном стихотворении:

Чем нас дальний берег встретит?
Ближний – чайками встречал.
Забивает брызги ветер,
Словно гвоздики, в причал.

Гнутся весла – жди потери,
Буруны со всех сторон.
Неужели дальний берег
Встретит стаями ворон?

Сначала стихотворение переполнено лирическими настроениями, хотя сразу же в первой фразе звучит напряженность и неизвестность, тревога: «Чем нас дальний берег встретит?». Но, читая стихи дальше, опасения улетучиваются: крики горластых чаек, брызги от морских волн, которые разбиваются об причал – такая родная и привычная обстановка и атмосфера.

Но во второй строфе ветер меняет направление, напор его усиливается, что преодолевая его гнутся весла, того и смотри, как бы

не сломались они пополам. Тогда будет не справиться с бурунами, которые могут превратиться в штормы. А последняя строчка и вовсе зловещая: «Неужели дальний берег встретит стаями ворон?»

Одна надежда, что вечные спутники кораблей горластые чайки отгонят в разные стороны ворон, привыкших жировать около мусорных свалок.

Настроение моряков улучшается и «у матросов нет вопросов, у матросов нет проблем», как поется в песне. А без песен в дальнем продолжительном походе жить невозможно.

Моряки уже получили радиограмму, в которой указан срок прибытия в порт приписки. Настроение резко меняется с минуса на плюс, хотя матросы находятся все в том же ограниченном пространстве.

В отсеках ветры не свистят,
Не буйствует гроза,
Но оседает конденсат
На робах, как роса.

Опять швартуется весна
К прибрежным валунам.
Морзянкой жаркою она
В сердца стучится к нам.

Неделя ходу – и рассвет,
И сопок синева.
И письма выпорхнут на свет,
Как первая листва.

Говорят, что оранжерейные растения теряют жизнестойкость, но люди не растения и никакими оранжерейными условиями их не испортишь. Тем более и в оранжереях климат не сахар. Мы, славяне, привыкли жить в умеренном климате, а что творится в отсеках подлодки? Да, это не на палубе корабля, где свистят ветры и гремят громы, да грохочут волны, разбиваясь о борт корабля. Зато в отсеках подлодки духота, жара и из тельняшек пот, как и росу конденсата, отжимать приходится.

Правда морзянка отстучала не только время возвращения в порт, она сообщила матроса, что там, на верху, к прибрежным ва-

лунам пришвартовалась красавица весна. И она подарила морским скитальцам про запас, на берегу пригодится, код любви. Его поймет любое любящее сердце.

Экипаж ликует – наконец-то они увидят рассвет не во сне, а наяву, увидят синеву неба и сопок и распустившимися первыми листочками – деревья.

В следующем стихотворении Борис Орлов показывает встречу моряков со своими друзьями и домочадцами, где они отмечают свое возвращение.

Радость перехлестывает через край. Вернулись домой все члены экипажа. Это счастливое событие поэт отметил особой изящной фразой: «В квартирах наших – жены, а не вдовы».

Семья самая главная опора в жизни у человека. И члены экипажа так мечтали вернуться домой, в семью. В армии дембеля в покупных маленьких календариках на год, зачеркивали в них прошедшие дни, а считали сколько же дней осталось, до того дня, когда они встретятся со своей семьей. Эти взрослые парни-солдаты, но оставаясь мальчишками в душе, ждали и мечтали, когда же они поцелуют при встрече любимую девушку.

«Но ведь на подлодке уже служат не зеленые юнцы, а вполне солидные взрослые люди, а ведут себя, как мальчишки» - удивлялся я. Но фраза автора: «Нас берегла любовь на корабле» - перечеркнула все мое умничанье. Любви все возрасты покорны. В каком возрасте мы не были, у нас появляются новые и новые желания. И возвращаясь домой, мы как будто начинаем новую жизнь, и живем в любви и радости, словно с чистого листа.

Но у Орлова есть прекрасная метафора, что без прошлого нет и настоящего, и он говорит: «На корабле кружились тени воспоминаний». И как об этом не вспоминать? Один философ сказал: «Красота – могучая сила женщины».

И поэт показывает всю эту энергичную гамму чувств в стихотворении:

Конец походу – рюмки всклень полны.
В квартирах наших – жены, а не вдовы.
Вернулись все - ни мертвых, ни больных!
И флаг трепещет, и скрипят швартовы.

Зачеркивали дни в календаре –
И жизнь быстрей летела, чем в романе.
Нас берегла любовь: на корабле,
Кружились тени из воспоминаний.

Святое дело – выпить «двести грамм»,
Приправив парой боцманских историй.
Мы пили за любовь, за милых дам,
И только после тост «За тех, кто в море!»

Радость встречи поэт украшает оригинальными блестками. У него рюмки наполнены при встрече не до краев, а всклень. Это подзабытое слово «всклень» придает не меньше народности события, чем и фраза: «Флаг трепещет, и скрипят швартовы». Флаг трепещет на ветру. Но морякам кажется, что он трепещет от радости, что подводники возвратились живыми.

Настраивает читателя на лирический лад и фраза Орлова: «Жизнь быстрей летела, чем в романе». Конечно же, описанные в романе любовные наслаждения совсем не так интересны, чем собственные представления. Нужно по-настоящему жаждать тех удовольствий, которыми хочешь по-настоящему наслаждаться. А поэтам удается иногда создавать такие красивые и образные сравнения, что они становятся красивее оригинала.

Борис Александрович в конце стихотворения огромный поэтический арсенал, тут и юмор, в котором объясняется плоскость «боцманских» шуточек. И про святость приема на грудь двухсот граммов. Но тему любви поэт обыгрывает с огромным разнообразием, он показывает, что любовь у человека всегда на первом месте. А потом уж следует скупая мужская дружба: «Мы пили за любовь, за милых дам, и только после тост «За тех, кто в море!».

Но если в вышеприведенном стихотворении поэт Борис Орлов показал жажду встречи, когда даже флаг трепещет от радости, то в стихотворении его «Флаг» – это символ морского флота. Ведь недаром поется в песенке Дунаевского: «Капитан, капитан, улыбнитесь! Ведь улыбка – это флаг корабля. Капитан, капитан, подтянитесь! Только смелым покоряются моря». Но на атомной подлодке служат смелые и решительные люди. Про вход в отсек атомного реактора, когда мирный атом сорвался с цепи и его нужно укротить, в стихот-

ворении Бориса Орлова уже говорилось. Там смелость и храбрость достигала апогея, вплоть до самопожертвования. И вот в стихотворении «Флаг» каперанг скупыми художественными приемами раскрывает необъемную широту корабельной службы, где каждая промашка, каждая оплошность может стоить жизни не только самому, но всему экипажу:

Грузен крейсер на рейде.
Полумрак.

Лишь заря багровеет на рее.
Спущен флаг.

Нет! не думайте, мы не сдались.
Ночь – не враг.
Как свинец, сны в затылки влились,
Свернут флаг.

Свет зарниц, – свет сигнальных ракет.
Жди атак.
Маскируются войны в рассвет.
Поднят флаг!

В полумраке виднеется на рейде мощный силуэт крейсера. Поэт делает штрих, широкий мазок на полотне картины, подчеркивающий мощь крейсера – он «грузен». После команды «отбой» спускается флаг. Его не видно на флагштоке, но природа милостива к крейсеру, а поэт это уловил и показал: «лишь заря багровеет на рее».

Вот какая щедрая и яркая вечерняя заря: она заменила кораблю флаг. И поэтому лица матросов озарены не только улыбками, но и светом зари… Да и понятнее стало и замечательное слово «озарение». Разве не радостно увидеть в вечернем полумраке сотканный из алого света зари боевой флаг корабля.

Но флаг спускается не только во время команды «Отбой!». Спать, спать по палатам (пардон, по каютам) всем матросам и ребятам. Иногда израненный, потерявший ход корабль вынужден спускать флаг, чтобы сдаться на милость победителю. Но на русском флоте существуют свои традиции: умереть, но не сдаваться! На эту тему песня сложена: «Прощайте, товарищи, с Богом! Ура! Последний парад наступает. Врагу не сдается наш гордый «Варяг», пощады

никто не желает». А поэт Орлов в своем стихотворении восклицает, что бы со стороны не подумали что-то плохое об его родном экипаже: «Нет, не думайте, мы не сдались… свернут флаг» и ночь для экипажа не враг, а лишь время отдыха. Говорят иногда о тяжести усталости, что она «свинцовая». Этот точный «тяжелый» эпитет применил и поэт, показывая, что любого богатыря может «уложить на лопатки» только крепкий тяжелый богатырский сон. У Орлова говорится: «Как свинец, сны в затылки влились». Эта метафора вызывает из услужливой памяти сравнение: «спит, как убитый». А ведь убивают в современных войнах бойцов свинцовые пули. Да и в атомной подводной лодке моряки с уважением относятся к свинцу. Это химический элемент «Плюмбум» последняя стадия радиоактивного элемента Урана – 238. А потому ядерные изотопы не могут проникнуть через свинец. Ему уже разлагаться некуда. Все уже разложилось. Точка.

Очень приятно услышать в финале стихотворения прописную истину: «Утро начинается с рассвета», когда свет зарницы сливается со светом сигнальных ракет, слышится команда не только «Подъем!» но и «Тревога! Приготовиться к атаке!» И дневальный поднимает флаг корабля ввысь. Может быть, предстоит сейчас схватка не с условным противником, а с настоящим врагом, который хорошо замаскировался. Поэт Борис эту философскую мысль и изложил по военному, по-флотски кратко и емко: «Маскируются войны в рассвет» Ни одна война не начиналась, глядя на ночь. Все битвы не на жизнь. А на смерть начинались с рассвета.

Но каперанга Орлова по жизни сопровождали не только удачи. Были и потери. О них и сказано в стихотворении «Обелиск»:

Вместились жизни в краткую строку,
Застывшую на камне отрешенно.
Душа – в глубинах. Прах – на берегу.
Взрослеют дети, и седеют жены.

И набухает небо. И штормит.
Но море не сильнее человека…
Хотя порою траурно гремит
Затишье аварийного отсека.

Смерть любого человека, а друга в особенности, вызывает

скорбь. И о покойном говорят или хорошо, или ничего не говорят, а все равно скорбят, выдавливая из своей груди последнее: «Прости». Однако бывают и анекдотические истории про похороны. Марк Твен, которого злопыхатели и завистники «похоронили» при жизни, опубликовав в газете некролог. И такие шутники бывали. Ответил им в той же газете: «слухи о моей внезапной смерти слишком преувеличены».

Но в стихотворении «Обелиск» каперангу и поэту не до шуточек и смеха. Погибло сразу несколько товарищей. Он с удивлением и скорбью говорит: «Вместились жизни в краткую строку». Несколько имен и фамилий выбиты на надгробном камне. Скорбят не только товарищи похороненных, скорбит даже камень: строка на нем застыла: «отрешенно». Очень скупо, без пафоса, но так трогательно и благородно говорит о своей потере: «Душа - в глубинах. Прах – на берегу». А потом почти шепотом размышляет о житье – бытье: «Взрослеют дети и седеют жены». Именно ранняя седина обозначает утраты и появляется после них.

В одном из первых славянском произведении, историческом и поэтическом памятнике «Слово о полку Игореве» знамения природы предупреждали князя о трагедии. Поэт Борис Орлов верен нашим традициям. Но он идет дальше древнего сказателя. Сильного человека, считает Борис Александрович, не остановит ни враг, ни стихия: «И набухает небо и штормит, но море не сильнее человека. Хотя порою траурно гремит затишье аварийного отсека».

Недаром существует присловье: «Мертвая тишина». Об этом и пишет поэт «гремит затишье». Тишина не может издавать звуки, только почему-то после трагедии в тишину врываются отчаянные крики. Это кричат души погибших. Ведь они, оторвавшись от тел, все еще витают около друзей по службе.

Не менее трагично и четверостишье Бориса Орлова, о выживших его товарищах после аварии:

Гостиничная койка. Щербатое трюмо.
На тумбочке белеет забытое письмо.
Не греет батарея. Шныряют сквозняки.
Не скоро дочитаю две летние строки…

Владимир Высоцкий. Словно предвидя свою раннюю смерть,

написал буквально за несколько дней до неё стихотворение:

Жизнь алфавит, я где-то, наверно, в Че Ша Ще. Уйду я в это лето в малиновом плаще.

В четверостишье Орлова показывает одиночество человека в огромном мегаполисе, где людей столько, что яблоку некуда упасть. Вокруг чужие люди. И некому руку подать, поприветствовать, поприветствовать и в ответ услышать: «И вам не хворать!»

Лирический герой находится не в гостиничных апартаментах номера «люкс», а в обычном номере, в котором размещена не постель на двоих. А «гостиничная койка» да «щербатое трюмо».

Но одна деталь поэта берет за живое: «на тумбочке белеет забытое письмо». Говорят, что от скуки – на все руки». Вот и взялся приезжий гость писать письмо, да не одна липа не ложится в строку. Он положил письмо на тумбочку, чтобы уходя не только выключить свет, а и забрать письмо, чтобы выбросить его в мусорный или в почтовый ящик. Да так и позабыл забрать письмецо. Оставил прочитать свои сокровенные мысли и тайну другому жильцу гостиничного номера.

Да только место это какое-то невезучее. Лирическому герою не хочется даже дотронуться до забытого письма. Пусть оно продолжает хранить тайны «писателя». Он не доволен дискомфорту гостиничного номера: «Не греет батарея. Шныряют сквозняки».

Но как сказал один поэт – неудачник «Жизнь такова, какова она есть… И больше ни какова!» А зарисовка поэта Орлова была бы прекрасным пособием для возомнившего о себе поэта-неудачника.

Зато об учениях на полигоне в стихотворении Бориса Орлова с аналогичным названием «Полигон» звучит квинтэссенция военной угрозы во время гонки вооружений:

В пепле утоплены ветры.
Нет ни лугов, ни дорог.
Здесь убивают планету
Бомбами, плавя песок.

Здесь у планеты висок.

К этому стихотворению не нужны пространственные комментарии.

Висок самое уязвимое место у человека. И если у полигона

есть висок, то гибель планеты неминуема. Но как говорит публичный Юлиус Фучик в своем произведении «Репортаж с петлей на шее»: «Люди, я любил вас! Будьте бдительны!»

Так и Борис Орлов предупреждает о разрушительной и агрессивной политике некоторых стран, которые сначала устраивают испытательные полигоны в соседних странах, а потом, оставшиеся в живых беженцы разбомбленных стран бегут спасаться к … агрессорам, превращая их жизнь в Садам и Гомеру. Но свою миссию поэта и гражданина Борис Орлов выполнил. Кто предупрежден, уже вооружен. Нужно только намотать на ус это предупреждение.

Я уже говорил, что мне казалось, будто внутри отсеков атомной подлодки трудно увидеть какую-то романтику, какую-то красоту. Но у Бориса Орлова, наверно, глаз зорче. И он видит то, что другой бы никогда не заметил. Взять хотя бы его стихотворение:

Омыла нерпа в море ласты
Шестидесятой широтой.
Цистерны главного балласта
Пустили воду на постой.

В «центральном» свято, словно в храме.
Лениво вертятся рули.
Декоративными цветами
Табло в отсеках зацвели.

Наш мир безмолвием озвучен.
Спит черным космосом вода.
И астероидною тучей
Плывут над нами глыбы льда.

В отсеках – день, в подлодке – лето.
Моря - начало всех начал.
Но, как замерзшая планета,
Нас встретит холодом причал.

Когда мне говорят товарищи, что они служили на Северном флоте и ходили на подводной лодке в полярные широты, у меня бежит и холодок за ворот, и мороз ползет под рубаху, пробирая кожу, превращает её в гусиные пупырышки.

А картиной, написанной художественным поэтическим сло-

вом Бориса Орлова можно долго умиляться. Взять хотя бы спуск подлодки под воду. Лирический герой видит, как нерпа плещется в море, но омывает свои ласты не водой, а «шестидесятой широтой» - вот куда забрались подводники. А «цистерны главного балласта пустили воду на постой». Так технологическое действие превращается в такой уютный и домашний образ. Моряки пускают океанскую воду на постой, что бы взамен этого, самим нырнуть на дно моря-океана. В командном, «центральном» отсеке благоговение: поэт подчеркивает это метафорой: «света, словно в храме».

И офицеры и впрямь священно действуют в «центральном». Но смена просчитывает координаты для прокладывания курса. Офицеры так увлеклись своей работой, что не заметили, что рули «лениво вертятся».

Но уютная обстановка благодушия не прекращается: «В отсеках день, в подлодке лето», заявляет о комфортных условиях экипажа поэт. Ведь даже во всех других отсеках: «декоративными цветами табло … зацвели» в каютах.

Зато за бортом подводной лодки невесть что творится. Полное безмолвие, но не белое, а черное, словно в космосе… А над лодкой проплывают словно астероиды, глыбы льда.

Я слышал одну задорную песенку: «на душе моей плавают льдины, и гремит штормовой ураган, а надежды мои, как пингвины, в Ледовитый плывут океан». Но этот поэтический экзерсис – опус номер пять: Пингвины обитают не в Арктике, а в Антарктиде. И оттуда даже на льдине не смогут добраться до Ледовитого океана. До экватора не доплывут, а льдина успеет растаять и раньше.

Зато поэт Борис Орлов уверенно заявляет о значимости морей и океанов. Ведь именно в них зародилась жизнь, и началось чудо эволюции растений и животных. Вот эта формула поэта:

– «Моря – начало всех начал».

И удивительно, что подлодку, пришвартовавшуюся к причалу, встречают неласково: «Но, как замерзшая планета, нас встретит холодом причал».

Но вот на тундру навалилась опять полярная ночь. Только, как говорится, не так страшен черт, как его малюют. В стихотворении Бориса Орлова «Полярная ночь» об этом как раз и говорится:

Отяжелело солнце. Из-за льдов
Оно уже не выкатится плавно.
Оборвана пургою цепь следов,
Что придавила выстывшие травы.

Матросский строй стекает на причал.
Скала нависла над казармой круто.
Девятый вал на взмыленных плечах
Приподнимает сумрачное утро.

Убрали трап, сколов зеленый лед.
Задраили на низкой рубке дверцу.
И застучало ядерное сердце.
Винтом рассек волну атомоход.

Здесь юность поняла военный быт:
И неуют, и жаркие тревоги.
В широтах снежных замело дороги.
Окраина России – центр судьбы.

Я с детства бредил морской романтикой и мечтал стать моряком. Но стал строителем, выбрав для себя самую мирную профессию. Но зато построил на берегу славного моря, священного Байкала город Северобайкальск. Байкал считают жемчужным ожерельем России. А значит, я выступил и в роли факира, добавив одну из самых ярких жемчужин - город Северобайкальск в ожерелье Байкала.

Моряками стали мои младшие братья: Евгений стал механиком на судне сухогруза торгового флота, Роя, окончив ЛАУ – Ленинградское арктическое училище. Порт приписки теплохода Роя находился в Латвии, в Вентспилсе.

Николай служил моряком на Дальнем Востоке в бухте с очень лирическим названием – Разбойник. И потому профессия моряка для меня не пустой звук, а огромное уважение. Судьба же военного моряка каперанга очень интересна, а поэзия его в некотором разе уникальна. Я уже приводил, да и сейчас еще приведу примеры стихотворений о морской романтике написанной дилетантами, которые видели море на полотнах великого художника – мариниста Айвазовского. Борис Орлов видит корабельную службу изнутри, в прямом и переносном значении этого слова. И правда жизни так играет, так и

сверкает в его поэтическом слове.

Фигура политика очень многозначительна в бардовском творчестве. И именно слушая в юности, мои братья и выбрали профессию моряка, правда, капитанами не стали. Вот одна дворовая песня:

Он – капитан и звать его Марсель.
И любит шум и кабаки, и драки
Он курит трубку, пьет крепчайший Эль
И любит девушки из Нагасаки.
Однажды он сидит в корчме и водку пьет
И узнает, что господин во фраке
Однажды, накурившись апаши,
Зарезал девушку из Нагасаки.

Или еще фривольное:

Собираясь в другие края,
Опасайтесь дурного поступка.
У неё голубые глаза
И дорожная серая юбка.
Увидав, что она на борту
Капитан вылезает из рубки
И становится с трубкой во рту
Против девушки в серенькой юбке.

А вот как представляет начало полярной ночи поэт Орлов читателю:

Солнце перед началом полярной ночи настолько отяжелело, что закатившись за горизонт, ему не хватит сил выкатиться из-за окоема. Пурга заносит цепочку следов матросов, выбегающих из казармы на пирс. Поэт усиливает эту деталь более сильным глаголом. Цепочка следов пургой – оборвана.

А снег ложится не на выцветшие травы, а на выстывшие. Выцвести травы не успевают из-за короткого лета, а застыть от первого же морозца, это за милую душу.

Дикий пейзаж Севера завораживает глаз, а поэзия поэта ласкает слух! Над казармой матросов «скала повисла … круто». Оказывается и скалы бывают крутыми, а потому строй матросиков «стекает» с этой крутизны прямо на причал. А там уже море разгулялось как на

картине Айвазовского «Девятый вал». Это косвенно признает и поэт, создавая еще более шикарный образ. Перед картиной Айвазовского съеживаешься от страха, переживая за судьбу людей, которые к своему несчастию попали в шторм, ураган на утлом суденышке, которое вот-вот накроет и утопит роковой Девятый вал.

А в словах поэта Орлова ощущается мощь океана. Именно тот пресловутый «Девятый вал на взмыленных плечах приподнимает сумрачное утро». Тут Девятый вал служит людям. И если солнцу уже невмочь выпятиться из-за горизонта, то Девятый вал поднатужился, что плечи покрылись мыльной пеной от гигантского напряжения, и вынес на берег хоть и серенькое «сумрачное», но утро. Порадуйтесь, мол, морячки, пока я добрый.

При утреннем свете можно разглядеть и цвет сколотого льда с трапа. Он – зеленый. Раз не зеленеет трава, так полюбуйтесь, зеленым цветом, граждане, сколотого льда. Но наступает кульминация: «И застучало ядерное сердце. Винтом рассек волну атомоход. Ему не страшен Девятый вал. Правильно говорит поэт Борис Орлов, что «человек сильнее моря».

А сейчас прозвучит его финальный аккорд, и в нем будет сиять очередной афоризм: «Здесь юность поняла военный быт: и не уют, и жаркие тревоги. В широтах снежных замело дороги. Окраина России – центр судьбы».

Вот и главная фишка всплывает на поверхность. Служат моряки, как говорили в старые времена, на Задворках Российской Империи, на самой её северной окраине. Но для поэта Бориса Орлова «окраина России - центр судьбы». Центр его судьбы, а быть в эпицентре судьбы, а не взрыва – это важное предназначение – служить Родине, охраняя её дальние рубежи! Что и делал Орлов.

Но не всегда же Борис Орлов был каперангом. Умудренные опытом жены офицеров придумали такой афоризм: «Чтобы стать женой генерала, надо выйти замуж за лейтенанта». Женщины, хотя им мужчины издревле, отказывали в уме, считая, что у них волос длинный, а ум короткий. Но заметьте, какую мудрую присказку придумали женщины. Так вот и Борис Орлов начинал службу на флоте в звании лейтенанта. И вот его первый приезд в порт и первый приют – офицерское общежитие:

Неустроенность быта. Растерянность.
Чемодан приютился у ног.
Нарушается жизни размеренность.
Впереди незнакомый порог

Необжитого дома. Над крышами,
Как тюлени, плывут облака.
К низким стенам боками пушистыми,
Окружившись, прижались снега.

Тишина. Ни души. Лишь таинственно
Сквозняками играет апрель.
Я повешу на гвоздик единственный
В лейтенантских созвездьях шинель.

Со школьной скамьи оторвавшись, как зеленый листочек, от дуновения сильного ветра с ветки, попадают в другую среду многие ребята, решившие поступить в высшее военное морское училище. Но все-таки и школа, и училище – это изучение теории. Хотя в училище более жесткая дисциплина, но ко всему привыкаешь: в каждой избушке свои игрушки. Но размеренность жизни есть и в школе и в училище. Но переступив порог учебного заведения, военно-морского училища, нужно брать новую высоту. С одной стороны бывший курсант стал офицером, и может командовать своими подчиненными матросами, а с другой должен подчиняться и выполнять команды старших офицеров.

Первая растерянность пройдет быстро. А шинель «в лейтенантских созвездиях», как образно выразился поэт, согревает не только тело, но и сердце.

А весна не только в душе лейтенанта, а и на улице. И пусть пока не обустроен быт, и шинельку приходится вешать на единственный гвоздик, созвездия на погонах, как небесный атлас помогут выбрать правильный курс. А дальше все будет зависеть от личного упорства: через тернии к звездам…

Если же не будешь шагать уверенно по карьерной лестнице, от звания к званию, то станешь предметом насмешек: «О, всего пятьдесят лет, а уже лейтенант».

Но и в лейтенантском звании у Орлова просыпается талант поэта. Он даже не в обжитом доме видит красоту, а в природе сам Бог

велел разглядеть её чудесную красоту.

Прошу обратить внимание на вторую строфу: «над крышами, как тюлени, плывут облака». Литеха только прибыл на Северный флот, а уже увидел тюленей, но сравнивает кучевые облака с такими неуклюжими, на первый взгляд, животными. Зато у низких стен казармы не растаяли сугробы. Но поэт, если он не может увидеть красоту в любом её проявлении, не поэт. А у Бориса Орлова возникает очень возвышенный образ, глядя на сугробы: «к низким стенам боками пушистыми, откружившись, прижались снега». Одно сравнение чего стоит: белые пушистые снежинки медленно падали, кружась в танце, в ритме вальса и нежно прилипались к невысоким, но надежным стенам казармы.

Но общительный характер новоиспеченного офицера делает свое. У него появляются друзья. Пусть они не пишут стихи, но для моряков, живущих на краю света, это не обязательно. Они служат хорошо и выполняют команды и сами отдают их экипажу. И привыкают к службе в северном краю. А в этот суровый край оказывается можно даже влюбиться.

Поэт Орлов начинает понимать неброскую красоту Севера:

Литые волны хмурого залива.
Штурмуют скалы, как морской десант.
Мои друзья не говорят красиво –
Привычнее для них слова команд.

Их согревают флотские шинели
В стерильный холод и озонный дождь.
На плечи росомахами метели
Бросаются из карликовых рощ.

Они словам не верят – верят фактам.
Им не привычны выходные дни.
И что такое атомный реактор,
Своею кровью чувствуют они.

У поэта вся окружающая природа находится на службе морской. Взять хотя бы первую фразу этого стихотворения. Литые волны, такие же шустрые и крепкие, как морские десантники стремительно бросаются из глубины хмурого залива на скалистый берег.

Эту суровую красоту прилива, когда волны с остервенением бьются не о борт корабля, а о береговые скалы, нужно увидеть, прочувствовать. Тогда и возникнет красивый образ десантников, штурмующих противника.

И хотя лирический герой и заявляет, что его друзья не умеют говорить красиво, но красоту северного края понимают. А это для флотских офицеров важнее. У них развит не поэтический язык, а язык команд.

Морская мощная стихия сочетается в стихотворении поэта Бориса Орлова с чахлой, скудной растительностью тундры. Но даже «из карликовых рощ бросаются на плечи росомахами метели».

А какими необыкновенными эпитетами награждает разные климатические изменения природы. Холод у Орлова «стерильный», а дождь «озонный».

Оказывается, суровая природа Севера благодатна и полезна для здоровья. Холодно, но зато никакие болячки не привяжутся из-за стерильного воздуха.

Если к сырости моря добавляется моросящий дождь, то от его испарений, легко дышится – чистейший озон. Как на каком-то курорте, где есть минеральные воды.

А если внимательно посмотреть на фразу поэта «им не привычны выходные дни», то в ней нет ничего ужасного: в большом городе солдаты срочной службы только и мечтают, когда наступят суббота и воскресение. Тогда можно будет сходить в увольнение, попить кваску, полакомиться эскимо, повстречаться с девушкой, опасаясь встретиться с патрулем, чтобы не придрались к расстегнутой пуговице. Но в тундре могут с моряком повстречаться только метели, а не патрули. А если не заниматься делом, то от безделья с ума сойдешь.

Интересна фраза поэта про матросов: «их согревают флотские шинели». Да, они защищают их и от холода, от дождя и пурги. И о солдатских шинелях даже анекдот сочинили:

– Солдатик, – спрашивает бабушка, – тебе не холодно зимой в этой шинелишке?

– Ну, что вы, бабушка – отвечает он – она же теплая, суконная.

– Так, наверно, жарко летом? – допытывается бабуля.

– Ну, что вы, бабушка, говорите – жарко! – возмущается па-

рень. – Шинелька-то очень тонкая.

Вот не зря демисезонное пальто иронически называют – семи сезонным.

Зато, прочитав последнюю фразу стиха, вздрагиваешь как от ожога, ощутив опасность службы моряков на атомной подлодке: «И что такое атомный реактор, своею кровью чувствуют они».

В следующей миниатюре поэт умудряется втиснуть в две строфы несколько месяцев длительного морского похода. От дня отправки в поход до дня возвращен я в родной порт:

Мы погружались. Море безразмерным
Казалось. Выл пронзительно ревун.
Вода врывалась грохотом в цистерны
Как будто в барабаны бил Нептун.

А через месяц возвращались поздно
Полярной ночью – ни огня окрест.
Когда всплывали, то в цистернах воздух
Пел, словно в трубы духовой оркестр.

Вот как меняется настроение экипажа от … и до! Одно и то же явление воспринимается по-разному. Но, как заметил осторожный легендарный контрразведчик Штирлиц, что в «случайном» разговоре собеседник хорошо запоминает первую фразу и последнюю. А так как у Бориса Орлова в стихотворении всего две строфы, читатель запомнит все стихотворение. В первой строфе звучат – тревога и неопределенность. Кровь, прилив к голове, стучит в виске. Состояние лирического героя поэт оценил в этот момент так: «Вода врывалась с грохотом в цистерны, как будто в барабаны бил Нептун». Шум и клокот воды, которая бурным потоком хлынула в пустые резервуары, и звучит, будто в огромный барабан бьет музыкант не палочкой, а набалдашником, обмотанным кожаным лоскутом по нему. Звук раздается хотя и громкий, но глуховатый: Бум-бум… А если учесть, что этот музыкант – Морской бог с трезубцем в руке Нептун и без его благословления в кругосветном плаванье, пересекая экватор, не станешь настоящим морским волком, то приходится трепетать перед покровителем мелкой дрожью, вслушиваясь в ритм ударов по барабану.

Зато, какой задор и радость звучат в словах поэта, когда уста-

лая подлодка готова к всплытию: «Когда всплывали, то в цистернах воздух пел, словно в трубы духовой оркестр». Под радостные бравурные звуки духового оркестра, душа сначала замирает, а потом желает воспарить вместе с музыкой оркестра в небеса, посвистывая флейтой: до-мой, до-мой!

Но берег и покой морякам лишь только снится. А зато подводники никогда не ждут, как в древности, у моря погоды. В поход по сигналу, по команде они могут отправиться в любую погоду – зимой или летом, и в любое время дня или ночи. Как поется в песенке про морского дьявола, которого ублажают бочонком рома, из кинофильма по роману фантаста Беляева «Человек – амфибия»: «Там под океаном трезвым или пьяным, невидно все равно».

Подводники же видят и идут правильно по курсу, по локатору. А если идешь на боевом корабле по воде, то ночью помогают не сбиться с пути огни маяков и морская карта.

Какая бы погода не была за бортом, романтика моря никуда не исчезает. И в стихотворении поэт Борис Орлов говорит об этом:

Ночь навалилась, холодно и сыро.
Корабль похож на дремлющий ковчег.
Мы белые чехлы снимаем с бескозырок –
Из туч летит на землю белый свет.

Но все еще о лете разговоры,
Хоть пар и замерзает возле рта.
Стрекочут, как кузнечики, приборы
В молчании центрального поста.

А на рассвете краткий шифр команды
Нам ясно растолкуют маяки.
И загрохочут, словно камнепады,
На палубах матросские шаги.

На Севере погода капризна и переменчива, как красивая и взбалмошная девушка. Только что сияло улыбкой солнышко, но подул холодный ветер и с облаков, как манна небесная, летит пушистый белоснежный снег.

Но вот парадокс: на бескозырках были летом натянуты белые чехлы, а когда выпадает белый снег, чехлы снимают и бескозырки

становятся контрастными – черного цвета.

Поэт мелким очень точным штрихом рассказывает и о переменчивости температуры. Только что было летнее тепло, а через несколько минут пар дыхания валит и «замерзает возле рта».

И не смотря, что «из туч летит на землю белый снег». Топот бегущих матросов на палубе, поэт сравнивает с грохотом камнепада. Гулко раздаются шаги на металлической палубе. А корабль уже кажется матросам не просто железной коробкой, а уютным и заботливым ковчегом Ноя, который спас жизнь на Земле во Время Всемирного Потопа, взяв в Ковчег каждой божьей твари по паре. О различных политических ситуациях, которые в походах по океанам к дальним странам. Борис Орлов много не распространяется в своих литературных произведениях. Можно ненароком и военную тайну раскрыть. Но … и когда исподволь прорывается информация, просачиваясь через строчки стихотворений. Вот, например в этом:

Мы не против наград и чинов.
Наигрались в подводные жмурки,
Колем дырки мы для орденов,
Примеряя в отсеках тужурки.

Вероятный противник… Опять
Мы за ним обогнули полсвета.
В иностранных трескучих газетах
Шторм словесный уже не унять.

Орденов не видать в этот раз –
Вслед нам ноты протеста летели.
Ждут нас люди в Особом отделе.
А ведь мы выполняли приказ!

Да, жизнь непредсказуема. Только что экипаж, обогнув шар земной, готов был провинтить дырочки для награды на кителях и парадных форменках, но прокололи не дырку для ордена, а сами прокололись, рассекретив свой, никому неизвестный маршрут.

Моряки выполнили свой долг, окончив успешно поход. Но поднялась газетная шумиха и поэт об этом говорит так: «В иностранных трескучих газетах шторм словесный уже не унять».

Как известно один поэт во время Великой Отечественной вой-

ны, просил, чтобы его острое перо журналиста приравняли к штыку. А теперь акулы пера растерзали все надежды на награды.

Вместо торжественной процедуры награждения офицеров приглашают для собеседования в Особый отдел.

Как будто там не знали об этом инциденте, международном скандале. Вот и отыскивают крайнего, выбирая мальчика для битья, но не для физического наказания, а морального подавления человека, который с честью выполнил приказ…

А как наказать людей, которые выполняя приказ, остались лежать на морском дне? Поэт и каперанг Борис Орлов испытал не только радость от наград, но и боль утрат. И свое, набатным колоколом звучащее стихотворение посвятил экипажам атомоходов, погибшим в океане:

Акустик различает голоса
Архангелов, а не семей китовых.
Из глубины всплывают в Небеса, –
Апостол Петр готов принять швартовы.

Достоинство и Веру берегли,
А к Господу вели морские мили.
У нас горизонтальные рули
Похожи на расправленные крылья.

Качаемся, как будто на весах,
На облаках – в цене весомость слова.
Наш экипаж зачислят в Небесах
В эскадру адмирала Ушакова.

Нет, кроме нас, в отсеках ни души.
Над перископом белый ангел вьется.
В раю мы будем Родине служить
Под вымпелом святого флотоводца!

Прочитав стихотворение поэта, я сначала растерялся. К какому же жанру отнести его? По сути – это реквием. Но с другой стороны – это гимн, прославляющий бессмертных героев. Поврежденная подлодка легла на морское дно, но поэт Борис Орлов с Апостолом Петром совершают чудо: подлодка вместе с экипажем всплывает, но не поверхность моря, а без пересадки попадает сразу же на небеса. Вот

какой уникальный случай и такой же сюжет придумал поэт. Создав воздушный замок. А вернее вечный памятник геройскому экипажу. Акустик, услышавший голоса Архангелов, сумел сообщить командиру подлодки и тот выбрал правильный курс. Борис Орлов умело объясняет этот феномен: у атомохода горизонтальные рули: «похожи на расправленные крылья». Она изначально запроектирована для любого передвижения, в том числе и полета. И экипаж, преодолевая земное притяжение и заявление другого поэта – Максима Горького устами Ужа, в «Песне о Соколе»: «Рожденный ползать – летать не может», взлетел на небеса. Это получилось у экипажа потому, что они «Достоинство и Веру берегли, а к Господу вели морские мили». Но по Евангелию Апостол Петр, даже тем. Кто добрался до него, не каждому отворял ворота Рая. И Борис Орлов, учитывая эту дипломатическую процедуру: нужно говорить правду, только правду и ничего, кроме правды, подготовил экипаж к встрече с Апостолом Петром: «Качаемся как будто на весах. На облаках в цене весомость слова». И вот это слово звучит. Наш русский флотоводец адмирал Федор Федорович Ушаков, не проигравший, как и генералиссимус Александр Васильевич Суворов, ни одного сражения, причислен к лику святых. Адмирал и дает гарантию Апостолу Петру, что зачислит героев в небесах в свою эскадру. Но завершающий аккорд реквиема Бориса Орлова потрясает любого читателя до глубины души:

Нет кроме нас в отсеках ни души.
Над перископом белый ангел вьется.
В раю мы будем Родине служить,
Под вымпелом святого флотоводца!

Мне остается добавить к финалу только два слова: Своим примером!

Но коварный атом иногда убивает моряков не сразу. Он носит шапку –невидимку и его уколы, удары не видимы для невооруженного взгляда. Но когда происходит трагедия. То не сразу и понимаешь. Почему человек ушел в мир иной в расцвете сил.

Памяти умерших от лучевой болезни посвятил свое стихотворение поэт Орлов:

Они в списках павших не значатся.
Их с нами в компании нет.

Коварнее пуль радиация –
Невидимый дьявольский свет.

Вокруг ни войны, ни пожарища…
Их смерть, как прыжок затяжной, -
Мучительно наши товарищи
Уходят с арены земной.

От вектора жизни, до фактора –
Кончины
незримый распад.
В разбуженных недрах реактора
Таится урановый ад.

С огромной эмоциональностью рассказывает поэт об умерших моряках от радиации. От лучевой болезни.

Лирический герой с дрожью голоса заявляет, что в компании живых его товарищи уже не числятся. Нет их и в списках «павших». И силой воли, сдерживая рыдания, констатирует: «Коварнее пуль «радиация – невидимый дьявольский свет».

Борис Орлов сравнивает их смерть с затяжным прыжком парашютиста. Он, совершая этот прыжок, не сразу дергает за кольцо, не позволяя парашюту сразу раскрыться. Воздушному десантнику, что бы приземлиться точно в цель и не стать мишенью для врагов, поджидающих десантников на земле, нужно совершить паление, не раскрывая парашют какое-то время, а лишь потом дернуть за кольцо. Но если вовремя парашют не раскроется – это гибель. А радиация коварнее, чем прыжок десантника. А тем более пули.

Но если бы смерть от лучевой болезни настигала свою жертву мгновенно, так нет же. От лучевой болезни умирают мучительно и долго.

Если в предыдущем стихотворении поэт Борис Орлов был уверен: «что в Раю мы будем Родине служить», то в этом он скорбно заявляет: «В разбуженных недрах реактора таится урановый ад». Вот поэтому и умирают подводники от лучевой болезни в адских муках…

А когда этот ад начнется, никто не знает. Поэт говорит об этом очень кратко: «от вектора жизни до фактора кончины – незримый распад».

А в стихотворении «Наш корабль» Борис Орлов окунается в пучину распада не мирного атома, а распаду нашей страны с названием СССР. Разрушить страну проще, чем построить. А, к сожалению, перестройка оказалась не созидательной, а разрушительной. Об этой «лучевой болезни» страны и говорит Борис Орлов в стихотворении «Наш корабль» это огромный и объемный образ поэта:

Россия, не зная курса,
Плывет себе наугад.
Как первый отсек от «Курска»,
Оторван Калининград.

Не просвещен, не обучен
Вовремя экипаж.
И по борьбе за живучесть
Не проведен инструктаж.

Гибнем в подъездах и штреках –
Страшен кровавый след,
Но «Осмотреться в отсеках!»
Сверху команды нет.

Взрывчатка, ножи и пули –
Топит Россию братва,
Словно винты, погнулись
Курильские острова.

Лихие девяностые – это наша кровоточащая рана. И за какое не изуродованное место тела не возьмешься, все равно пронзает насквозь острая боль. Так и в стихотворении поэта «Наш корабль», на какую строчку не взглянешь, по глазам, словно бритвой, полоснут страдания и агония нашего государства, которое развалилось, рассыпалось на куски. Был Советский Союз, осталась Россия. Но и она плывет пока по наитию, без руля и ветрил. Прибалтийские страны навострили уши на запад, и у нас на западе образовался анклав. Калининград отрезан от России «чужой» территорией. Оторванность анклава Борис Александрович сравнивает с оторванным отсеком подлодки «Курск».

Лирический герой вскрывает головотяпство по подготовке похода «Курска»: не проведен инструктаж «по борьбе за живучесть».

И технически-то своевременно «не просвещен, не обучен» экипаж.

Но главное зло творится не только в море. И вот наш корабль под названием «Россия» захватили на абордаж пираты. А потому «гибнем в подъездах и штреках – страшен кровавый след». Но это техногенные катастрофы вперемешку с бандитизмом. А вот новая роль братков: И если дело пойдет так и дальше, то наш корабль «Россия» захлебнется в крови и пойдет ко дну: «Взрывчатка, ножи и пули – топит Россию братва».

Это с одной стороны, а с другой неадекватные поступки политиков добивают её на всех окраинах. Был подготовлен проект, провести границу акваторий морей на Дальнем Востоке чуть ли не по линии прибоя. И поэт с болью восклицает на своем морском слепке: «Словно винты прогнулись Курильские острова».

И вот Борис Орлов оказался простым городским жителем в городе моряков в Кронштадте. И что же он увидел в знаменитом Кронштадте? Вы узнаете, что написал поэт, прочитав стихотворение его с эпиграфом – строчкой из стихов Осипа Мандельштам: «Я список кораблей прочел до середины…».

Видимо длинный список был, если Мандельштам прочитал его только до середины. Горбачев же посчитал, что у демократической страны. Где все люди – братья, уже нет нужды содержать средства агрессии: армию и флот.

Демократы не желают воевать, зачем же нам-то оружием бряцать? Один росчерк пера и два верных союзника России – армия и флот стали ей не нужны.

И флот превратился в кладбище кораблей. Было такое в истории парусного флота, когда он стал дряхлым и тихоходным. Но каперанг Борис Орлов служил на самом современном судне: атомоходе. И вот поэт Орлов пишет стихотворение. Он в первой же строчке взрывает обстановку фразой, пытаясь взбудоражить тихий омут, в котором черти водятся:

Уходит флот ржаветь на мели и глубины.
Я список кораблей прочел десяток раз.
А раньше я не мог прочесть до середины.
Останки кораблей – вдоль русских берегов.
Но сраму ни они, не моряки не имут
Все тайные враги … а явных нет врагов.

И гибнут корабли трагичней, чем в Цусиму.
Заморские моря, грустят без наших рей
Но флаги на морях не нашего пошива
О, флотские сыны, романтики морей!
Здесь движет не любовь, а зависть и нажива.

Прочитав стихотворение, хорошо понимаешь, почему выбрал Борис Орлов такой странный эпиграф: «Я список кораблей прочел до середины …» Теперь этот список кораблей, который еще на плаву, уменьшился в разы. Вот Борис Александрович его десять раз и прочитал.

Есть поговорка: «Мертвые сраму не имут». Борис Орлов применяет её к кладбищу мертвых кораблей, их осиротевшим, бездомным матросам, заявляет: «Но сраму ни они, ни моряки не имут».

А стыд за разгром флота в русско-японскую войну добавить еще одну фразу: «И гибнут корабли трагичней, чем в Цусиму».

Да, какие же разговоры могут быть про романтику морей? – разочарованно восклицает лирический герой. А поэт добавляет: «Здесь движет не любовь, а зависть и нажива».

Истребили русский флот сами русские. Своими же руками. И горько и больно и не на кого пальцем указать. Ведь тогда придется ткнуть пальцем … нет, не в небо. Бог тут не причем, нужно пальцем ткнуть в свою грудь и признаться: «Это я виноват, что флот угроблен, и, по сути, перестал существовать, как боевая единица. Да и ракеты распилили на металлолом в десять раз больше, чем в подписанном договоре с США.

Такое душа не выдержит. А что такое, в принципе, наша душа? На это отвечаю не задумываясь: «Это наша совесть!» И только я так подумал, как мой взгляд уткнулся в соседнюю страницу, на которой было напечатано еще одно стихотворение. И в моих глазах зарябило от повторов. Почти каждая строка начиналась с местоимения «Я»:

– Что это Борис Александрович разъякался? – удивился я. – Не слышал раньше, чтобы он так превозносил высоко свою персону и задирал нос. Вот у кого-то как раз совесть и есть.

Но напрасно я упрекал поэта в высокомерии. Как раз в этом стихотворении звучали слова настоящего патриота, который не перекладывал вину с больной головы на здоровую, а обвинял не дядю Сэма, а персонально себя. Отсюда и частое употребление местои-

мения «Я». Лирический герой не сетует на суд и на прокурора и не выпрашивает у них смягчить наказание за свою вину. Как раньше брал в трудную минуту решение на себя, так и сейчас в еще более трудное время, он не собирается отрицать свою вину, из-за которой страна стоит в одном шаге от пропасти: одно неосторожное движение и рухнешь в бездну. Но самое страшное, что рухнет в бездну и страна. Произойдет катастрофа. Но именно исповедь морского офицера т его настоящих друзей и товарищей, а также их решимость переложить ситуацию спасла от катастрофы Россию:

Я – офицер, нарушивший присягу…
Назад ни шагу, и вперед ни шагу
Не сделал. Разворована страна.
А за развал на мне лежит вина.

Я – офицер, нарушивший присягу…
Безропотно служу чужому флагу,
Тому, который раньше презирал.
Чужому флагу служит генерал
И рядовой. На всех лежит вина.
Проиграна холодная война.

Я – офицер, нарушивший присягу…
Я в плен попал, не проявил отвагу.
В плену и генерал, и рядовой.
Никто не поплатился головой,
Но мучается наш народ в плену.
Я проиграл холодную войну.

Я – офицер, нарушивший присягу…

Этот рефрен вползает в уши, режет слух. Это не мазохизм, не самоистязанье, а боль души. И ответственность честного морского офицера за свое поражение, и поражение великой державы, которую продали даже не за деньги, а за какую-то пустую бумажку, которую назвали по-иностранному, может быть для маскировки, что бы было непонятно, ваучером.

Вот и приходится им служить чужому флагу, под которым возрождаются нацизм, фашизм, ваххабизм и прочие измы, флагу который лирический герой и презирал.

Как бы не было больно осознавать свою беду, свою вину, но мысль мудра, композиционно стихотворение поэтом построено так, что каждая строчка, каждое слово работает на то, чтобы вина не заливалась вином, а побуждала браться за ум и, засучив рукава, разгребать тот храм, который мошенники выдают за бесценные драгоценности – алмазы. Но нужно открыть глаза, сняв пелену с них. А, увидев реальное положение, отбросить в сторону розовые очки и понять, что обещанной демократией и не пахнет. Поэт Борис Орлов объясняет, почему морской офицер обвиняет себя в развале страны. Он не только нарушил присягу. А к тому же проявил малодушие. Когда надо было сражаться до последнего патрона: «Я в плен попал, не проявил отвагу». И добавляет: «В плену и генерал, и рядовой, никто не поплатился головой». В этих строках вся и закавыка, трагедия: армия и флот, которые должны были защитить свой народ, не сумели это сделать, а оказались сами связанными по рукам и ногам, попав в плен.

И поэт с болью в сердце восклицает: «Но мучается наш народ в плену. Я – офицер, нарушивший присягу… Я проиграл холодную войну».

Как эхо от этого стихотворения «Я – офицер, нарушивший присягу…» звучат отголоски в следующем стихотворении поэта:

Умирал великий флот Союза –
Флаги со звездой срывал приказ.
Скатывались якоря из клюзов,
Словно слезы из ослепших глаз.

Уходили с палуб офицеры
На причалы, как на эшафот.
И надежды рушились, и нервы
Рвались. Погибал без боя флот.

Выбросили – и на барахолку,
И в металлолом, и под волну…
Умирал великий флот, поскольку
Был не в силах пережить страну.

Если в предыдущем стихотворении посыпал пеплом и без того седую голову, обвиняя себя во всех смертных грехах, то в стихотворении «Умирал великий флот Союза» он, отбросив в сторону эмо-

ции, стал анализировать происшедшее и искать причину, а не следствие. Но и без эмоций не обошлось.

Когда по приказу срывали флаги со звездой, то не только у офицеров и матросов катились слезы, но и у кораблей: «Скатывались якоря из клюзов, словно слезы из ослепших глаз». В этой строке главное все-таки не слезы, а другая деталь: слезы-то скатывались «из ослепших глаз».

Была эйфория, иллюзия свободы, никто ничего вокруг себя не видел и не слышал, словно ослепли и оглохли, а в итоге болевой шок – свобода – это призрачный мираж, а на самом деле оказались рабами и заложниками своей политической слепоты.

Борис Орлов всю тяжесть трагедии сумел показать одной хлесткой фразой: «Уходили с палуб офицеры на причалы как на эшафот». Да, палубы ускользали из-под ног моряков, которых раньше не смогли сбить их с ног ни уран, ни мощная волна девятого вала. Их сразу разжаловали в рядовые. Но только они ступили на берег, то причал им показался плахой. Ведь жить без моря флотскому офицеру – смерти подобно. А потому и видели они не причал, а плаху, на которую им сейчас придется положить свою голову.

А причина этого уныния одна: «Погибал без боя флот». Но главный вывод этой трагедии сделал поэт Борис Орлов в последней фразе этого потрясающего стихотворения: «Умирал великий флот, поскольку был не в силах пережить страну».

Рухнула великая страна и руинами стал умирать её великий флот…

Но время лечит. Время самый лучший лекарь, лучше даже самого Гиппократа. Лирический герой тоже сумел заглушить свою боль, как тогда вручную заглушил атомный реактор, превратив взбунтовавшийся мирный атом, в ручного домашнего волчонка. Стал менее эмоциональным и более хладнокровным. Он по-философски воспринимает сегодняшний день, не оглядываясь в прошлое, а надеясь только на будущее, но куда убежишь от своей памяти? И память напоминает поэту:

Помню всех – и старше, и моложе –
Промелькнувших, как в коротком сне.
Никому и ничего не должен,
Ничего никто не должен мне.

Взгляд окаменел – слеза не брызнет.
Горблюсь и ступаю тяжело.
Расплатился собственною жизнью
Я за все, что было и прошло.

У мыслителя и философа древности Платона в его трактате есть парадоксальное утверждение, что могущественное государственное устройство с трудом поддается распаду. Нередко оно продолжает существовать на смертельные, подтачивающие его изнутри недуги, несмотря на несправедливые законы и невежество, и развращенность должностных лиц, и разнузданность и мятежность народа.

Но ключевые слова в трактате мыслителя Платона – это «Нередко оно продолжает существовать». Имея ввиду государство. Ведь философ был свидетелем, как рушились государства и разваливались могущественные империи. И только суд времени расставляет все на свои места. Улеглась и на душе лирического героя рана. Он заявляет, что «никому и ничего не должен». И с других снимает груз вины: «Ничего никто не должен мне». Ни он государству, ни государство ему. Его окрыляет поэзия. И он парит над мелочной суетой и дрязгами.

Но поэт понимает, что нельзя скатываться в другую крайность – в равнодушие. Усталость притупляет эмоции и вот: «Взгляд окаменел – слеза не брызнет. Горблюсь и ступаю тяжело».

Но эта меланхолия становится понятной, когда узнаешь истинную цену Его величества равнодушия: «Расплатился собственною жизнью я за все, что было и прошло».

Каперанг по чину может носить военную, флотскую форму, выйдя в отставку. Но свербит в голове мысль: «А для чего?» - Морская форма превратилась в маскарадный наряд. Поэтому поводу поэт Борис Орлов пишет стихотворение:

Что форма? Странны мы как на карнавале,
Мы в ней. И по делам нам! Поделом…
Спуская флаги, корабли сдавали –
Трагичнее, чем в плен, - в металлолом.
Тебя ли кто-то грабит, ты ли грабишь –
Не разобрать. Льем слезы, как дожди.
Нас сторожами корабельных кладбищ
Назначат сухопутные вожди.

Финита ля комедия, как говорят французы, комедия окончена, а трагедию не оттолкнешь. Судьба сданных кораблей не в плен, а на металлолом не дает сердцу успокоиться.

Но если ты хоть немного не живешь для других, то совершенно не живешь и для себя. И наоборот тот, что грабит других, не понимает, что он обворовывает в первую очередь самого себя. Деньги утекут как песок сквозь пальцы, а от сумы и от тюрьмы никто не зарекается.

А в последней фразе поэта звучат и смех, и слезы, и любовь. Очень иронично и все же с огромным надрывом звучит финальная фраза поэта Орлова в конце стихотворения, о том, где может пригодиться форма моряка: «нас сторожами корабельных кладбищ назначат сухопутные вожди».

Это горькое настроение звучит и в стихотворении Орлова «Зимнее»:

Острым льдом зарастают дороги.
Превращается в айсберг Кронштадт.
Рядом с тральщиком парусник в доке.
Туча – словно дырявый штандарт.

В рундуках спят матросские ленты.
Тонут плацы в крылатом снегу.
Не на мостиках – на постаментах
Адмиралы встречают пургу.

Маршируют учебные роты,
И туба над заливом поет…
Колыбель океанского флота –
Этот город, врастающий в лед.

Раньше в армии и на флоте, где основным контингентом были неграмотные крестьяне, проводили уроки словесности. Так в генах капеpанга и оказалась изящная словесность.

Стихотворение Борис Орлов назвал «Зимнее», от которого сразу же веет холодком. Да и зимние образы поэта режут слух и глаз: Кронштадт он сравнивает с айсбергом, тучу с дырявым штандартом. А адмиралы встречают пургу не на капитанских мостиках, а на постаментах. Ведь адмиралы-то давно стоят на пьедесталах – они же

памятники. Им все нипочем: пурга, дождь, холод и жара. На их мужественных и обветренных лицах ни один мускул не дрогнет. Они свое слово сказали.

В Кронштадте теперь живых адмиралов нет. Тут остались учебные роты, и над Финским заливом плывут звуки трубы, под которые курсанты ложатся спать и просыпаются.

Но каким бы не казался унылым зимний пейзаж Кронштадта, гордость поэта Бориса Орлова за «этот город, врастающий лед», не уменьшается, а возрастает. Кому как не ему знать главную заслугу императора Петра Великого, который «Прорубил окно в Европу». Вот Кронштадт и стал главным форпостом моряков: «Колыбелью океанского флота», по мнению Бориса Орлова.

Он понимает, что любые крупные перемены расшатывают устои государства, и вносят сумятицу. Но смириться с вождями и стать сторожем на корабельном кладбище, Орлов не собирается. У него две горячие и трепетные любви: одна – это огромное море, а другая – не менее обширная и необъятная любовь – поэзия!

Об этом его стихотворение «Полуподвал. Коммуналка…»

Полуподвал. Коммуналка.
Вечный сырой полумрак.
За подоконником – галка,
Солнце, березы, овраг.

Снова шинель мою лето
Плотно скатало в рулон.
Два золотистых просвета
Перечеркнули погон.

Службу на время оставил –
Муза зашла впопыхах.
В строгом военном уставе
Нету статьи о стихах.
Стал подозрительным – жалко!
Шепчут: «Что пишешь, чудак?»
Полуподвал. Коммуналка.
Вечный сырой полумрак.

В этом стихотворении что ни слово, то поэтический образ,

оригинальный эпитет, или яркая метафора. Это стихотворение сотканo из волокна волос музы, которое воздушно и изящно, как шлейф королевы, парит в воздухе. В этом стихотворении игра света: Вот лето скатывает шинель лирического героя в плотный рулон. Летом в шинели не очень-то пощеголяешь – жарко. А солнечные золотистые лучи, упав невзначай на погоны героя, переводят и младших офицеров в старшие: «Два золотистых просвета перечеркнули погон».

Какая великолепная игра слов. Обычно в слове перечеркнуть закладывается зловещий смысл. Как, например, в сочетаниях: «перечеркнуть судьбу, карьеру и даже, еще круче, - жизнь». А Борису Александровичу удается возвысить это слово до награды, а не наказания.

Не от того ли к поэту, который на время оставил службу, и взялся за перо «Муза зашла впопыхах». Так спешила, что чуть не опоздала: «А вдруг этот чудак займется поэзией без моего участия и завоюет себе славу без моей помощи?!»

Вот так бравурно, с огоньком завершается стихотворение Орлова. А ведь так мрачновато его начинал, что дрожь пробегала от его чеканных фраз из рубленых слов: «Полуподвал. Коммуналка. Вечный сырой полумрак. За подоконником – галка».

Но в стихотворении «В Ленинграде» поэт уже говорит о любви не в широком, огромном масштабе, а о конкретной. Романтической любви к любимой девушке, с которой давно не виделся, а потому спешил к ней, как и положено моряку, на всех парусах.

Я не был год у розовых колонн.
Жизнь пролетела не гладко и не просто.
Рвут надо мной вечерний горизонт
Под облака взметнувшиеся ростры.

В разлуке напридумывал тревог,
Нелепо волноваться без причины.
А ты жила дыханьем давних строк.
Мою подлодку прятали глубины.

Где вымытый гранит щербат и сер,
Куплю, как прежде, белые гвоздики.
Навстречу рыжим ветром хлынет сквер,
Услышу журавлей усталых крики.

Чтоб растоптать в твоих земных глазах
Проникший в сердце холод Заполярья,
Остановлюсь несмело в двух шагах
Я, обошедший оба полушарья.

Жанр любовной лирики очень не прост. Любым неосторожным словом можно разрушить любовную идиллию. Тут мало сравнить красоту женщины с яркими, броскими цветами. Хотя первым поэтом на земле считается тот неизвестный никому человек, который сравнил женщину с нежным распустившимся бутоном цветка.

В любовной лирике нужно показать не только горячую страсть, но и нежное трепетное отношение к любимой.

Не по вине мужчины длилась разлука его с женщиной. Он морской офицер и не может сказать уклончиво: «Сердцу не прикажешь». Он рвался всей душой к своей любимой женщине, но выполнять приказ, данный ему командиром, был должен выполнять в первую очередь.

И вот встреча у розовых ростральных колонн, которые взметнулись под облака, и «рвут надо мной вечерний горизонт».

Какие только тревожные мысли не приходят моряку после года разлуки. Он волнуется как мальчишка, хотя ревность мертвой хваткой схватила его сердце. Успокаивает только букет белых гвоздик, который он традиционно вручает своей любимой. Белый цвет святости и нежности. Но холод заполярья не смог остудить любовь лирического героя. Лишь бы не было льдинок в глазах его девушки.

А поэт Орлов остается верен себе и в эпилоге показывает робость влюбленного при встрече: «остановлюсь несмело в двух шагах я, обошедший оба полушарья». Меня лиризм этого стихотворения потряс до глубины души. В нем поэт очень умело показывает характер лирического героя, которого спросили: «Почему вы именно так рисуете руку?», а он ответил так, что его бы понял даже маленький ребенок: «Я рисую не руку, а её движение». Это ответ мастера! Несомненно, и мужественного моряка фраза «остановлюсь несмело в двух шагах…», сказанная поэтом Борисом Орловым навсегда запомнят все, кто её прочтет.

За любой встречей следует опять расставание. Но случается, что очередное расставание может перерасти в прощание… Трудно распрощаться с мечтой, но жизнь, как тельняшка моряка бывает

полосатой, чередуется светлая полоса жизни с темной. И не надо зацикливаться – всего поровну: и светлых радостей и невзрачных неприятностей. Все так, как в стихотворении Бориса Орлова «Прощание».

Треск льдин поплывет на рассвете
К последней холодной звезде.
И станут деревья, как дети,
Бродить босиком по воде.

И мост унесет. И дорогу
За мною размоют ручьи.
Поплачь о любви – не молчи!
Обида пройдет понемногу.

Сколько много поэтических находок в этом коротеньком стихотворении. Прощание начинается неожиданно, как ледоход весной. Размолвки, разлуки, напряженные отношения, но наступает миг и раскол неизбежен. У поэта этот раскол отношений обыгран умело. Он сравнивает его с ледоходом: «Треск льдин поплывет на рассвете к последней холодной звезде». Неожиданная метафора треск льдин. Это все же звук, а если поплыли льдины, то они поплывут не в высокое звездное небо. А вниз по течению реки к огромному морю. Но в этом «треск льдин поплывет на рассвете» и есть шарм…

А сравнение: «И станут деревья, как дети, бродить босиком по воде» вызывает бурный восторг. Никогда и никто не забудет свое босоногое детство, когда шлепали ножонками по лужам. А во фразе «И мост унесет. И дорогу за мною размоют ручьи» можно увидеть каждому из нас на природное весеннее явление, а, наоборот, осеннее охлаждение любовных отношений.

Но ведь золотая осень, хотя и предвещает зимние холодные отношения, но как лирично и трогательно, без душевного надрыва оканчивает поэт стихотворение. Все так же любовно, но уже, как бы по-отечески: «Поплачь о любви – не молчи! Обида пройдет понемногу».

Чисто по-человечески оканчивает с просьбой поплакать. Поплачет женщина и не так больно станет щемить сердце… А время залечит и обиду.

Стихотворение Бориса Орлова задевает, бередит душу любо-

го человека. Не бывает, или очень редко бывает любовь без слез и потерь. А потому так трогательно звучат поэтические строки поэта.

Россия – родина моя!

Кроме сложной и трогательной любви к женщине поэту удалось показать бескорыстную и нежную любовь к Родине. Ведь, как в рекламной фразе про ценность молочных продуктов: «не все йогурты одинаково полезны», бывает потребительское отношение к Родине. С этого и начинает поэт свой цикл стихотворений о Родине, о России:

Для одних Россия – в именительном,
Для других Россия – только в дательном.
Для одних Россия – существительным,
Для других Россия – прилагательны м.

Разные склонения-спряжения
Все-таки не суть, а оболочка.
И замечу не без уважения:
Есть Россия. Вот и все. И точка.

Тут с поэтом не поспоришь: коротко и ясно! Точки над «И» расставлены. Нон комет, господа хорошие. На все воля Божья. Не надо только все доводить до крайности.

И вот поэт обращается к властям с призывом: «Управляя парадом, побойтесь Бога!». Но сначала он бросает власти… Нет, нет, не перчатку, а упрек:

Власть всегда темнила и лукавила –
Для народа нет единых норм.
Жизнь – игра… И в ней меняют правила
С помощью восстаний и реформ.

Но и во дворце, и в тесной комнате
Есть икона для бесед с Творцом.
Проливая кровь чужую, помните:
Жизнь – игра с трагическим концом!

Шекспировское изречение: «Вся жизнь игра, а люди в ней актеры» обыгрывается несколько раз в этой чудесной миниатюре поэ-

та Бориса Орлова, которую он посвятил Владимиру Косареву.

Лирический герой, сравнивая жизнь с игрою, сетует, что в этой игре «Властители слабые и лукавые» очень часто меняют правила с помощью реформ. Зато доведенный до крайности народ меняет правила игры бунтом, восстанием. Философ Мишель Монтень считал, что щедрость королей – не такое уж блестящее качество. Обыкновенные люди чаще имеют право на это. Ибо у короля нет ничего своего, да и он сам принадлежит подданным.

Поэтому и обращается поэт к власть придержавшим: «Проливая кровь чужую помните, жизнь – игра с трагическим концом!»

У каждой игры, как и в жизни каждого индивидуума, наступает конец… Но, где бы гражданин или властитель не находился, всегда найдется время и место, где есть икона для беседы с Творцом. Таково искреннее убеждение поэта.

В другом стихотворении «Не предавал Христа» Борис Орлов заявляет свой манифест поэта:

Не предавал Христа. И брата
Не убивал. Не мел хвостом…
Мне в глотку – кляп, мне в уши – вата.
За что? Творец грозил перстом?..

Смирен – в молитве, буен – в драке.
За все, чем жил, предъявлен счет.
Мой стих пылает, словно факел:
Услышишь – душу обожжет.

В своем манифесте поэт раскрывает настежь перед людьми свою душу. Смотрите люди добрые, я исполнял все заповеди: Не стал Каином, не убив, а пожелав брату Авелю жить долго на земле и счастливо. Не предавал, как Иуда Христа. А что же получил взамен лирический герой? Борис Александрович отвечает жестко и четко: пытались заткнуть глотку, а на уши навешать лапши.

Но никогда не сдавался и не поддавался на провокации: «смирен в молитве». А также не любил подставлять левую щеку, после удара по правой: «буен в драке». И лишь одно занятие согревало душу поэта, и он гордится своим результатом: «Мой стих пылает, словно факел: услышишь – душу обожжет».

Светом стиха развеять мракобесие, которое навалилось на

страну очень нужное и благородное дело.

Говорят, где родился, там и пригодился, а поэт Борис Орлов родился в деревне. Но там, рядом на его малой родине, не было моря, а он решил стать моряком. Поэтому деревня стала для поэта причалом, от которого он отчалил покорять морские просторы. Но «знакомые с детства просторы» до сих пор «тоской обжигают виски». А один французский философ сказал, что «гении рождаются в провинции, а потом едет покорять Париж».

Борис Александрович поехал в Ленинград – морскую северную столицу России, откуда в окно видна Европа. А о деревне с трепетом вспоминает:

Мне вечно дорог не хватает,
Продрогших в снегу и дожде,
В них жизнь моя медленно тает,
Как льдина в апрельской воде.

Знакомые с детства просторы
Тоской обжигают виски.
А песни люблю, от которых
Сходили с ума ямщики.

Не станет мой голос напевней
Ни в храме, ни в хоре осин.
Я поздний ребенок деревни,
Меньшой непоседливый сын.

Как в венке сонетов, поэт окольцовывает свою мысль. Его лирический герой говорит, что ему «вечно дорог не хватает», по которым он желает пройти. А в конце стихотворения указывает – почему ему не хватает дорог. Он же «поздний ребенок деревни, меньшой непоседливый сын». И он становится романтиком.

Но пролетает жизнь вдали от тех милых сердцу дорог «продрогших в снегу и дожде». Великолепный образ. Именно деревня помогла лирическому герою стать поэтом. Он в деревне впитывал в себя как губка песни, «от которых сходили с ума ямщики». Кто не помнит русскую народную песню: Степь, да степь кругом, путь далек лежит, в той степи глухой умирал ямщик». Вот и поэт Орлов полюбил русское народное творчество, песни, былины, сказки, смог теперь красочным поэтическим языком изображать нашу суровую и

иногда неприглядную действительность.

Хотя сам-то считал, что «не станет мой голос напевней ни в храме, ни в хоре осин».

Вот какой неожиданный образ обнаружит читатель: «Хор осин». Да на осине листочки на длинных черешках колышутся и лепечут. А потом их шорох набирает силу и шум усиливается. Но когда в лесу не одна осина, а множество их, то дирижер ветер, заставляет их исполнять мелодичную песню. Хоровую песню, которая завораживает душу.

И поэт сложил стихотворение, назвав его очень просто и красиво: «Песня».

Жил – нежил:
Календарь перекидывал.
Ни друзьям, ни врагам
Не завидовал.

И каштан отцветал,
И жасмин расцветал.
И, листая тома,
Я покой обретал.

Водку пил,
Но друзей не закладывал.
И загадок врагам
Не загадывал.

Чайной ложкой
Секунды в стакане мешал.
Что хотел, то писал,
Как хотел, так дышал.

И ворчали порой,
Что я груб и упрям.
Но прощали меня –
Был я честен и прям.

Жил – не жил:
Календарь перекидывал.
Ни друзьям, ни врагам
Не завидовал.

Чем прекрасна эта «Песня»? Тем, что она исповедальня. Мне сразу же вспомнились строчки Сергея Есенина из поэмы «Анна Снегина». Как в деревне встретили Сергея Александровича земляки: «Что нового в Питере слышно? С министрами, чай, был знаком! Не даром, едрит твою, в дышло, воспитан ты был кулаком! Бывал ты и трезвым, и пьяным, себя вынимал на испод… Скажи, отойдут ли нам прямо без выкупа пашни господ?»

Вот почему так задушевно и доверчиво отнеслись к столичной штучке, ставшим поэтом их земляку: Он в своих стихах «себя вынимал на испод». Перед своими читателями был открытый в своей шальной, бурной жизни, был как на ладони, или еще лучше сказать – на исповеди. И земляки задают Есенину еще один вопрос, который не раз задавал себе и поэт Борис Орлов: «Качались звонами ступени, помню под шум головы: - Скажи, кто такое Лени? – Я тихо ответил: «Он – вы…»

«Песня» поэта, вернее её название, а в ней Орлов режет правду-матку прямо в глаза: «Водку пил, но друзей не закладывал».

Название стихотворения Орлова «Песня» меня взбудоражило еще и потому, что вспомнился еще один мастер краткого жанра, только в прозе, Василия Макаровича Шукшина. Его рассказы о деревенских «чудиках» замечательны. Тут и ирония, юмор, грусть, обида и страдание. Его проза трогает читателя до слез. И заставляет хохотать до колик в животе.

Про него один из друзей Шукшина сказал: «Жил, как песню спел». Каждый желает спеть прекрасную песню. Спел её и Борис Орлов. И очень замечательно. Что она не лебединая, не журавлиная, а просто исповедальная. Чтобы разобраться в своей душе, откинуть от себя все мелочное и наносное. А все чистое и хрустальное преумножить…

Ведь в «Песне» поэта очень много замечательного сказано о лирическом герое. Чтобы написать краткие, но очень емкие стихи, необходим обширный, необъятный кругозор. В «Песне» о стремлении лирического героя приобрести знания упоминается: любуясь природой, герой читает толстенные книги. А читая литературные произведения, и получаешь колоссальный жизненный опыт, и объёмные знания. У поэта говорится: «И жасмин расцветал. И, листая тома, я покой обретал». Самообразование – очень важный этап в

жизни любого творческого человека.

О своей внутренней свободе поэт сказал очень изящно и метафорично: «Чайной ложкой секунды в стакане мешал. Что хотел, то писал, как хотел, так дышал». Уникальное сравнение – секунд с песчинками сахарного песка! Эти секунды размешивает в стакане чайной ложкой он, лирический герой, торопится жить, вот и ускоряет чайной ложкой движения даже такого краткого мига жизни, как секунда.

Но все мгновения жизни поэт выкидывал прочь, как листки отрывного календаря. Да, день и ночь, сутки прочь, прочь с календаря и листок прожитого дня. А Борис Орлов так не поступает, у него перекидной календарь, а какой-то знаменательный день в календаре, его число отмечено кружочком. И, если перевернуть страничку перекидного календаря назад, то можно увидеть пометку замечательно прожитого дня, и снова порадоваться замечательному событию, которое произошло в тот день. И вот рождается у поэта удивительно точный образ: «Жил – не жил: календарь перекидывал». Но моя цитата только половинка образа. Вторая же половинка не менее важная для понимания характера лирического героя: «Ни друзьям, ни врагам не завидовал». Вот такой индифферентности можно и позавидовать.

Судьба же страны очень волнует поэта. А как не волноваться, когда перекроили территорию Родины, и она стала похожа на лоскутное одеяло. Историческое и героическое прошлое Советского Союза высмеивается. Все раритеты выставляются на продажу. Даже ордена и медали ветеранов Великой Отечественной войны продаются и покупаются барыгами.

Как можно творить такое кощунство? Ведь сердце кровью обливается. Гнев вскипает, как видишь такое богохульство. Свои эмоции поэт Борис Орлов переплавляет в стихи, и получаются чеканные строки:

Пестрит календарь от придуманных дат.
Иуда – на белом коне.
Советский Союз – неизвестный солдат
Погиб на холодной войне.

Прилавок ослеп от солдатских наград.
Нет вечных огней, скорбных плит.

Советский Союз – неизвестный солдат:
Он там, в Трептов-парке, стоит.

Смысл стихотворения многозначен и символичен. Взять хотя бы те обстоятельства, что поэт в двух строфах, из которых и состоит стих, дважды повторил рефреном одну фразу: Советский Союз – неизвестный солдат».

И, Запад, который объявил войну Гитлеру, фашистской германии в 1941 году, высадились десантом англичане и американцы только в 1944 году, открыв, наконец – то второй фронт, когда Советская Армия шефствовала по Германии, находилась на подступах к Берлину. А теперь эти бравые вояки выдают себя за победителей, присваивая все заслуги нашей Родины, Советского Союза себе. Но поэт Орлов показывает в третий раз, что неизвестный солдат, памятник ему до сих пор стоит в Трептов-парке. Немцы-то, простые граждане Германии, на своей шкуре испытали нацизм, и помнят и понимают, кто же спас их от коричневой чумы-фашизма.

А Советский Союз-неизвестный солдат погиб-то недавно. Борис Александрович указывает дату его гибели – на холодной войне. И поэтому въехали американцы, опрокинув Советский Союз в могилу на белом коне. А открыли ворота Кремля наши Иудушки.

Хорошо показал поэт и нашу слепоту. Мы дальше своего носа не видим, упиваясь сладкозвучными словами про демократию, а получили кукиш с маслом.

Но ослепли не только мы. Борис Александрович с горечью отмечает, что от блеска солдатских наград даже… «прилавок ослеп». Так Иудам захотелось погасить вечный огонь на скорбных плитах, где высечены слова: «Никто не забыт, ничто не забыто!». Оказывается у прилавка, на котором ордена и медали разложили торгаши, имеет больше совести и чести, чем у Иудушек. Он от горя и такого беспардонного святотатства… ослеп.

И если лирический орловский герой сравнивал свою жизнь с перекидным календарем, то теперь в этом стихотворении поэта о Советском Союзе – неизвестном солдате, у лирического героя в глазах «пестрит календарь от придуманных дат».

Что поделаешь, говорят, что нет пророков в своем Отечестве. Но, кто хочет, тот добьется, кто ищет, тот всегда найдет. И поэт Орлов вопреки пословице о пророке в своем Отечестве, такого пророка

отыскал. И не только пророка, а и мудрого пастыря. Борису Александровичу далеко не пришлось ходить. Он отыскал и пастыря и пророка в своем родном городе Кронштадте! О своих поисках поэт рассказал в стихотворении «Пастырь и пророк»:

Деньги – не богатство.
Бедность – не порок.
Иоанн Кронштадтский –
Пастырь и пророк.

Он просил молитвой
Каяться господ,
Но взрастил элиту
Нам чужой народ.

Каины да хамы,
Бесы да скоты
Разрушают храмы,
Жгут в кострах кресты.

Вместо дружбы братской
В душах тлен и прах.
Иоанн Кронштадтский
Служит в Небесах.

О насущном хлебе
О любви славян
Молится на Небе
Отче Иоанн.

Свет богоугодный
Брезжит над страной.
Вождь почти безродный,
Край почти родной.

В веру путь, как в гору,
Густ и тёмен лес.
Но ведет к собору
Православный крест.

Начинается стихотворение «Пастырь и пророк» с идеи равноправия: «Деньги – не богатство, бедность – не порок». Все должны

иметь одинаковые права и бедные и богатые. Да и само понятие: бедные, богатые должно вуалироваться в одно понятие средний класс. И если элита не понимает этого, то её будут воспитывать иностранные засланцы. После февральской революции в 1917 году, когда царская элита убедила Николая Второго отречься от престола – рухнула Российская Империя. А под обломками Империи погибла и Вера. Вернее, она должна была погибнуть, но женщины в белых косыночках не дали погаснуть огоньку Веры в душах своих детей.

О периоде безверия поэт Орлов говорит жестко и… чуть ли не сказал грубо, адекватно лексикону того времени: «Каины и хамы, бесы да скоты разрушают храмы, жгут в кострах кресты».

Но в то же самое время ходило и другое мнение. Ироничное, но очень горькое: «Горничная вбежала в комнату своей барыни и с восторгом говорит ей:

– Мария Ивановна, революция произошла. Теперь сказали, что богатых не будет.

Марья Ивановна ей тихонько и спокойненько отвечает:

– Мой дед выступал на Сенатской площади против самодержавия, и его вместе с другими декабристами сослали в Сибирь. Так он моей маме говорил, что он участвовал в восстании, чтобы в России не было бедных».

А Иоанн Кронштадтский настоящий пастырь и пророк. Он молится на Небе: «О насущном хлебе, о любви славян». Не будет единения у православных славян, не будет баланса в религиозных кругах, будет прорываться наружу как язвы экстремизм и терроризм. Бог-то один. Чего же делить людям? В стихотворении звучат голоса из лихих девяностых и тогда начинал брезжить «свет богоугодный». Да вот беда: «Вождь почти безродный, край почти родной».

Это откровение и открытие поэта вселяет надежду. Он-то сам верил в пастыря и пророка Иоанна Кронштадтского. Безродный вождь канул в лету, а наш милый край становится все роднее и роднее. И к собору ведет православный крест.

Но потери неизбежны. И уходят из жизни друзья и товарищи. Об одной такой утрате и рассказывает о своем товарище:

Друг мой! Небесный мой брат!
Где же ты? Шелест берез.

Холмик. Кладбищенский сад.
Игрище птиц и стрекоз.

Майская синяя высь.
Белой черемухи ветвь.
Я тебя младше на жизнь.
Ты меня старше на смерть.

Лирический герой своего друга называет небесным братом. Да лирический герой остался жить на земле. А его товарищ почивает на небесах. А могила-то друга на кладбище и покоится его прах в земле.

Только лирическому герою не верится, что друга нет в живых.

Поэт сцену визита и встречу друзей на кладбище, где поют птицы, порхают стрекозы, показывает ярко, что бьет мелкая дрожь. Герой в растерянности спрашивает у могилы, обращаясь к небу: «Где ты?» а в ответ «Шелест берез». Эффект как в песне Владимира Высоцкого: «Друг, оставь покурить! – а в ответ тишина, он вчера не вернулся из боя». У Бориса Орлова друг героя не вернулся после аварии из похода. Но до сих пор не верится, что его нет на этом свете. А жизнь на земле благоухает, как дурманный запах былых соцветий черемухи, особенно выделяющаяся эта белизна на синеве майского неба, но уже прошла пограничная полоса через кладбище. Друзья перестали быть ровесниками. Один из них стал «младше на жизнь», другой – «старше на смерть». Как это жутко осознавать, что они уже не ровесники. Один никогда не достигнет возраста живого, а живой всегда будет настолько лет друга старше, пока он живет на земле.

А сам поэт Борис Орлов, понимая, что как бы не пытались Иуды затоптать память о величии нашей Родины, верит не только в Бога, но и в Высшую справедливость. У него есть отличный пример жизнестойкости – отец, судьба отца. Он пишет стихи, посвященные отцу, и так называет их: «Отцу».

Из калитки ты шагнул в войну
С легкою котомкой за плечами.
И, как предки к правде в старину,
Шел по ней и днями, и ночами.

В поисках всемирной тишины
Укрощал безжалостные доты.
И в Берлине вышел из войны
Через Бранденбургские ворота.

Глава III. Когда играет Лира, то Муза – тут как тут

Петербург – колыбель военно-морского флота. Пока Петр Первый не прорубил окно на Балтике окно в Европу, главным портом Северной Руси был Архангельск. И поэт Борис Орлов ставит его, родной город Петербург на первое место в лирическом разделе.

Листва дурманит запахом земли,
Лишайник растекается на стенах.
Архангелами в небе журавли
Трубят о предстоящих переменах.

Тревожит сердце облачная рябь –
Печаль о невозвратном и любимой.
Как сигареты, раскурил сентябрь
Берёзы, наслаждаясь желтым дымом.

Слепым дождем прибило в парке пыль,
Колышутся аллеи в парке зыбкой.
Парит над Петропавловкою шпиль –
Божественный смычок над красной
скрипкой.

И отраженья кораблей царя
Хранит Нева, прижавшись к парапетам.
Немало листьев, словно янтаря,
На влажных берегах балтийским ветром.

Перемешалось все: и цвет, и звук,
И бесконечной кажется прогулка.
Осенне-золотистый Петербург
Поет, как музыкальная шкатулка.

Хотя острословы и говорят: «Питер – город маленький». На самом деле – это не визитная карточка. Петербург – огромный мегаполис и крупнейший морской порт страны, и главной её цитаделью

является Петропавловская крепость. Её шпиль взметнулся выше всех зданий Петербурга – на 122 метра. Острие шпиля Адмиралтейства показан символ Петровского флота, парусный кораблик. От сюда начался строиться Петербург. Для защиты от неприятеля, чтобы можно было погрозить ему, шведу не только пальцем надменному соседу, а и жерлом пушки, возвели крепостную стену.

А поэт, прогуливаясь по набережной Невы напротив Петропавловки, сравнил крепость со скрипкой. И, правда, похожа, только никому это не приходило в голову: красноватый цвет крепостных стен – это дека скрипки, а сам собор – гриф её, а шпиль Петропавловской крепости – «божественный смычок».

Я упоминал о праотце Петербурга – Архангельске. Борис Орлов не упустил и ущипнул самолюбие архангелогородцев. Он сравнил клин журавлей, летящий в небе с Архангелами, которые «трубят о предстоящих переменах».

На дворе сентябрь – пора золотой осени. А поэт не собирается воспевать «пышное природы увяданье: в багрец и золото, одетые леса». Он же прогуливается по улицам и набережным Петербурга и рисунок золотой осени у Бориса Александровича свой чисто питерский: у него «листва дурманит запахом земли». Позолота листьев померкла от сырости.

Поэт пишет: «Слепым дождем прибило в парке пыль». Вот она капризная и переменчивая питерская погода. Только что солнышко пронзало золотистыми лучами дырявую тучку, а тучка, невестка в отместку, взяла да и вспрыснула пожухлую листву на дорожках парка. Ведь слепым дождем и называется такой дождь: он прыснул мелкими каплями, а «солнце его нити золотит».

От сырости на крепостных стенах Петропавловки уже лишайник завелся, но поэту кажется, что «лишайник растекается по стенам». «Плачут» от дождя стены, а иллюзия такова, что лишайник растекается вместе с дождевыми каплями по стенам с небольшим уклоном к Неве.

Но вот тучку и её друзей – облака отогнал шалунишка – ветер. Поэт смотрит на золотистое монисто березки, а видится Орлову не золотой наряд березки, а её золотистую дымку. Дымка?! Ура! – и рождается удачная метафора: «Как сигареты, раскурил сентябрь березы, наслаждаясь желтым дымом».

Дальше красоты стиха не уменьшаются, а укрупняются до царственного лика, до его видения: «И отраженья кораблей царя хранит Нева, прижавшись к парапетам». Вот те – на! Полноводная, капризная, своенравная Нева, которая несется с сумасшедшей скоростью к Балтийскому морю, то, как дядька Черномор со своей дружиной, гонит волны с моря на брег, а потом поворачивает свое течение вспять, к истоку. А не в устье, вдруг, увидев отражение лика Петра Великого, как нашкодивший котенок, начинает прижиматься к парапетам набережной.

Балтика, её берега славятся янтарем. Борис Орлов, великолепно это зная, берет этот образ на вооружение. Глядя на золотистые листочки, которые колыхаются на волнах Невы, поэт записывает роскошную фразу: «намыло листьев, словно янтаря, на влажных берегах балтийским ветром».

Но затем, сменив и цвета и звуки уже не поэт, а сам город Петра восторгается окружающей его красотой. Поэту остается только уловить цвет и мелодию. И перенести её на бумагу: «Осенне-золотистый Петербург поет, как музыкальная шкатулка». Вот как успешно закончилась бесконечная прогулка Бориса Орлова по набережной Невы.

Лирический герой посвящает место детства, деревню. Дом, в котором он жил обветшал и вот-вот развалится. Там как будто время остановилось. Все как было. Только и дома старятся. Поэт Орлов сравнивает остановившееся время в деревне с раздавленной кем-то случайно на дороге шляпкой подсолнуха.

Циферблат подсолнуха раздавлен
Каблуком чужого сапога.
Время остановлено. И ставни
Заперты. Сгустились облака.

Постою у сгнившего забора,
Соберу осенние слова.
Время остановлено. И скоро
Дряхлый дом сломают на дрова.

Из-под крыши детскую картинку
Ветер унесет за горизонт.

… И под сердцем не растопишь льдинку,
И в душе не сделаешь ремонт.

В любой картине важны детали. И одна из них в стихотворении самая яркая и броская: «Циферблат подсолнуха раздавлен каблуком чужого сапога». Конечно же, хозяин дома не поступил бы так безалаберно и жестоко, разбивая золотистый диск шляпки подсолнуха без жалости каблуком кирзового сапога.

Эта деталь вызывает у лирического героя сострадание. А переносить страдание без жалоб – это великая наука и урок, который нужно усвоить крепко. Выучив этот урок, и он поможет решать проблемы в жизни.

Но разве можно, раздавив циферблат подсолнуха, остановить время?. Поэт понимает, что невозможно: забор сгнил, ставни наглухо закрыты, «дряхлый дом сломают на дрова».

Грустную эту картину Борис Орлов подчеркивает фразой «время остановлено». Он её повторяет и в первой и во второй строфе. В деревенском доме всякую старую рухлядь и документы складывают на чердаке: авось, когда-нибудь эта ветошь куда-нибудь пригодится, а бумажки пойдут на растопку печки.

Лирический герой знает, что нарисованная им в детстве картинка, отцом и матерью бережно хранилась в доме, а потом и рисунок отнесли на чердак.

У него щемит на душе: когда будут разламывать кровлю, то ветер сдует его детское творчество, и оно уйдет в небытие. «Из-под крыши

Холодок бежит не только за ворот. Он превращается в лед, холодя душу и сердце. И это состояние уже останется у лирического героя навсегда. Эта мысль и звучит в конце стихотворения: «… И под сердцем не растопишь льдинку. И в душе не сделаешь ремонт».

А о быстротечности мысли Борис Орлов пишет в следующем лирическом стихотворении:

Как солому молнии ломает
Гром… и дождь безумствует во рву.
Наперегонки деревья в мае
Надевают легкую листву.

Быстротечна мысль. Июнь колосья
Нянчит. Соловьи сошли с ума.
Я привык, что вслед за летом осень
Наступает,
а за ней – зима.

Все по кругу: то течет, то студит…
Но однажды, как чужой секрет,
Осень в ноябре подбросит людям
Гомон пчел и яблоневый цвет.

Гром в мае всегда наводит на воспоминания, и всплывают в памяти Тютчевские строки: «Люблю грозу в начале мая, когда весенний первый гром, как бы резвясь и играя, грохочет в небе голубом».

У Тютчева слышатся только отзвуки грозы, а у Бориса Орлова она буйствует. Гром ломает молний, как солому… И впрямь зигзаги молний похожи на переломанные на несколько частей стебли пшеницы. Но скорость света в сотню раз выше скорости звука и мы видим сначала блеск молнии, а только потом рокот баса грома. Вот и кажется, что сердитый дяденька Гром разорвал в клочья стебельки молнии на несколько кусочков. И дождь в стихотворении Бориса Орлова не похож на Тютчевский, он свой Орловский! Дождь не «прыскает», а «безумствует во рву». Дождь проливной, что ручей во рву пенится, бурлит. И пена на гребне волн ручья кажется пеной на губах эпилептика. Динамично ведут у Орлова даже деревья. Они у него надевают пушистую, светло-зеленую листву – «наперегонки».

Этот спор двух поэтов, Орлова и Тютчева в своем видении майской грозы. Напомнил мне спор художников Ван Гогов – отца и сына.

Отец упрекает Винсента в повторах:

– Нет смысла рисовать одно и тоже, не добиваясь успеха. Если бы у тебя были природные способности, то тебе бы удавался рисунок сразу, без всякой мазни.

Сын не соглашается с отцом:

– На первых порах натура всегда оказывает художнику сопротивление. Но если взялся за дело всерьез, то я должен преодолеть сопротивление.

Теодор сопротивляется Винсенту:

– Не думаю. Зло никогда не рождает добро. А плохая работа хорошую.

Винсент дерзит отцу:

– В теологии так может быть, но не в искусстве. У искусства свои законы.

И сын оказался, в конце концов, прав. При жизни он продал всего одну картину, а теперь его картины покупают музеи по несколько миллионов долларов за оригинал, Винсента Ван Гога.

Вот и Борис Орлов по вангоговски преподнесет сюрприз в последней строфе: «Все идет по кругу: то течет, то студит… Но однажды, как чужой секрет, осень в ноябре подбросит людям гомон пчел и яблоневый цвет».

Разумеется, люди любопытны и очень охотно пытаются разгадать «чужой секрет». А вот поэт открывает читателям необыкновенную красоту секрета осени: «гомон пчел и яблоневый цвет». И этот парадокс природы случился в ноябре. Удивительно. Но в этом сюжете есть и мистика и теология. И даже Суворовский афоризм: «Небывалое – бывает!».

Но в ноябре мы редко видим яркие краски. Но и в мрачных красках ноября поэт сумел увидеть потрясающие детали, от которых становится светло на душе:

Мрачно по хлевам жуют стада
Сено – эхо солнечного света.
Осень. Постаревшая вода
Сморщилась от холода и ветра.

Облака юны, а ветер дряхл.
Листопад застыл потоком лавы.
Дремлют на поветях и в яслях
Солнцем одурманенные травы.

Льдинки, как бубенчики, звенят,
В сточных желобах на огороде.
Ничего не следует менять –
Все без нас меняется в природе.

Вот такими приглушенными красками рисует поэт осеннюю природу, когда уже чувствуется холодное дыхание зимушки-зимы.

Но не все золото, что блестит! Любую картину нужно долго разглядывать, чтобы отыскать секрет очарования, который поэт, художник припрятал от зрителя, читателя до поры до времени.

У Орлова в поэзии таких секретов и сюрпризов, хоть отбавляй. Вот «жуют» в стойлах мрачных коровников «стада сено». А поэт видит в нем «эхо солнечного света» Великолепный образ даже в том, что сено – это эхо света, а не лета! Для рифмы оба слова «света» и «лета» - идентичны. Но, если бы вместо слова «света» поэт использовал слово «лета», то звучало бы эта строфа банальнее, чем её отчеканил поэт.

И в этой же строфе у него создан еще один сногсшибательный образ осени. Начинается предложение с эпитета воды. У Орлова она «постаревшая». Как может постареть вода? Она живая, энергичная, вечная. Правда, иногда меняет форму, и бывает не только в жидком состоянии, а по законам физики еще и в твердом, и газообразном.

Но постарела вода у поэта потому, что она «сморщилась от холода и ветра». Вот такое старушечье лицо оказалось у воды.

Первая фраза у второй строфы тоже яркая находка поэта. У него «облака юны, а ветер дряхл». Что облака юны – понятно. Они только народились и совсем молоденькие белые. Кудрявые. После мрачных темных туч. Которые пролились дождями на землю, облака кажутся такими юнцами, такими лапушками. Почему же ветер-то «дряхл»? Он же всегда энергичный, динамичный гуляка, который только и норовит сдуть с головы шляпу мужчине, или задрать подол юбки женщине?

Но и тут нельзя упрекнуть поэта в неточности. Когда идут дожди, то ветер, как уставший от напряженной работы старичок, прилег где-то на лежанке отдохнуть. Вот и применил такой эпитет к слову «ветер» поэт – дряхлый. Вопреки устоявшемуся стереотипу, такой эпитет авангардно выглядит. Но имеет место в художественной литературе.

Зато новый следующий образ и совсем уж революционный. В яслях уложенное сухое сено для буренушек превращается в сочную метафору: «Дремлют на поветях и в яслях солнцем одурманенные травы» Солнышко летом давало такой импульс «росту трав, что они, потеряв голову» вырастали бурными, сочными и духмяными. Вот этими ароматными запахами и вскружили и одурманили свои буй-

ные головушки. Но аромат-то трав слышится даже в сене, уложенном в яслях.

Зато листопад поэту представляется поздней осенью «застывшей лавой». После осенних дождей листва утеряла свой золотистый привлекательный вид, померкла, потускнела, и, действительно, кажется застывшей вулканической лавой.

Ночью в ноябре уже сковывают воду морозцы. Но и этот факт у дыхания зимы поэта не тусклый, а светлый. Он восторженно восклицает: «Льдинки, как бубенчики, звенят». Да и вывод и оценка этой картины изумительны: «Ничего не следует менять – все без нас меняется в природе». И впрямь, не стоит с суконным-то рылом лезть в колонный ряд. Природа гениальна и самодостаточна.

Зато, какой бурный восторг появляется весной. Но Весна у поэта еще не вступила в свои законные права. И не чувствует себя хозяйкой. Она ведет себя, как смущенная девушка, которой вдруг предоставили права, властвовать над природой:

Провисли ветви вымокших берез.
В проталинах вечерняя дорога.
Весна приходит как-то не всерьез
И топчется смущенно у порога.

Не до неё – у всех вокруг дела.
И лишь одна о ней трещит сорока.
Весна приходит… Нет, она пришла!
С бидончиком березового сока.

Ранняя стадия весны. Но уже проталины, на прихваченных ночным морозцем дорогах. Длинные плети ветвей берез вымокли от утренней росы. Да и весна ведет себя еще не серьезно, и «топчется смущенно у порога». Зато стучит во дворе звонкой капелью. И поэт радуется: «Весна приходит…», но грустинка в этой фразе звучит. Она еще собирается прийти. Но сокодвижение у деревьев уже началось, и лирический герой поправляется, весна не приходит: «Нет, она пришла!».

Да не только пришла, а еще принесла свой щедрый подарок живительной влаги. Весна появилась «С бидончиком березового сока».

Не успеваешь глазом моргнуть, а уже лето красное наступает!

Пушкин радовался этому событию, как ребенок. Но в тоже время понимал. В каждом времени года есть свои плюсы и минусы. Так и в лете. И Александр Сергеевич сказал в одной строке и об том и об этом: «Ах, лето красное, любил бы я тебя, когда б не зной, да комары и мухи».

Свое стихотворение поэт Борис Орлов тоже начинает с жары, но оно у него не занудное, а ласковое:

Зной… В речке нежится карась.
Дождь спрятался в кадушке.
И, словно стадо, разлеглась
Деревня на опушке.

Какой незыблемый пейзаж!
Ни шума, ни движенья.
Земля похожа на мираж:
Покой и отрешенье.

Вечерний холодок зари
Не скоро пыль остудит…
Но, приглядись, уже вдали
Стога возводят люди.

Деревенская идиллия. Произнесешь всего лишь слово: «Зной…» и язык уже еле-еле ворочается. Зато как вольготно живется карасю в речке. Он защищен от лучей палящего солнца слоем речной воды и кайфует, «нежится».

Дождик у поэта Орлова тоже хитер: «спрятался в кадушке», которую рачительный хозяин поставил под водосток с крыши.

Интересное сравнение приводит Борис Александрович про деревню. Она: «словно стадо разлеглась… на опушке». Домики деревни, если посмотреть на них с высоты сосны, взобравшись на это дерево на самую макушку, и покажутся мальчишке коровами, которые прилегли на опушке леса перед дойкой немного отдохнуть.

Да и сама лесная полянка, как мираж, говорит поэт, и в ней чувствуются два момента: «покой и отрешенье».

Но, спустившийся с сосны босоногий мальчишка- подпасок вечерком гонит коровушек в ту самую деревню, домики которой он рассматривал, забравшись на дерево. И ощущает мальчишка, что дорожная пыль осталась еще теплой, несмотря, что на зорьке повеяло с

реки холодком. Поэт об этом говорит лирически: «Вечерний холодок зари не скоро пыль остудит…». Пусть мальчик подольше погреет свои ножонки в пыли теплой-теплой и мягкой-мягкой, как тополиный пух.

Возвратившись в Петербург, поэт видит также необыкновенное явление. Других, правда, явлений в своих стихах Борис Орлов и не применяет.

Питер встречает его ненастьем. А другая погода в Петербурге почти никогда не бывает.

Шуршат дожди по гладкой мостовой,
Как метлы. Распахнулось неба чрево.
Стоит ненастье, словно постовой:
Ни в право не подвинется, ни влево.

Растрелли, Монферран… Изящен вид
Строений. Но не хуже божья лепта:
Как достопримечательность стоит
Ненастье в центре Невского проспекта.

В стихотворении Бориса Орлова звучат нотки мелодий огромного диапазона: тут и ирония, и озорство. Тонкая наблюдательность и великолепные аналитические выводы. Взять сравнение шуршащего звука дождинок на мостовой со звуком метлы дворника. А ненастный денек Борис Александрович сравнивает с постовым милиционером, который службист до мозга костей. Он не посмеет сделать шаг ни влево, ни вправо, пока не получит на то команды. А какая язвительная ирония звучит во фразе поэта, с таким пафосом оценив изящные здания Питера, созданные знаменитыми архитекторами-иностранцами Растрелли, Монферраном… с «божьей лептой», с природой. Никому не удается сотворить что-то, чем то, что создал Бог.

А главный аналитический итог, который приводит в конце стихотворения Борис Орлов, поразит любого петербуржца, хотя уже они-то считали, что знают о Петербурге все-все, до последних мелочей. Но взять и одушевить Ненастье и присвоить ему титул Достопримечательность Невского проспекта, никто еще до Орлова не догадался.

В стихотворении «Дул в залив, как в распахнутый ворот» Борис Орлов одушевил не только какое-то еще явление природы, а сам

город Петербург. Но прежде чем выслушать мой комментарий, сначала прочтите стихотворение поэта. Но, забегая вперед, и для интриги скажу, что именно в Петербурге познал поэт Борис Орлов истину истин. Истина всегда многолика, хотя она и стоит в единственном числе. Но у людей всегда очень много разных мнений и они трактуют одну истину в разных интерпретациях и вариациях. Поэтому, когда вы узнаете истину истин поэта, тогда и поведем дальнейший диалог.

Дул в залив, как в распахнутый ворот,
Ветер, вытеснив дождик и снег.
Думал каменным черепом город,
Напрягая извилины рек.

Люди шли по мостам, словно мысли,
Одиноко. Шуршали плащи.
Улетал полдень – лопнувший выстрел
С Петропавловки, как из пращи.

Я вникал в переулках тенистых
В шепот стен, как в шуршанье страниц.
И открылась мне истина истин:
Жизни нет вне предметов и лиц.

Жизнь многогранна и грани эти отбрасывают разные оттенки света. Хотя и кажется, что белый свет делится на семь основных цветов: красного, оранжевого, желтого, зеленого, голубого, синего и фиолетового. Но при смешении красок получаются еще множество цветов и оттенков.

У поэта Орлова тоже необъятный спектр в поэтической палитре. Он Финский залив сравнивает с распахнутым воротом рубашки человека. Разница лишь в том, что на просторе залива ветру можно, где разгуляться, а в ворот рубашки, если ветерок и залетит, то тут же и утихомирится. Зато из залива ветер бесцеремонно вытеснил «дождик и снег». Но сравнения Петербурга с каменным черепом может повергнуть в шок многих любителей поэзии. Но только в начале, после прочтения этой строчки про «каменный череп». В Петербурге много рек и каналов и поэт оригинально сравнивает их с мозгом, а вернее с извилинами его. У Орлова рождается этот необычный образ мыслящего органа: «напрягая извилины рек». А шагающих по мосту

людей поэт творчески превращает «в мысли».

В детали «шуршащие плащи» Борис Александрович подчеркивает лишь промозглость питерской погоды. В дождливом Петербурге выходить на улицу без плаща – это подвергать себя самоистязанию. Как в детском стишке про несчастного зайку: «Зайку бросила хозяйка, под дождем остался зайка. Со скамейки слезть не смог, весь до ниточки промок».

А как интересно обыгрывает традиционный выстрел из пушки в Петропавловской крепости – ровно в полдень, в 12 часов дня. Традиция многовековая. Поэт сравнивает его с хлестким ударом пращи: «Улетел полдень – лопнувший выстрел с Петропавловки, как из пращи».

Лирический герой, прогуливаясь по тенистым переулкам города, улавливает даже шепот стен домов. И приводит весомый аргумент этому откровенному открытию. Читая мысли умной книги, слышишь шорох страниц. А стены, наслушавшиеся умных речей граждан города, шепотом передают другим благодарным слушателям. А истина истин лирического героя проста, как выеденное яйцо: «Жизни нет вне предметов и лиц». Без предметов людей будет лишь тишина могильного склона.

Говорят многие дачники, что на ней, на даче, отдыхаешь душой и телом. Но, я думаю, что тут явный перечит. По отношению души – правда, она хорошо отдыхает на природе, а вот телу-то на даче дел – невпроворот. Пашут там, на дачном участке люди, как известный работяга – папа Карло.

А лирический герой Бориса Орлова на даче становится еще и философом. Вот так здорово дачника облагораживает труд:

И густ и сладок воздух дачный,
Клубится облаком весна.
Холодная вода прозрачна,
А теплая вода мутна.

Цветет садовая ограда,
На грядках в рост пошла ботва.
Безгрешная душа крылата,
А грешная душа мертва.

Читаешь стихи Орлова и физически ощущаешь густой и слад-

кий аромат природы: цветет черемуха, сирень, флоксы. Изгородь оплетает вьюнок и дикая ярко-красная роза. Но её красоту охраняют острые шипы. Почти что райский уголок. На даче нет водопровода. Но зато выкопан колодец, а в нем чистая родниковая вода. А холодна она так, что когда пьешь её – зубы ломит. Зато после дождя в лужах вода теплая, но мутноватая. А в райской обители посещают человека и божественные мысли. Так произошло и с поэтом Орловым, написавшим это стихотворение. Его философский ум сделал из наблюдений правильный и точный вывод, а вернее первый: «Холодная вода прозрачна, а теплая вода мутна» - это физические ощущения; а второй сделан на основе психологического рассуждения: «Безгрешная душа крылата, а грешная душа мертва».

Но не всегда на даче тепло и сухо. Бывает и ненастье, но как сказал поэт и кинорежиссер Эльдар Рязанов: «У природы нет плохой погоды, каждая погода – благодать». И с высказыванием Эльдара Рязанова Борис Орлов солидарен не совсем. Он к его тезе противопоставляет свою антитезу:

Ветрено и сыро. Под калоши
Дождь течет. Сквозняк струится в двери.
Полдень. Ветви хлопают в ладоши
Листьев, как в театре на премьере.

Что за век? Какое время года? –
Не понять. Все чувствую впервые.
Те, кого люблю, всегда живые.
Лучшая погода – непогода.

Начался дождик и заставил дачника скрыться под крышу домика. Но это же не капитальное строение. А времянка. И через щели дверей, а может быть и окон, проскальзывают без спроса в гости сквозняки. Но зато над головой не капает.

А дождик то припустит, то отпустит. И тянет, и тянет свою грустную мелодию. То вдруг, отбросив меланхолию, дробно и звонко начинает барабанить по крыше, чтобы его слушатели и зрители совсем не заскучали. Получилось, что за окном играет целый симфонический оркестр. А поэт сумел силой воображения пригласить на концерт благодарных зрителей: это листва деревьев, которые хлопают в ладоши на великолепной премьере дождя. И Борис Орлов пока-

зывает, что лирический герой его на даче не одинок. Для него, кого любит он, всегда живые и находятся и сейчас с лирическим героем на даче. А потому для него «лучшая погода - это непогода».

Для поэта Орлова знаменательны первые месяцы весны и осени. В восточных календарях годы и месяцы олицетворяют животные: кабаны, тигры, обезьяны, лошади и так далее. А свой любимый месяц март, в котором поэт родился. Сравнивает с котом. Зато сентябрь сравнивает тоже с кошачьим племенем, только с крупной кошкой – с тигром. С тигром вначале и ознакомлю читателя:

Струится дым из черных риг,
Ольха в реке листву полощет.
Сентябрь подкрался, словно тигр,
И незаметно прыгнул в рощу.

Как будто кровь, зарю лакал,
Клыки дождя точил о камни.
И в роще вымокшей мелькал,
Качая пестрыми боками.

Полнеба тучами затмил,
Листву к реке погнал по склону.
Его я клюквой покормил
С ладони – он меня не тронул.

Очаровательный образ осени: кровожадный хищник тигр с желто-бурыми полосками на туловище «незаметно для людского глаза прыгнул в рощу. И пошел куролесить в своей родной среде. Надо сказать, что тигр проказничал не в уссурийской тайге, а на лесных просторах Ярославской области, где родился Борис Орлов. Но ведь смеялись раньше над заявлением: «Россия – родина слонов», холодно у нас на необъятных заснеженных просторах. Как только в Якутии, да и в других холодных районах нашли останки мамонтов, смеяться перестали. Может быть, тигр прыгнул в Ярославскую рощу, являясь потомком саблезубого тигра, которые тоже водились на нашей территории? А цвета желтой листвы и красной утренней зари, которая бликами пошла по воде лесного бурного ручья Борис Орлов умело использовал, что бы показать характер кровожадного хищника.

У поэта тигр в ручье «как будто кровь, зарю лакал, клыки до-

ждя точил о камни». А когда солнышко заскользило по листве деревьев рощи, то лирическому герою чудилось, что матерый хищник, у которого шерсть намокла от росы с листьев кустарника, мелькает, выслеживая его, «качая пестрыми боками».

Напугались тигра не только лирический герой, а и облака, которые затмили «тучами полнеба». И опавшая листва стала улепетывать в страхе от тигра по склону к реке. Хотя тигр так стремительно несся по лесу, что от завихрений при беге хищника и поднимался ветерок, который и гнал листья золотистые к реке.

Только когда тигр нос к носу столкнулся с лирическим героем, собиравшим на мхах болота клюкву, он понял, что тигр балуется, а красная клюква так похожа цветом на кровь, то герой протянул совсем не всеядному хищнику горсточку своего урожая, и тигр с благодарностью принял дар ягодника: «Я его клюквой покормил с ладони – он меня не тронул».

Вот такое волшебно-сказочная история произошла в осеннем лесу с лирическим героем поэта Бориса Орлова.

Дальше предлагаю прочесть стихотворение поэта о родственничке тигра, про мартовского кота. Поэт в первой же строфе дает характеристику раннему марту:

Ранний март – и праведник, и грешник.
В дружбе с ним и старцы, и юнцы.
И свистят в промокнувших скворечнях
Сквозняки, как первые скворцы.

Расцвели цветы на женских платьях,
В драках просыпаются ножи.
Как в сетях запутался в объятьях
Ранний март – объятья хороши.

Ах, скорей в траву бы да в тепло бы
Рухнуть, словно в обморок. Видны
Ручейки, обжившие сугробы.
Ранний март – разгульный сын весны.

Хотя я начал перед началом стихотворения о том, что март – «праведник и грешник» цитируя Бориса Орлова, но поэт в последней строчке своего стихотворения эту характеристику уточняет и не в сторону «праведности» марта. «Ранний март – разгульный сын

весны».

Обычно говорят, что весной распускаются не только деревья, а и женщины, но поэт не собирается охаивать наш прекрасный слабый пол, а перекладывает часть вины в прегрешениях пропорционально и на мужчин. Его высказывание «март-разгульный сын весны» - тому яркий пример. Иронизирует поэт и над прилетом в марте пернатых жителей леса. У него свистят в мокрых скворечниках сквозняки, словно прилетевшие скворцы. Но кто видел картину художника Саврасова «Грачи прилетели», то поймут, что свиста скворцов в раннем марте не услышишь. А вот шум и гомон голосов грачей – это пожалуйста.

Опять же добродушная улыбка появится у читателя о том, что «расцвели цветы…». В раннем марте даже подснежники не расцветают, они начинают распускаться в апреле. Но поэт уточняет, что цветы-то расцвели не в лесу на проталинках, а «на женских платьях». Сшили девушки обновки – цветастые сарафаны и платья. Вот и весь эффект от «распустившихся» цветах….

Зато слова поэта «В драках просыпаются ножи» лишь намек на дикую ревность, но скорее всего не старцев, а юнцов. Это они готовы полезть в драку, если кто-то из их соперников начнут ухаживать, приухлестывать за их девушкой.

А ранний март так запутался в сетях, правда сетями ловят в тайге тигров, а не мартовских котов, но что не сделаешь для красного словца, что со стороны кажется, что март попал в объятия… весны. И объятия весны так хороши и прекрасны, и из плена сетей март и не собирается вылезать.

Но все же лирический герой, одурев от запахов весны, выходит из транса и начинает реально понимать обстановку. И он уже мечтает о зеленой траве и настоящем весеннем тепле. Так хочется поваляться на зеленой траве – мураве: «Рухнуть в неё, словно в обморок». И мечтать и мечтать о юной красавице Весне…

А бег времени не остановить, и весна вступает в свои владения. И хотя распускаются не цветы, а только почки, через чешуйки которых проклевываются листочки деревьев, это время настоящей весны. И видно, что она уже не отступится от своего проявления:

В талой воде по колено
Окоченевшие липы.

Мечется, изнемогая,
Ветер простуженно-хриплый.

В позеленевших почках
Бродят земные соки.
Не потому ль теплеют
Губы, глаза и строки?

Чувствую обновленье
Памяти и природы.
Порозовели липы.
Порозовели воды.

Щедро бросая крохи,
Кормит синиц старуха.
Песню о сокровенном
Ветер донес до слуха:

«Если любить, то жарче.
Если жалеть, то проще».
Слушает ранний вечер
Слушают луг и роща.

Пробуждение человека, пробуждение природы – неотъемлемая часть Весны. Человеку вспоминаются сладкие сны, а природа ликует и радуется своему обновлению. Как сказал поэт Сергей Есенин: «Увяданьем золота охваченный, я не буду больше молодым» А природе дано обновляться ежегодно. И каждый год наступает её младое время – весна.

Но зима не сразу отпускает весну на свободу. Стоят в талой воде по колено, окоченевшие липы». Но уже ветры с юга несут на своих крыльях тепло. Оно настолько объемно, обширно, что даже ветер не знает, как пригнать в родной край это необходимое для весны тепло. И он «мечется изнемогая». А покрикивая на тепло, как пастух на непослушное стадо, ветер сорвал голос. И поэт подчеркивает эту деталь: голос у ветра «простуженно-хриплый».

Но почки уже зеленеют, солнышко блестит, а у людей «теплеют губы и глаза». Но самое главное обстоятельство по приходу тепла для поэта, это теплеют и его поэтические строчки.

Интересный образ поэта Орлова – старушка. Он видит как она

синичкам «щедро бросает крохи». Оказывается даже крохи можно дарить от души, щедро…

Её щедрость по достоинству оценили синицы, и они насвистывают веселую и задорную песенку. Её-то и записал, чтобы порадовать своих читателей «Если любить, то жарче, если жалеть, то проще». И все для лирического героя видится теперь в розовом свете: «Порозовели липы, порозовели воды». И вот лирический герой, приехав на деревенскую дачу, радуется благоуханию весны и природы. Теплынь наступила. Но вечера еще прохладные:

На веранде свершившийся день
Робко хлопает крашеной дверью.
Поседел одуванчик. Сирень
Облетела, как сизые перья.

Стул придвину к цветному окну,
Где в стекло веткой тычется груша.
Словно скрипку, люблю тишину
Деревенскую вечером слушать.

Открывается сказочный вид
Из окна: тихий сад и беседка.
И на ощупь, как скульптор, творит
Сад плоды на раскидистых ветках.

Звезды. Облачко. Щебет стрижа.
Вдоль веранды – цветы белой масти.
Вот и все, что желает душа
Для простого недолгого счастья.

Можно долго умиляться нарисованной кистью мастера картиной. День катится к закату, и он делает все то, что положено уходящему гостю – закрыть за собой, уходя дверь. А поэт добавляет в краски картины свои тона и полутона. Уходящий день у поэта «робко хлопает крашеной дверью. День эту робость проявляет не от своего мягкого и покладистого характера, а из-за боязни, что схватишься за свежеокрашенную дверь второпях и испачкаешься по уши невысохшей краской.

Находит точные тона поэт и для натюрморта. «Поседел одуванчик. Сирень облетела, как сизые перья». Конечно же, ярко-жел-

тый цвет одуванчика перебила его седина. Но подует ветерок и от густой шевелюры цветка и следов не останется, враз полысеет. А вот у красавицы сирени уже красота её увяла. Поэт это подчеркивает одним мазком: «Сирень облетела, как сизые перья». Сиреневый цвет соцветий сирени потускнел и превратился в сизый, ярко-фиолетовый цвет стал неброским пепельно-сизым. Всему свое время.

Но лирический герой не расстраивается, увидев, что в стекло его окна «веткой тычется груша».

Разве не радостно наблюдать, как расцветают яблони и груши? Ответ, как говорит Жириновский – однозначный. Очень радостно.

Но и на этом не останавливается поэт Борис Орлов. Он сравнивает «работу» плодовых деревьев – яблонь и груш, с работой скульптора. «Сад – говорит поэт, создавая сказочный образ – творит «плоды на раскидистых ветках». Природа самый лучший и уникальный скульптор на свете.

Формулу же счастья выдает поэт на рассмотрение читателей в последней строфе: «Звезды. Облако. Щебет стрижа. Вдоль веранды – цветы белой масти. Вот и все, что желает душа для простого недолгого счастья». И тут поэт Борис Орлов оставляет за собой последнее слово. Да простое обыкновенное счастье наступило для лирического героя. Но это счастье-то, вот беда, очень недолгое… А так хотелось, что бы счастье продолжалось непрерывно.

Возвратившись, лирический герой в родной город – Петербург. Видит другую весну. Петербург не только культурная столица, он столица белых ночей, захватывает лирического героя, и все ему видится… в белом цвете:

Чахлый закат обескровел над нами,
Зелень на землю стекла из листвы.
Белую ночь, словно белое знамя,
Молча несу вдоль гранитной Невы.

Реют над городом белые души
Между сгоревшей и новой зарей.
Белые травы и белые лужи.
Белое небо над белой землей.

… Порозовели остывшие кровли.
Красочен водный и каменный край.

Тихо преставилась от белокровья
Белая ночь и отправилась в рай.

Частое употребление поэтом эпитета – белый, не означает, что картина белых ночей, написана им невзрачно. У скульпторов очень часто оказывается белый мрамор, белый гипс, но они делают такие шедевры, которыми любуются зрители через тысячелетие, увидевшие эти уникальные по художественной ценности скульптуры.

Прошу обратить внимание на эпитет заката. Он у Бориса Орлова – чахлый. Почему он чахлый, поэт поясняет с удовольствием. Закат «обескровел», а потому и кажется таким беловато-бледным. Ведь на небосклоне реют над городом белые души между сгоревшей и новой зарей. Об этом миге писал и Пушкин: «Одна заря, сменив другую, спешит, дав ноги полчаса». Но Александр Сергеевич восторгался лишь малым промежутком зорь заката и восхода. То есть временным фактором. А у поэта Бориса Александровича подчеркивается невзрачная цветовая гамма и палитра двух зорь. Зори-то над горизонтом не полыхают яркими красками, они чахлые, обескровившиеся, белые…

Ночь светла и бела. Её поэт несет по гранитной набережной Невы. Он гордится, что несет Белую ночь «словно белое знамя» и благоговеет и немеет от восторга, что ему белая ночь поручила стать знаменоносцем. Она, не жалея нисколько свой нежный, благородный, белый цвет, окрашивает все, что попадается ей на пути. И из-под её кисти выходит прекрасное художественное полотно: «белые травы и белые лужи. Белое небо над белой землей». Но это не зимний пейзаж, это торжество белой ночи.

Но ночь так перетрудилась, так устала от малярной работы, что как сумел подметить поэт, схлопотала себе болезнь, и опять же белого оттенка – белокровие. А с белокровием и человек не жилец на этом белом свете. Вот и совершилась такая же трагедия с Белой ночью. Она «тихо представилась от белокровья». А потом шагнула «Белая ночь и отправилась в рай».

А за городом лето еще не вытеснило весну. Все пока зелено, молодо, слышно лирическому герою шепот трав и потрескивание в земле корней, которым тоже неймется в весеннюю пору и они скидывают с себя замерзший зимний панцирь, жадно впитывая земную влагу.

Юная капель поет с утра,
И щебечут на полянах птицы.
Сладок дым весеннего костра,
И проталин теплый свет струится.

Солнышко упало с высоты
И на стоге в стае галок дремлет.
И оттаяв, корни, как кроты,
Осторожно разрывают землю.

Отсветы закатного огня
Охватил верх небесной сферы.
Мир прекрасен, словно до меня –
До моей судьбы, эпохи, эры…

Вот такую живописную картину первозданной красоты, которая была всегда на земле, и написал поэт Орлов. Ведь мир был прекрасен и до него, до его судьбы: «Эпохи, эры». Задолго даже до рождества Христова. Но как вечно мы будем помнить рождение Христа, так же вечно будут воспевать поэты первозданную красоту мира. Ведь сказал же Федор Достоевский, что именно красота и спасет мир от дьявольского наваждения. И у поэта душа поет, даже при нынешней красоте. Борис Орлов вслушивается, как юная капель поет с утра, в щебетании птиц, увидев дымок весеннего костра, он ощущает его сладкий запах.

Солнышко у поэта от головокружения потеряло сознание, и рухнуло на верхушку стога сена, где дремали галки. Хорошо, что Орлов Борис предполагал недомогание весеннего солнца и вовремя ему соломку, сенца подстелил, зная примерно, куда солнышко упадет. Вот так в дружбе с дневным светилом и живут люди, облака и деревья…

Но дожди бывают не только осенью и весной. Дождь начался накрапывать за городом ночью, но поэт не обиделся на него. Под монотонный шепот дождя в голову приходят светлые мысли и яркие поэтические образы. Выходит, что ночной дождичек не помешал поэту, а помог взяться ему за перо:

Дождик на ощупь железные крыши
ночью читал и шептался с травой.

А фонари, как летучие мыши,
тихо висели вниз головой.

В скверах чернели ларьки, как вороны.
Сонно и сыро. Трава на плаву.
Скверы изношены. Ветхие кроны
в мутную воду роняли листву.

А на рассвете ручьи и дороги,
словно в тупик, уперлись в горизонт.
Дождь уходил… И торчал на пороге
сторож, как к стенке поставленный зонт.

Так какие же светлые мысли и яркие образы побудили поэта взяться за перо. Взять хотя бы изумительную метафору в первой фразе стихотворения Бориса Орлова: «Дождик на ощупь железные крыши ночью читал и шептался с травой». Тут много недоуменных вопросов есть, на которые тут же сыплются, как из рога изобилия сочные и вкусные ответы. Первый же вопрос возникает у читателя, когда он споткнется об слово «на ощупь». Если человек читает страницу в книге, то почему же на ощупь, как слепой? Нет, читатель не ослеп от красоты слога и стиля поэта, что пришлось ему на ощупь читать слова, как слепцу по специальной для незрячих книге. Там вместо буковок есть выпуклые точечки, а они означают нужные буквы для чтения.

Но ведь дождик-то темной ночью и страницы книги-крыши ему не разглядеть. Вот и приходится «читать» на ощупь. А если дождю что-то не разобрать в словах, он шепотом просил помочь в чтении траву. Она в отличии от дождя и днем долго листала и читала странички на крыше. Их текст она, травушка-муравушка зеленая, выучила уже наизусть. Произнеси дождик одно слово, она подскажет ему, какое следует слово, на котором дождик споткнулся.

Тем более траве даже ночью подсвечивают уличные «фонари, как летучие мыши, тихо висели над головой». Разумеется над головой любопытной травки.

Второй образ поэта не менее интригующий, чем первый. Поэт сравнивает ларьки, установленные в сквере с нахохлившимися на дожде воронами. А куда деться воронам и ларькам от дождя? Под крышу ларька воронам не скрыться – они заперты на ночь на замок.

А у ларьков нет ни ног, ни крыльев, чтобы удрать от зануды-дождя. Не защищают ларьки и ворон даже кроны деревьев сквера. Они у них обветшали. И дождь беспрепятственно льется на траву через ветхие кроны парковых деревьев. Дождь лился до утра. Поэт об этом эпизоде сказал так: «На рассвете ручьи и дороги, словно в тупик уперлись в горизонт».

Ладно, дороги, они не подвижны, и, согласно правилам геометрии две параллельные прямые, а у дороги обочины можно условно считать параллельными прямыми, то они не пересекаются. Зато по правилам оптического обмана они сходятся в одной точке и именно на границе окоема. Вот на основании этих аксиом поэт и рассказал о тупиковой ситуации для ручьев и дорог.

Но еще ожидало читателя необыкновенная метафора поэта. Он сравнил ночного сторожа, который даже в ливень не покинул свой пост с поставленным к стенке зонтом. Парадокс-дождь идет. А зонтик не пригодился, стоит, прислонившись к стенке.

Но однажды весной деревенский домик лирического героя не смог защитить его от дождя. Герой давно не посещал свою деревню, а когда надумал посетить её, то пришел к конечному разбору:

Шумел вишневый сад, три яблони и слива…
Теперь молчит пустырь уже который год!
Домашняя трава – репейник и крапива.
Домашнее зверье – лохматый пес да кот.

Холмы из головней. Немного от жилища
Осталось. Нету слез, но в горле ком.
Стою… Не узнаю родного пепелища.
Все кажется: душа сгорела, а не дом.

Настроение лирического героя совсем не весеннее. Хотя в деревне не велись споры, как в драме Антона Чехова «Вишневый сад»: вырубать ли деревья при продаже усадьбы или оставить вишневый сад себе. Вишневый сад и деревенский дом кто-то случайно или намеренно сжег. Вот тебе и любовь к отеческим гробам и к родному пепелищу.

Лирический герой чувствует себя скверно, будто это он виновен в пожаре… От наследства лирического героя остались несколько кучек головешек, да золы. На бывшем огороде репейник и крапива.

Наши джунгли средней полосы России. Остались из живности только две особы: «лохматый пес и кот».

У Ильи Репина есть трогательная картина «Не ждали». В доме среднего достатка появляется политкаторжник. Он должен на каторге сидеть и сидеть, но здоровье пошатнулось и по болезни, которая его загрызла изнутри, каторжника освободили досрочно. Куда у него подевался бунтарский дух, и былая благородная осанка. Домочадцы его не узнали, а он опешил от глубокого молчания. Лирический герой в стихотворении поэта Бориса Орлова, очень ждал встречи со своим домом и домочадцами. Но в усадьбе их никого нет. Дождались его только пес и кот, да и то они уже позабыли своего бывшего хозяина. Сами удивляются, как им удалось выжить на пепелище…

Но надо отдать должное поэту Борису Орлову, он показал стойкость своего лирического героя в следующем стихотворении:

Ещё кадит последняя надежда
И прошлое не надо ворошить.
Но возраст мой таков, когда одежда
Меня спокойно может пережить.

Не завершил свое земное дело –
Свою судьбу не до конца постиг.
Одежды хватит на больное тело,
А для души куплю немного книг.

И воином бывал, и миротворцем…
Сгорело сердце угольком в груди.
А свечку пред Николой Чудотворцем
Поставлю за грядущие пути.

Тема пожара звучит рефреном в обоих предыдущих стихотворениях. В стихотворении «Шумел вишневый сад» лирическому герою показалось, что сгорел не дом, а его душа, а в стихотворении «Еще кадит последняя надежда» уже твердо заявляет: «сгорело сердце угольком в груди».

А потому и мысли в голове бродят смурные, грустные. Не хочется ворошить прошлое, но приходится: возраст-то совсем не юный. Потому и сомнения возникли. Раньше лирический герой решал дилемму: что первично – курица, или яйцо? А теперь поэт Бо-

рис Орлов рассказывает о других проблемах лирического героя, когда тот осмотрел свой гардеробчик: «Возраст мой таков, когда одежда меня спокойно может пережить». И хорошо, что при хандре герой все же не теряет бодрость духа, понимая, что он «не завершил свое земное дело – свою судьбу не до конца постиг». А потому герой верит в грядущее, и ставит свечку пред иконой Николая Чудотворца. Бог не выдаст – свинья не съест. И чтобы отвлечься от воспоминаний о двух пожарах: в груди и доме, лирический герой, как русский богатырь и былин, и сказок, забывается крепким сном.

Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. А читатель любопытен, и ему не терпится узнать, что же за чудесный сон мог присниться былинному богатырю, лирическому герою стихов Бориса Орлова. А поэт не заставил долго ждать, и написал стихотворение сам, прочтите его, пожалуйста:

Я этот сон запомнил наизусть.
Могу пересказать не запинаясь.
… Опять куда-то с посохом плетусь,
То падаю, то снова поднимаюсь.

И на пути не сосчитать ночей.
И не услышать мудрого совета.
Столетний ворон дремлет на плече,
И нет в лесу ни одного просвета.

Осенние грибы – моя еда,
И в клочья порвалась моя одежда,
Но впереди Полярная заезда
Сверкает, как великая надежда.

– Можно было бы взять сонник и расшифровать этот мистический сон, - подумал сначала я с усмешкой. И тут же укорил себя за легкомыслие. Человек высказал про все, что накипело у него на душе, а я со своей пошлой ухмылкой лезу.

Но я и собирался даже в руки брать сонник. Сейчас и без меня столько развелось гадалок, шарлатанов и проходимцев, которые по-цыгански, если им позолотить ручку, столько неожиданного вам наговорят, что мало не покажется. Но и без сонника и гадальных карт, этого цыганского компьютера понятно, что предстоит лириче-

скому герою дальняя дорога. Но это уже не мои домыслы. Поэт Борис Орлов о судьбе лирического героя говорит, как об его одиссеи. Все приключения Одиссеи написал слепой древнегреческий герой – Гомер. Одиссей путешествовал и по морю, и по суше. Но звезды были благосклонны к Одиссею. И он сумел вернуться на свою Родину. И к его верной жене Пенелопе. В стихотворении «Сон», да и во всем стихотворном сборнике Бориса Орлова «Звездный свет» звучат не менее интересные истории, а период путешествий орловского героя не меньше гомеровского. Зато накал страстей и глобальных событий в поэтическом сборнике «Звездный свет» пожалуй, и пообширнее «Одиссеи».

Итак, дальняя дорога лирического героя предсказанная в стихотворении поэта Орлова «Сон» – начинается. Его, сон, герой помнит наизусть, и при пересказе не запнется. Хотя путь – дорога начинается с трудом. Поэт же показывает не трудности дальнего пути, а упорство пилигрима: «… опять куда-то с посохом плетусь, то падаю, то снова поднимаюсь». О всех перипетиях дальней дороги поэт не упоминает, он длину дороги определяет не километрами, а днями и годами пройденных путей: «И на пути не сосчитать ночей. И не услышать мудрого совета».

Сон лирический герой помнит наизусть, а вот, сколько дней и ночей он шел в поисках истины – сбился со счета. А вот о том, что ни от кого нельзя услышать «мудрого совета» пилигрим немного преувеличивает. Поэт Борис Орлов указывает на одну очень важную деталь. У него у лирического героя, есть вещун, вещая птица, которая подсказывает направление все х судьбоносных дорог людям – Ворон. Да притом такой мудрый – ворон этот уже прожил сто лет. По сравнительному циклу жизни человека и птицы, то Ворон прожил по меркам человека не сто, а тысячу лет. И этот столетний ворон всегда с путешественником в поле, или в дремучем лесу: «Столетний ворон дремлет на плече, и нет в лесу ни одного просвета».

О просветах, которых нет в лесу, по мнению лирического героя, поэт Борис Орлов делает тонкий намек на толстые обстоятельства: существует поговорка «Заблудился в трех соснах». Этой метафорой «и нет в лесу ни одного просвета» Борис Александрович доводит отчаяние путника до апогея, но дает одновременно и дельный совет: «Ведь ты моряк, Мишка, а это значит, что нестрашны

тебе ни горе, ни беда». Так Леонид Утесов пел про одного юного одесского паренька. У Бориса Орлова в стихотворении «Сон» персонаж более выдержанный и мужественный, и плакать о том, что он заблудился в густом лесу, не станет. Ведь он же тоже моряк. А отслужив на Северном флоте, знает какой самый лучший ориентир для моряков – «Полярная звезда. Она укажет тебе всегда верный путь. Об этом же говорит и поэт Орлов: «Осенние грибы – моя еда, и в клочья порвалась моя одежда, но впереди Полярная звезда сверкает, как великая надежда».

Обычно люди, заплутавшись, попав в сложную жизненную ситуацию, хватаются, даже утопая в бескрайнем море, за соломинку. И, оправдываясь, ссылаясь на это, не совсем удачное средство спасения, как соломинка,, говорят, - это моя последняя надежда. А вот поэт Орлов не обольщается призрачной надеждой, не считает надежду последней. Он твердо заявляет: «Полярная звезда сверкает, как великая надежда».

Но вот канули и весна, и лето в лету, и началась осенняя пора «очей очарованье». И поэт с восторгом встречает её – золотую осень:

Осень – фейерверк. Цветное действо –
листопад под утренней звездой.
Как на якорь, на Адмиралтейство
в небе встал кораблик золотой.

А внизу, у клена-оборванца
на пересечении аллей
я стою – с «Летучего голландца»
мореход! – без вечных якорей.

Это стихотворение, как сама золотая осень, феерическое: буйный всплеск эмоций, бурный восторг и чудесное сравнение золотой осени с фейерверком. Но арсенал эпитетов и метафор полностью не исчерпан. Поэт и мореход Борис Орлов со смаком и шиком создал очаровательный символический образ своего главного ведомства – Адмиралтейства: «Как на якорь, на Адмиралтейство в небе встал кораблик золотой». Золотая осень, золотой и кораблик. И любому туристу, посетившему Петербург, взглянувшего на шпиль Адмиралтейства. Уже трудно отвести взгляд от золотистого кораблика. Пока шляпа с головы ротозея не свалится на аллею парка. Плывущие по

небу облака, кажутся бурными морскими волнами, которые и разрезает изящный корпус мореходного суденышка своим носом и килем. Но он, золотистый кораблик встал на вечную стоянку. Поэт об этой детали и говорит в стихе: «как на якорь… в небе встал кораблик золотой». Шпиль Адмиралтейство и стал там якорной цепью, а само здание морского ведомства, уже выполняет роль якоря.

И после этого фейерверка фигура лирического героя кажется маленькой и незначительной. Но это только кажется, уважаемые читатели. Я прошу обратить внимание, как оценивает сдержанно красоту золотой осени и золотистого кораблика. Во всех предложениях этой строфы стоят, как якоря, только точки.

А кульминация этого стихотворения «Осень – фейерверк» происходит без излишнего внешнего пафоса, но именно в этой строфе стоит восклицательный знак, который и выражает самое бурное чувство человека – восторг!

Лирический герой любуется корабликом на шпиле Адмиралтейства в не совсем приличной компании. Рядом с ним «на пересечении аллей» стоит клен-оборванец». Ветер разбросал яркие кленовые листья по парковым газонам, превратив нарядный костюм клена в лохмотья нищего. Но сам лирический герой не собирается превращаться в нищего бездомного бродягу. Да, у него отняли флот, мечту о морских походах, но душа не превратилась в нищенку, она осталась свободной и открытой. И с ней герой готов идти хоть на край света. И себя лирический герой сравнивает с мореходом с «Летучего голландца». И с гордостью ставит восклицательный знак, как символ своей свободы и победы, после слова – мореход!

Но осень у поэта Бориса Орлова не только золотая. Она у него многолика, а наряды свои меняет как перчатки. Как это в привычке у любой светской дамы. Иногда осень представляет поэт, недалекой и малокультурной женщиной. Но и тут он относится к такой женщине – осени без пренебрежения, а с сожалением и сочувствием. Ведь осень из-за своего скверного промозглова характера, простудилась:

И в никуда ушла, и ниоткуда
вернулась, заглушая лай собак.
У осени от сырости простуда:
сморкается и кашляет в кулак.

И пристает ко мне: ни то, ни это
не нравится… Замучила, карга!
И что планета – вовсе не планета
без холода, что ей к лицу снега.

Всем недовольна. Каждая минута
сосчитана… Нет ни цветов, ни птах.
Ах, эта осень – старая зануда,
она со мною вечно не в ладах.

Если вы, прочитав это стихотворение Бориса Орлова, скажете, что оно оригинально и абсолютно штучный экземпляр, то прошу тут же опровергнуть мое мнение и высокую оценку этого стихотворения. Назовите мне нечто подобное произведение, и укажите где и какой поэт опубликовал стихотворение с таким неожиданным обликом осени. Только мне почему-то кажется. Я не дождусь ответа. Никогда!

Хотя каждый из вас видел и слышал, с каким завыванием ветра врывается в наши озябшие дворы осень, «заглушая лай собак». А поэт тоже слышал эти злобные осенние завывания, но вступается за неё и даже оправдывает. Никакое это не зло. Просто осень немного простудилась из-за своей же сырости, и «сморкается и кашляет в кулак». Вот какие бывают чудеса: одни занимаются самолечением, а осень – самозаболеванием.

Но как говорится осень даже своего покровителя и почитателя «достала», что лирический герой сравнивает осень со сварливой старухой из сказки Пушкина о золотой рыбке, которой не нравится ни то, ни это. Подавай ей зимой лето, а летом зиму и белоснежного покрова на пожухлых лугах…

Капризы осени заставили героя разозлиться и произнести оскорбительные слова: «Замучила, карга!». Но опомнившись, понял, что это не по-джентельменски оскорблять пожилую женщину, немного смягчая, сбавил тон: «Ах, эта осень – старая зануда, она со мною вечно не в ладах».

Про некрасивые и некультурные повадки осени поэт рассказывает и в стихотворении «Повадился ветер…»:

Повадился ветер листву воровать.
Дождь льет, как из рваного сита.
Мне душу от родины не оторвать –

Как будто гвоздями прибита.
К себе не заманят ни тундра, ни степь…
Болею в краю незнакомом.
Посажена детством на длинную цепь
Душа возле отчего дома.

Вновь осень, как баба грузна и свежа,
Полощет пеленки в болоте.
Стремится не в космос больная душа,
А в дом, где укуталась плотью.

В первой же строчке лирический герой стихотворения придирается к мелкому воришке-карманнику – ветру. Он научился ловко тырить с деревьев золотые монетки. То один листочек украдет, то другой. А крышует воришку бандерша осень.

Именно она, чтобы скрыть проделки прохиндея, пускает не людям пыль в глаза, а прыскает на них дождинками, которые льются водопадом на них, как вода из дырявого сита.

Но проказы осени не могут остудить душу и оторвать лирического героя от родины. Почему? Поэт Орлов отвечает, что душа-то у героя прикипела к родине и «как будто гвоздями прибита» к ней.

Мало, того, в этом поступке виновато и детство героя. И лирический герой делает чистосердечное признание, сознаваясь в вине своего Детства: «Посажена детством на длинную цепь душа возле отчего дома».

Следующая характеристика Осени не менее скверная, как и две предыдущие. Лирический герой сравнивает с грузной бабой, которая: «полощет пеленки в болоте». От этой мерзопакостной обстановки, созданной осенью, и болеет душа героя и рвется вновь к отчему лому, «где укуталась плотью»; туда, где человек родился.

Про сырую осень продолжает разговор Борис Орлов в стихотворении «Озноб дождя».

Озноб дождя. Пустые ветви вишен.
На юг ползут свинцовых туч стада.
Сарай просел – холодный пот на крыше,
А в мутных лужах – мертвая вода.

Жизнь умерла и на холмах, и в ямах.
Туман укрыл слепую гладь воды.

Стою перед окном. Тропинка прямо
Бежит. И расплываются следы.

Закат лилов, но солнышко не бросит
Прощальный луч на образа в углу.
Приходит ночь, похожая на осень:
Нет места в ней ни свету, ни теплу.

Облик поздней осени непригляден, хотя Эльдар Рязанов пытался взглянуть на дождливую погоду под более радужным углом зрения. Он заявлял, что «у природы нет плохой погоды».

Поэт Борис Орлов не приукрашивает осеннюю погоду, не лакирует её, воспевая её только золотой период. Он объективен, и показывает все, как есть, но и не старается смаковать свинцовые мерзости дождливого периода, хотя и в этом стихотворении он употребляет эпитет – свинцовый. Взять хотя бы две строчки первой строфы: «Озноб дождя… На юг ползут свинцовых туч стада». Цвет свинца светловато-серый вполне применим к набрякшим от воды серым тучам, так и к стаду серых баранов. А вот краткая фраза поэта: «Озноб дождя» заставляет по телу пробежаться мелкой дрожью. Дождь итак холодный, и его не может бить озноб. Это человека, попавшего под дождь, начинает бить озноб и бежать мурашкам по коже, делая её похожую на пупырышки ощипанного гуся.

А поэтические находки Бориса Орлова не иссякают, как осенний затяжной дождь. Поглядев на крышу, все в мелких дождевых капельках, у Орлова рождается образ: «холодный пот на крыше». Холодным потом обливается человек от страха, а чего же испугалась так крыша, что на ней выступил холодный пот? Очень простой ответ: Крыша-то сарая. Он одряхлел и просел, да так, что скоро и крышу ветер снесет прочь. Вот крыша и испугалась.

Пока же вода стекает с крыши сарая на землю. И поэт фиксирует это, создавая сказочный образ: «А в мутных лужах – мертвая вода». Почему в лужах мутная вода, объяснять никому не надо. На тропке вдоль сарая лежала пыль, после легкого дождичка в четверг эта пыль превратилась в грязь. Когда же хлынул ливень, и с крыши полился поток на землю, то образовались лужи, а грязь придала им мутноватый оттенок.

А вот почему в лужах мертвая вода? Но если вспомнить народ-

ные русские сказки, тоже можно догадаться. В них много раз упоминается про мертвую и живую воду. Мертвая вода может залечить раны павшего в жестокой сече русского витязя, а когда Богатыря еще вспрыснешь и живой водой, он встанет с земли. Протрет глаза и скажет: «как же долго и сладко я спал».

В стихотворении же «Озноб дождя» поэт констатирует, что «жизнь умерла и на холмах и в ямах». И в этих ямах вода становится тоже мертвой. Гладь воды слепая, и её укрывает туман, как усопшему глаза. Ведь на слепой глади мертвой воды уже нет живого блеска, а значит, диагноз однозначен, и не требует пояснений.

И лирический герой прощает все прегрешения осени, и грустит об её уходе: «Закат лилов, но солнышко не бросит прощальный луч на образа в углу».

А после заката «приходит ночь, похожая на осень».

Рассмотрев внимательно осенний дождливый пейзаж за окном, лирический герой сделал соответствующие выводы. Я приведу уже цитату не Эльдара Рязанова про плохую или хорошую погоду, а одного моего приятеля, который считал тоже, как и Рязанов, но только по-своему, что у природы нет плохой погоды, если ты хорошо и по сезону одет и обут. Видимо и поэт Борис Орлов слышал нечто подобное и его лирический герой готовит необходимую экипировку, чтобы защититься от осенней сырости:

Достали зонт. И плащ висит.
У входа чутко спит собака.
Пришла Моросень. Моросит
И днем, и ночью. Тлен и слякоть.

Сад в листопад сгорел живьем.
Река готовится к набегу.
И кажется, что мы плывем –
Дом уподобился ковчегу.

Вот как необыкновенно назвал поэт Орлов дождливую осеннюю погоду – Моросень. Борис Александрович придумал сложносочиненное слово из двух простых: моросит и осень. Вот и получилась Орловская Моросень. Потому что осень «моросит и днем, и ночью». Хотя это обычное сложное слово из двух корней, как, например пароход – пар и ход заставляют двигаться корабль, или самолет – сам

летит. Но если бы поэт не объяснил, почему наступила именно «Моросень», то могли бы всплыть и другие ассоциации. Мор, например, означает повальное заболевание и гибель людей, или животных. «Мор» могло быть корнем слова «море». Ведь Борис Орлов моряк, а потому он и поставил все точки над «и», чтобы никому не пришло в голову усомниться, что «Моросень» – это моросящая дождем осень.

И вот лирический герой собирается выйти за порог в осеннюю сырость и основательно готовится к выходу на улицу: «Достали зонт. И плащ висит».

Хотя говорят, что хороший хозяин в такую погоду и собаку на улицу не выгонит, но собака лирического героя – настоящий верный друг хозяина. Она уже давно выскользнула на крыльцо и чутко дремлет. Но ушки на макушке – ждет, когда скрипнет дверь и он, повелитель, выйдет на крыльцо, над которым есть козырек крыши. И дождь собачке нипочем, хотя на улице: «Тлен и слякоть».

Лирический герой надевает плащ, вешает на всякий случай на кисть руки за округлую ручку зонт и всматривается, оценивается обстановку на улице через оконное стекло.

Деревья голые. Плоды собраны, листья опали уже давно, и они своими темными, почти темными ветвями, как руками, воздели к небу с мольбой. И поэт поясняет, почему садовые деревья ломятся: «Сад в листопад сгорел живьем».

Взглянул лирический герой на реку, которая набухла от дождя, и готова выйти из берегов, и делает для себя заметку: «Река готовится к побегу». Так вот может и по двору дома, к самому крыльцу подобраться. А тогда кроме зонта и плаща еще и резиновые сапоги придется обувать.

Но волны реки уже тут как тут – перед окном. Прогулка отменяется: лирический герой отмечает, что «мы плывем – дом уподобился ковчегу».

Если лирическому герою не нравилась Моросень, то лес в легкой дреме вспоминал, как радовался он дождю весной. И этот сон подсмотрел лирический герой:

Береза пела. Дождевые спицы
Терял рассвет дорогой столбовой.
Я – младший брат и дереву, и птице –
В лугах лицо окатывал травой.

Я чувствовал дыханьем время года,
Что зарождалось в ветровом краю.
Лесная многодетная природа
Радушно приняла в свою семью.

Великолепно, и так кратко и емко написал поэт Орлов о единении человека и природы. Будто песню спел. Хотя солистка этой песни в стихотворении Бориса Александровича – береза. Песня березы звучала рано, на самом начале утреннего рассвета. Но не хор птиц поддержал солистку. Рассвет позванивал в такт мелодии песни березы «дождевыми спицами».

Вот в этот рассветный миг и ощутил себя лирический герой частью природы. Он напористо и категорически заявляет о своем родстве с природой: «Я – младший брат и дереву, и птице».

Борис Орлов показывал сопричастность лирического героя с природой. Он «лицо окатывал травой». Да, да не водой, а именно, травой. Воды, ручейка, или реки рядом с героем не было, и он собирал росу с травы пригоршнями ладоней и умывался. Он дыханьем чувствовал «время года». И от души радовался, что не одна береза полюбила его и поет для лирического героя песню. Береза только часть леса, а поэт Орлов подчеркивает, что лес-то это огромное семейство, притом многодетное. И вот итог: «лесная многодетная природа радушно приняла в свою семью».

Россия – Родина моя!

Именно так называется у поэта новый цикл, и начинается он стихотворением «Россия»

След от тернового венца
У сына и отца.
Горит Россия, как свеча,
Перед лицом Творца.
А без неё – земля во мгле,
На атомных весах.
Отец и сын лежат в земле,
А дух – на небесах.
Дороге в жизни нет конца.
Для внука в космос дверь.

Но тень тернового венца
Легла на колыбель.

В этом стихотворении поэта Орлова знаковая фраза: «Горит Россия, как свеча, перед лицом Творца». Россия не только центр Мира, самое огромное государство по территории на Земном шаре, она еще и заложница, и жертва этого жестокого Мира. У Максима Горького в легенде о Данко герой вырвал из груди сердце, чтобы осветить трудный путь, и вывести его народ из тьмы на свет. И вывел, отдав свою жизнь ради своего племени.

Борис Орлов расширил этот образ до масштабов не племени, а огромного государства, как его Родина – Россия. Это Россия горит, как свеча, чтобы народы мира могли увидеть лик Творца, который показывает правильный и праведный путь – путь Добра.

За все нужно платить, а платить жизнями своих подданных – отцов и сыновей. Они эти жизни и кладут на алтарь Отечества.

Поэт эту жертвенность России показывает в первой же фразе: «След от тернового венца у сына и отца». Но этот образ отца и сына масштабнее, грациознее. Ведь у них был сильный и могучий дух, а потому они совершили световой подвиг, сражаясь за Россию, отдав для этого свои жизни.

А Борис Орлов приоткрывает для читателей еще одну глобальную деталь. Ведь он говорит не просто об отце и сыне, простых смертных и грешных, но совершивших подвиг, а… «О Святой Троице». Но не прямо, а дает шанс каждому читателю догадаться, что речь идет о России и о Святой Троице одной фразой: «Отец и сын лежат в земле, а дух – на небесах».

Роль же самой России, сгорая давать свет людям, поэт подчеркивает следующей фразой: «А без неё – земля во мгле». Сегодняшние события в мировой политике как раз и подтверждают правоту слов Бориса Орлова.

Он показал, что отец и сын отдали свои жизни не напрасно. Жизнь продолжается во внуках: «Дороге жизни нет конца. Для внука в космос дверь». Но поэт к тому же и предостерегает потомков: «Но тень тернового венца легла на колыбель». Это провидение поэта уникально тем, что стихотворение «Россия» написано до начала перестройки, гласности и демократии – в 1985 году.

Борис Орлов приобрел это предвидение, читая исторические

литературно-художественные романы. Это можно понять и читателю, прочитавшего стихи, посвященные «Памяти Валентина Пикуля».

Спектакль фальшив. Не скроет флер
бездарность разговоров.
В Кремле живет один актер
и тысяча суфлеров.

Задернут занавес. Огни
тускнеют. Лампы бьются.
Актер уходит… Но в тени
суфлеры остаются.

Как бы не пытался завуалировать, не открывать инкогнито главного героя стихотворения, но его уши торчат из тумана. Борис Александрович говорит о «герое» иносказательно, применяя эзопов язык. Но дате написания стиха – 1985 год и фраза, что «в Кремле живет один актер и тысяча суфлеров» красноречиво объясняет, кто он этот герой не нашего времени. У этого актера и спектакль фальшив. «Не скроет флер бездарность разговоров», длинные речи демагога и его пустословие быстро раскрыли имя актера, сорвав с него маску лицемерия. Не собирался он страну защищать, а, напуская дымовую завесу, пытался её разрушить. О чем потом и признался, что «победил коммунизм».

Но у народа при родное чутье, и все поняли быстро демагога. и разочаровались в таланте актера.

Орлов это показывает четко и жестко: «Задернут занавес. Огни тускнеют. Лампы бьются». Вроде бы и финита ля комедия? Нет, комедия и форс превратились в трагедию народа и страны. И с тяжелым вздохом поэт это осознает: «Актер уходит… Но в тени суфлеры остаются».

Это они, суфлеры помогали задерживать занавес, и били стекла ламп, софитов на рампе.

А свою судьбу поэт Орлов сравнивает с опасной судьбой канатоходца, шагающего по канату над пропастью. В перестройку ходила фраза, ставшая расхожей: «нельзя перепрыгнуть пропасть в два прыжка». Но такой прыжок через бездну широкой пропасти может совершить или отчаявшийся человек, или безумный. У многих ума

хватило, в том числе, и у Бориса Орлова, не выполнять смертельный акробатический трюк, а наводить мосты через пропасть. Или хотя бы натянуть канат над пропастью и со страховой лентой пройти с одного края бездны на другой:

Жизнь – затяжной аттракцион. Зарплату
дают за риск, за подвиги - звезду.
По совести иду. Как по канату,
Над пропастью качаюсь, но иду.

Люблю свою судьбу размером в повесть
над свалкою порочных повестей.
Тонка, прочна и своенравна совесть:
шаг в сторону – и не собрать костей.

Вниз не смотрю… Неистов барабанщик.
Открыли рты зеваки. Пляс теней.
Мы все канатоходцы. Кто-то раньше
вниз рухнул, ну а кто-то чуть поздней.

Нашу жизнь сравнивает с цирковым аттракционом. Сюда приходят зрители поглядеть, как рискуют воздушные гимнасты и канатоходцы, выполняя свои номера и трюки без страховки. Сердце у зрителей замирает, наблюдая, как рискуют цирковые артисты. Хотя в любой публике бывают всегда и пофигисты, которые рассуждают раздраженно: «Они. Эти циркачи зарплату за этот риск получают»

Но у поэта Орлова в этом стихотворении есть замечательные образы. Он канат сравнивает с совестью. А она «тонка, прочна и своенравна совесть: шаг в сторону – и не собрать костей».

И эта фраза не об опасной профессии канатоходца, а именно о судьбе людей совестливых. Как трудно поступать по совести. Нынче совесть не в чести. Многие считают, что лучше помалкивать в тряпочку, чем поступать по совести, отвергая ложь, хамство, мздоимство и обыкновенное воровство. Знают молчуны, если вякнешь, то получишь кулаком бандита по физиономии, или по голове, как «неистовый барабанщик». И совесть отодвигают подальше, чтобы она грызла душу.

А лирический герой любит свою судьбу и желает, что бы она не была коротким жизненным мигом, а была «размером с повесть».

Но когда идешь по тонкой струне совести, то видишь внизу

целую «свалку порочных повестей». Судьба длиною в «порочную повесть» не нравится совестливому лирическому герою. Но все же он фаталист. От судьбы не уйдешь: «кто-то раньше вниз рухнул, ну а кто-то чуть поздней».

Шекспир считал, что «Весь мир – театр, а люди в нем актеры», но мне кажется у Орлова другое мнение - в театре сюжет и действие на сцене развиваются неторопливо по накатанному сценарию. А в цирке спектакль более разнообразен и динамичен: клоуны, канатоходцы, воздушные гимнасты. Силачи, дрессированные птицы и звери – голова идет кругом. А потому у поэта Орлова не одно стихотворение о цирке. Я сейчас приведу еще про цирк для уважаемых читателей:

Толпа слепа. И беспощаден крик
Сидящих в пышных ложах. Сердцу зябко…
Я вышел в жизнь, как на арену – бык,
Бросался в бой, обманываясь тряпкой.

Но скоро понял, что не в тряпке – зло
И что тореадор – толпы «шестерка».
Ревели ложи… Ну, а мне везло –
Молилась Богу за меня галерка.

Со шпагой под лопаткой я умолк,
Но не коснулась сердца тень позора.
Я, умирая, видел: в темный морг,
Как тряпку, унесли тореадора.

Тут поэт Орлов показывает не цирк, а арену для корриды – боя быков. В цирке царит праздничная, веселая атмосфера, хотя иногда цирковые трюки и щекочут нервы уважаемой публики. Но все зрители надеются на благополучный исход и жизнеутверждающий финал. На арене для корриды зрители со смаком ожидают не благополучного радостного исхода, а жестокого и смертельного финала.

Тореадор дразнит быка красной тряпкой. А вернее ярко-красной подкладкой черного плаща, и, наносит легкие уколы шпагой. Но эти уколы не смертельны, они только злят и раздражают быка. Но уже призрак смерти и запах крови уже мерещатся и тореадору, и быку. Только тореадор понимает, что бык всего лишь жертва для заклана, а бык уверен, подвижный и ловкий тореадор и станет сегодня

его жертвой. Бой идет не на жизнь, а на смерть, только не ясно кто – кого победит. Борются силы добра с силами зла.

Только замысел поэта оказался намного сложнее, чем я думал. Азарт схватки на арене разделил зрителей тоже на две части. Одну из них, сидящую «в пышных ложах» олицетворяет сила зла, и ждет, когда на арену брызнет кровь из раны поверженного быка. Вторая же половина зрителей более бедных и жалостливых, сидящих на дешевых местах на галерке, сочувствуют жертве, несчастному животному и, «молятся Богу за него». Галерка олицетворяет силы добра.

А говорят, что плебеи, то есть бедняки жаждут зрелища и хлеба, а богатые желают славы и вина.

У Орлова же все наоборот: «Толпа слепа. И беспощаден крик, сидящих в пышных ложах». Вот кто по-настоящему кровожаден – богачи орут так, что становится людям на галерке и быку на арене «сердцу зябко…».

Но ведь Орлов и тут раскрывает драматизм ситуации до конца. Ведь не бык вышел на арену для заклана. Это лирический герой бьется за справедливость, он негодует на зрителей из пышных лож, и защищает интересы людей, сидящих на галерке.

Ведь это лирический герой, а не бык начинает понимать прозревать, «не в тряпке зло, и что тореадор – толпы «шестерка».

Но он вынужден защищаться от этой «шестерки», силы зла шпагой тореадора пронзила свою жертву. Только герой не признает себя оскорбленным, считает, что «тень позора не коснулась его сердца». Он действует по притче: око за око, зуб за зуб. И, защищаясь, наносит и тореадору смертельный удар. Со вздохом облегчения смотрит лирический герой на последний миг этой трагедии: «Я, умирая, видел: в темный морг, как тряпку, унесли тореадора». Получилась пьеса с трагическим концом. Но это не классическая трагедия. Это оптимистическая трагедия.

Продолжая известную тему борьбы добра и зла, Борис Орлов пишет стихотворение «В дыму, в вине». Это только говорят, что истина в вине. А поэт увидел, что истину топят в вине, и вина в этом безобразии не только в пьянстве:

В дыму, в вине, в соломке маковой
Чего ты ищешь человек?

Сюжеты жизни одинаковы
Из года в год, из века в век.

Дворцы и хижины… За стенами
И князю тесно, и рабу.
Добро и зло, любовь и ненависть
Ведут извечную борьбу.

«А счастья нет!» - в тюремной камере
Под сердцем выколол бандит.
… В далеком космосе, как в таймере,
Незримый маятник стучит.

После перечисления всех зол, которые вредят здоровью человека: дым табака, употребление алкоголя и наркотиков, понятен и риторический вопрос, который задает себе лирический герой: «чего ты ищешь, человек?». Этот вопрос задают себе люди «из года в год, из века в век», крутится этот вопрос бесконечно, как белка в колесе, устанет, отдохнет и снова крутится. А поэт поднимает вопрос до космической высоты: «В далеком космосе, как в таймере, незримый маятник стучит».

Маятник часов-ходиков я помню из детства. Часы с котенком на циферблате, у которого глазенки зорко следили за мной, моими братьями и сестрами. Котенок успевал следить за всей нашей оравой. Его глазки так и шныряли за нами, как шарик пинг-понга: взгляд налево, взгляд направо и ежесекундный контроль за ситуацией в доме. Хотя может быть котенок и не следил за нами, а за мышами.

Отец постоянно следил, чтобы часы-ходики не останавливались. Он каждый вечер поднимал гирьку в виде еловой шишки. Однажды я пришел домой, а часики остановились. Гирька лежала на одеяле. Отец умер и время остановилось.

Хорошо, что космический «незримый маятник стучит» вечно, а «добро и зло, любовь и ненависть ведут извечную борьбу». Идет противостояние дворцов и хижин и их владельцев. В стенах дворцов и стенах хижин предупреждает поэт Борис Орлов: «И князю тесно и рабу». Но теснее всего в тюремной камере бандита, хотя ему воздали по заслугам, но сидит он за тюремной решеткой, считая себя «несправедливо» наказанным, и даже наколку сделал на своей груди: «нет в жизни счастья». Шаблонное зэковское выражение. Но

как говорил Доцент из комедии «Джентльмены удачи» это элемент воровской романтики: «Украл, выпил – в тюрьму. Украл, выпил – в тюрьму… Романтика!»

Но утонуть в бадье портвейна не самое страшное наказание. За державу обидно. За неё и стоит герой поэта Орлова.

«А Русь еще жива… Еще жива…
Ни немцу не поддастся, ни монголу…»
Слова во рту сгорают, как дрова,
Подогревая в голове крамолу.

Не скрипы колесниц, не звон мечей
Тревожат сердце. Есть страшней невзгоды.
От пламени обманчивых речей
Бесследно гибнут страны и народы.

Как больно наследнику Великой победы видеть Русь, Россию, которая выстояла и в Монголо – татарское нашествие и разгромила немецких псов-рыцарей, рухнувшей наземь от рук не супостатов, а от своих же предателей и изменников? Вот у него язык-то и заплетается. И поэт пишет: «Слова во рту сгорают, как дрова, подогревая в голове крамолу». Горькие слова лирический герой не может даже произнести вслух, чтобы не рвать зря свою душу. Но самого себя не обманешь. Вот и лезут крамольные, бунтарские мысли в голову.

Сейчас вооружение солдата резко изменилось, стало современным. И не воюют они сейчас под «скрипы колесниц», или «под звон мечей». Есть невзгоды теперь и пострашнее: артиллерия, авиация и автоматическое оружие пехоты. А на море ведут войну ракетные крейсеры, и атомные подлодки.

Борис Орлов сам служил на подводной лодке – атомоходе. А потому особенно важен его стратегический вывод, что армия, это только орудие войны, а разжигают их политики: « О пламени обманчивых речей бесследно гибнут страны и народы».

А чтобы понять, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке и нужно осматривать вокруг себя землю повнимательнее, чтобы не попасть в капкан, который стреножит тебя и лишит всякого маневра в этом пылающем злобой и ненавистью мире, поэт Борис Орлов к самой мудрой книге из книг – Библии. В ней про все уже давным-давно рассказано, про в се ошибки и про все правильные

решения.

Изобретать колесо не надо, а станешь пытаться сделать его не круглым, а квадратным, то боевая колесница не только будет скрипеть. Она просто с места не сдвинется. Но слово за поэтом:

Живем, как смотрим старое кино:
То гои на арене, то изгои.
Все Библией предопределено:
И главные событья и герои.

Безумство – в бестелесный мир окно.
Что может быть прозрачней и капризней?!
Все Библией предопределено.
За исключеньем жизни после жизни.

Стихотворение поэта – его философские размышления. Ничто не ново под луной. Намек Орлова на просмотр старых кинолент, это его предложение кропотливо изучать историю, чтобы избежать ошибки в сегодняшнем времени и в мире. И Библию Борис Александрович подчеркивает в коротком стихотворении дважды одной и той же фразой: «Все Библией предопределено». Кратко и понятно без излишних пояснений.

Но для того, чтобы не повторить ошибки людей, которые их когда-то сделали, нужно изменить свой характер. Решения надо принимать при трезвом уме и твердой памяти, а не гадать на кофейной гуще: «Бить, или не бить». Лезть в драку по любому пустяку – безумие.

Только безумные, ослепленные гневом люди, и разжигают войны. Борис же Орлов предлагает людям, политиканам смотреть на мир не через розовые, или еще того хуже, через черные очки, а через чистое прозрачное окно. Ведь « все Библией предопределено. За исключением жизни после жизни». Но это уже не прерогатива никаких политиков, а только Бога.

В следующем стихотворении «Не понять потомкам» поэт продолжает тему безумства и беспамятства. Но, в этот раз Борис Орлов ставит не безумство, а именно беспамятство, заявляя, однако, что иногда история учит, что ничему не учит.

Не понять потомкам жизни предков:
Наша память, как предсмертный вздох,

Коротка. А шрамы - лишь пометки
К болям и трагедиям эпох.

Черный вечер выпит с черным кофе.
В памяти - провал и темнота.
Сквозь туман чернеет на Голгофе
Ночью тень распятого Христа.

Можно только удивляться тому, что поэту Орлову удается в восемь строк уместить столько много мыслей. Притом эти мысли поэта так хорошо огранены, что сверкают алмазным блеском.

Взять хотя бы сравнение поэта о короткой памяти потомков, которые стали Иванами, не помнивших родства: «Наша память, как предсмертный вздох». Говорят, что у женщины волос длинный, а ум короткий, а выходит, что у бритоголовых мужиков – памяти и вовсе нет. Или, как хорошо подметил Борис Орлов память у таких беспамятных мужчин, как короткий «предсмертный вздох» Но он, этот короткий вздох, лежащего на смертном одре человека, отшибает память беспечным людям в его окружении. По принципу: «Умер Максим, да хрен-то с ним».

Красиво обыграл поэт беспамятство предков, не желающих извлекать из нашей истории уроков. Его метафора крылата и уникальна: « Шрамы – лишь пометки к болям и трагедиям эпох». Метафора поэта поднимается до глобального размера: не большой шрам на теле напомнит человеку о пережитой им когда-то боли от ранения. Но он выжил, а от ран остался маленький шрамик. Раны же от трагедий эпох так же велики и болезненны, как само время этих эпох. Эти раны эпохальны и из памяти людской их не вытравить ничем.

Но черные дыры бывают не только в космосе. Они иногда специально пробиваются агрессивными лидерами в сознании народа, чтобы манипулировать людьми, как марионетками. А фраза об этом феномене звучит в стихах поэта Орлова набатом: «Черный вечер выпит с черным кофе. В памяти – провал и темнота».

Но одно событие, как бы не пытались затмить его в памяти людской террористы и экстремисты всяких мастей, всегда будет напоминать о трагедиях эпох: это распятие Христа. И эту тьму, и черноту забвения и беспамятства и старается развеять поэт Орлов. Вот его яркие строчки, которые помогут преодолеть беспамятство:

«Сквозь туман чернеет на Голгофе ночью тень распятого Христа».

Разруха и лишения девяностых так же выпукло и емко показал поэт в стихотворении «В стране вражде»:

В стране вражде и распрям нет границ.
Ничтожен человек. В душе – постылость.
Но если не гублю зверей и птиц,
То жизнь моя, наверно, получилась.

Себе о светлом будущем не лгу:
Погибну не у стенки, так в кювете.
Но если нищим подавать могу,
То значит, стоит жить на белом свете.

Каждая строчка в этом стихотворении, как зарубка в памяти читателя. А сейчас эти строчки важны и актуальны. Вот строчка о распрях и вражде в стране. Сейчас началась такая катавасия безумия, что вражда и распри давно вышли за пределы границ нашей страны. Разгульный бандитизм девяностых практически подавлен. Но за нашим кордоном мира нет, ведутся братоубийственные войны. И хочется надрывным криком вопить: «Люди, опомнитесь! Ведь вы же не звери, а люди!»

А поэт, хотя тоже вставляет свой голос в общий хор голосов, а, вернее, в этот общий ор, но в душе-то мало верит, что «вражда и распри» исчезнут тут же. Он констатирует диагноз, говорящий, что до эры милосердия нам еще далеко: «Ничтожен человек. В душе – постылость».

Обе фразы при произношении режут слух, и появляется чувство резкой боли, словно от удара бича по обнаженному телу, который кожу рвет на клочья и оставляет на теле багряно – кровавые полосы: «Ничтожен человек».

Да он потерял свое величие в злобе и ненависти. А во фразе «В душе – постылость». Трудно докопаться до истины: Душа остыла или настолько заболела, что она сама себе опостылела.

Но это просто преамбула к аналитическому выводу поэта Орлова: «Но если не гублю зверей и птиц, то жизнь моя, наверно, получилась».

Лирический герой не обольщается, не считает, что благоденствие наступит скоро. Но и не тешит себя неисполнимыми иллюзи-

ями и различным агитационным и пропагандистским лозунгом. Он честен и прям: «Себе о светлом будущем не лгу: погибну не у стенки, так в кювете».

Тут, я считаю надо эту фразу разделить на две сослагающие. Во-первых, до светлого будущего так далеко, как до луны пешком добираться, а во вторых, мрачное пророчество «Погибну не у стенки, так в кювете» дает в пищу для размышления. Ведь лирический герой не собирается помогать развалу страны. И никогда не примкнет к тем, кто страну разваливает. Но он понимает, сто тогда темные силы коррупции могут расправиться с ним по двум сценариям, или на законном основании поставить под расстрельную статью к стенке. Но так как расстрел в России отменен. На смертную казнь у нас мораторий. То, скорее всего, уничтожат правдолюбца, наняв киллера. Или ограбив и отняв у лирического героя всякими махинациями до последней копеечки, превратят его в бомжа. А мало ли их поумирало от нищеты, голода и пьянки в канавах?

Но сильная натура лирического героя не позволит ему скатиться в «кювет». А мысли-то у него никогда не были черными, а оптимизм вытаскивал не из таких сложнейших ситуаций. Вот он и заявляет: «Но если нищим подавать могу, то значит, стоит жить на белом свете».

Но одной светлой вспышкой не развеять тьму полярной ночи. Она как длилась миллиарды лет месяцев по девять в году, так и будет длиться и сейчас. Но себя загонять в искусственно созданную тьму в страну – комнату, щелкнув выключателем, и погасить электрическую лампочку, тоже не стоит. В стихотворении «Следы и дни» поэт Орлов рассказывает о мятущейся душе лирического героя:

Следы и дни теряю на бегу,
Трава торчит иголками из грунта.
Я оказался в замкнутом кругу
Проблем, людей и населенных пунктов.

Не выбраться – глаза слепит испуг.
Не слышу слов. Остановись, мгновенье!
Очерчен мною этот черный круг,
И я мечусь в нем, будто на мишени.

Бег по замкнутому кругу полезен только спортсменам легко-

атлетам на тренировке. Беговая дорожка вокруг футбольного поля, стадиона удобна стайерам. Они могут нарезать круги методично, то увеличивая скорость, то замедляя свой бег, усиливая свою выносливость и волю к победе.

А лирического героя бег по замкнутому кругу в реальной жизни раздражает. Поэт Орлов подчеркивает расторопность лирического героя двумя рефренами про это раздражение. В первой строфе звучит фраза: «Я оказался в замкнутом кругу проблем, людей и населенных пунктов». А во второй строфе охватывает героя не только раздражение, но и обида на самого себя: « очерчен мною этот черный круг, и я мечусь в нем, будто на мишени».

Раньше, пару веков назад, в угольных шахтах, чтобы поднимать на поверхность земли шахтеров в клети подъемника, применяли лошадей как тяговую силу. Коняги ходили по кругу под землей, где стояла кромешная тьма, которую немного рассеивал свет свечи, шахтерской лампы, вращали шестеренки подъемника. Но шахтеры, выходя на поверхность, видели белый божий свет. А вот коняги трудились во мраке и слепли. Но слепота не мешала им продолжать работу. По замкнутому кругу с дороги не свернешь. Он ограничивает тяговую силу, но не дает и выбраться из заезженной и накатанной колеи.

Лирический герой сравнивает себя с бегуном, бегущим по замкнутому кругу, но у него страх, что из этого круга невозможно выпрыгнуть, выбраться, парализует его волю. Он не только слепнет, а даже и глохнет.

Зачем кричать на утомленную лошадь, когда можно хлестануть её кнутом. Пусть побыстрее шевелит копытами. Тем более оглохшая и ослепшая лошадь смирилась со своей участью.

Но человек отличается от животного своим интеллектом. Лирический герой видит свои ошибки, понимает, что дорога им выбрана неправильно. Слишком много на его пути препятствий: «Следы и дни теряю на бегу, трава торчит иголками из грунта».

Но иголки, торчащие из грунта не самое страшное для стайера черный круг, из которого очень трудно выбраться, уже кажется с горкой мишенью. Внутри самой мишени для прицельной стрельбы нанесено десять концентрических окружностей. И если лирический герой не сможет вырваться из «черного замкнутого круга», то кон-

центрические круги мишени не оставляют ему уже никакого шанса на спасение. Мечись, не мечись. Мишень остается мишенью. Тут можно уповать не только на свои силы, а и на Бога.

А поэт Борис Орлов, следуя поговорке «на Бога надейся, да сам не плошай» создает символ настоящего воина, который будет биться до последнего своего вздоха, но не сломается, не сдастся в плен, а защитит свою Родину и идею свободного человека. Всю эту бурю страстей Борис Орлов показал в стихотворении:

Черный кот на моем щите.
Меч короткий в смуглой руке.
Возле Рима мой друг на кресте
Отражается в чистой реке.
Ну, а я в бою уцелел
И от римлян ушел в леса.
Есть у каждого свой удел.
Где Спартак? На щеке – слеза…

Я не сдамся в плен! Я пою
Гимны Марсу. Ко мне, рабы!
Лучше смерть от меча в бою,
Чем арена и рев толпы.

В какую глубокую древность виртуально унесся в этом стихотворении поэт Борис Орлов… В эпоху Древнего Рима. Еще почти за столетие до Новой эры: Восстание рабов под командованием Спартака. Какие яркие и впечатляющие детали восстания приводит он, словно сам в нем участвовал. И говорит поэт от первого лица.

Какой же из себя сподвижник Спартака? В руке короткий меч гладиатора. с таким мечом идти в бой нужна сноровка и беззаветная храбрость. Воин сталкивается с противником почти лицом к лицу, нос к носу. И выживает в такой скоротечной схватке сильнейший. Про ловкость гладиатора говорит эмблема на его щите: черный кот. Кот не только ловок, но и хитер, может глаза выцарапать своему обидчику. А черный кот вселяет мистический страх даже человека. Он символизирует нечистую силу и суеверие граждан, когда черный кот переходит дорогу, пытаются не пересекать путь черного кота, а обойти его по другой стороне улицы. Но армии Помпея и Красса уже разбили войско Спартака. Его тело не опознали на поле битвы,

но нет его и среди распятых на кресте рабов.

Но его друг, уцелевший в бою, желает отомстить за гибель Спартака врагам. Бывший гладиатор много раз бился на арене цирка, но ни разу не проронил слезинки. А тут…

Поэт одним штрихом показал скорбь гладиатора: «Где Спартак? На щеке – слеза…».

Хорошо показана психологическая драма лирического героя. Для него попасть в плен – снова стать рабом. А у него голова закружилась от глотка свободы во время восстания рабов. Он перестал быть рабом и стал свободным человеком. Борис Орлов отметил в стихе это перевоплощение раба в свободного человека. Так: «Ко мне, рабы! Лучше смерть от меча в бою, чем арена и рев толпы».

А память возвращает лирического героя снова в наше время. В родной для моряков город – Петербург. Но кто помнит о его былых заслугах? Заслужить славу поэта еще труднее, чем боевую славу. И поэт Борис Орлов берет эпиграфом для стихотворения «Между черным и белым» строчку из Есенинского письма к женщине – «Моя поэзия здесь больше не нужна…». Дальше у Сергея Александровича следует продолжение: «да я и сам ни капельки не нужен». Но эти слова поэт Орлов опустил. И правильно сделал. Своим стихотворением он убедительно показывает, что его-то поэзия как раз и востребована его Родиной-Россией. Рассказать о патриотизме без крикливости и пафоса не каждый сумеет:

Между черным и белым – контраст
Над Невою в гранитной оправе.
Этот город меня не предаст,
Но и памятник мне не поставит.

Сплетни кружатся, как воронье,
И парят, словно чайки, легенды…
Настоящее имя мое
Под запретом до траурной ленты.

То ли свет, то ли снег с облаков
На ладонях у кариатиды.
Возвращаю долги… И врагов
Начинаю прощать за обиды.

Эпиграф из стихотворения Сергея Есенина выбран поэтом Орловым не случайно. В их стихах есть созвучие. Только созвучие проявляется не в стиле, не в оборотах речи, тут у них у каждого своя индивидуальность, а в душе, в одухотворенности поэзии. Куда они положили душу на алтарь отечества. Но встречаются кое-какие и параллели.

Вот Борис Орлов с уверенностью заявляет: «Этот город меня не предаст, но и памятник мне не поставит». Есенин же сомневается. Он сначала пишет о своей мечте: «И будет памятник стоять в Рязани мне». Но затем его настроение меняется, и он резко бросает слова: «И без меня в достатке дряни. Пускай я сдохну, только нет… Не ставьте памятник в Рязани».

Что только не сочиняли и не приписывали Есенину. Но вся шелуха и мишура со временем отлетела. И памятник Сергею Александровичу, великому русскому поэту поставили в Рязани. И не только. Поставили во многих других городах, где он бывал. И даже где никогда не бывал. Но зато все знают и помнят его светлые стихи. А это самый прочный материал для памятника – народная память.

Поэтому я считаю, что Борису Александровичу не стоит торопиться с категорическими выводами. Время покажет и рассудит: «Кто есть кто». А пока лирическому герою достается. Идет настоящая травля: «сплетни кружатся, как воронье, и парят, словно чайки, легенды…».

Морской волк с атомохода должен не слишком высовываться, а, наоборот, скрывать свою принадлежность к секретному оружию государства. Потому поэт и заявляет: «Настоящее имя мое под запретом до траурной ленты».

Траурная лента черного цвета, а в начале стихотворения говорилось: «Между черным и белым – контраст». Не потому ли после черного цвета траурной ленты поэт вставляет такую светлую и белую метафору «То ли свет, то ли снег с облаков на ладонях у кариатиды».

А вот почему о лирическом герое слагаются и сплетни, и легенды Борис Орлов поясняет, что не только из зависти, а из-за тяжелой болезни. Мирный атом, который герой крыл матом, отомстил ему со временем.

Отшлифованы лет круговертью
наши судьбы – природа мудра.
Я был проклят не жизнью,
а смертью,
что за мной приходила вчера.

Улыбнулась – красивая баба!
Позвала, но не вышел за ней
в царство мертвых…
И жизнь не для слабых –
поживу! Что мне в мире теней?!

Глазки строила – можно влюбиться.
Оборвал: «Уходи-ка одна!
Все там будем… Зачем торопиться?!»
Будь ты проклят!» - сказала она.

Если станет и горько, и больно,
Потерплю… Я учен и кручен.
Проклят смертью,
а значит невольно
я на долгую жизнь обречен.

Вот такой диалог, спор не на жизнь, а на смерть придумал поэт Борис Орлов. Спорить со смертью проблематично: скинет с плеча косу и – вжик! – глядишь, а ты уже «в мире теней!». Я поставил только восклицательный знак, а вопросительный знак опустил. Хотя он был в обнимку с восклицательным в стихотворении Бориса Александровича. Я восхищался смелостью лирического героя, который вступил в полемику со Смертью, и плевал он на её угрозы.

Изменил поэт Орлов и сложившийся стереотип, облик старухи – Смерти. Вместо головы голый череп с пустыми глазницами скелет прикрытый саваном и на плече коса. А кто предстает пред смертельно больным лирическим героем – улыбчивая «красивая баба!», в которую невозможно не влюбиться. Она строит глазки и соблазняет героя: «не хотите ли пройтиться по шоссе, где милиция крутится и вообще…». Вот тут и начался конфликт героя со смертью. Прикинул лирический герой: «Стоп, а не дурак ли я?». И поняв, что дурных нема, не потянулся за смертью-старухой. Да еще и надерзил: Успею

мол я «в царство мертвых… И жизнь не для слабых – поживу!». Старая карга рассердилась и на свою дурную голову разгневалась и крикнула «Будь ты проклят!» А лирический герой вместе с поэтом Борисом Орловым это проклятие восприняли как выдачу индульгенцию герою на бессмертие. Борис Александрович так обыграл этот пассаж смерти! По всем театральным правилам в конце трагедии или драмы главный герой пьесы произносит монолог. А после монолога пусть хоть Всемирный потоп наступает. Но лирический герой обводит смерть вокруг пальца: «Если станет и горько, и больно, потерплю… Я учен и кручен». Только смерть собралась напомнить герою о своем проклятии, но он опередил её, и привел такой неотразимый аргумент, что беззубая старуха улыбнулась и убралась восвояси. «Проклят смертью, а значит, невольно я на долгую жизнь обречен».

Читатели ощутят в словах лирического героя не только иронию, но и веру, что последние слова о долгой жизни сбудутся. Тогда можно будет открыть свое настоящее имя, написав его не на траурной ленточке. А на небесных скрижалях.

Вера в то, что жизнь будет не только долгой, но к тому же и прекрасной и удивительной, поборола «безверия юдоль». У каждого своя дорога к храму. А у лирического героя поэта Орлова она была вот такой:

Заросли травой руины храма.
Но, пройдя безверия юдоль,
В состраданье, словно в волчью яму,
Я попал – в глазах слепая боль.

Стыдно, что порою беззаботно
Жил и не крестил перстами лоб.
Жаль мне стариков, детей, животных…
Всех, кто беззащитен, слаб и добр.

Прозреваю от печальной боли:
Вместо сердца – теплая зола.
Купол золотой блестит над полем,
И поют во ржи колокола.
Встанут храмы, - оживет Россия,
Дети запоют, как соловьи.

Наша жизнь не в злобе и не в силе,
А в смиренной вере и любви.

В этом стихотворении Борис Орлов показал долгую и дальнюю дорогу лирического героя от безверия до Веры. Многие из нас прошли этот путь, но мало кто с таким надрывом и откровенностью сумел рассказать о своих переживаниях. Говорят, что чужая душа потемки. А лирический герой в этом стихотворении раскрывает свою душу нараспашку, чтобы все из его окружения увидели добрый свет души, у которой есть устремление к Богу. Сделал он для того, чтобы не только он, а и все другие последовали его примеру.

Лирический герой, находясь в безверии, равнодушно реагировал на страдания других, не трогали его душу и «руины храма», которые «заросли травой». С верой в бога у него все перевернулось в душе. Да не все гладко бывает в нашей жизни. Свет и сострадание, появившиеся в душе у героя, принесли ему самому страдание и боль. Он, пишет поэт, попал «словно в волчью яму – в глазах слепая боль». Это интересное сравнение Бориса Орлова. Обычно людям застилает глаза, ослепляет их блеск золота, или злоба и ненависть, а у лирического героя «слепая боль» появляется от сострадания к людям. «Жаль мне стариков, детей, животных… Всех, кто беззащитен, слаб и добр».

Но бывает именно боль, которую испытаешь от удара судьбы, дает возможность почувствовать и чужую боль. Приходит прозрение: «Неужели мое сердце сгорело дотла и превратилось в кучку теплого пепла, что не воспринимает чужие страдания?»

Но шаги к вере уже сделаны, прозрели и глаза героя. Храм, хотя и лежит в руинах, но зато лирический герой видит благодать: «Купол золотой блестит над полем, и поют во ржи колокола». Да, да именно во ржи не перепела, а колокола. Вот как обыграл образ церкви, которая воздвигла храм в чистом поле. Это в награду за то, что травы заглушили «руины храма» разрушенного.

И вывод поэта Орлова однозначен. Он твердо, уверенно заявляет: «Встанут храмы, - оживет Россия. Дети запоют, как соловьи». В этой лучезарной фразе поэт уповает, что у России впереди великое будущее. Вернется не только вера, а вырастет славное и не равнодушное новое поколение. В храмах будут, а не во ржи, петь колокола и … дети, заливаясь в хоре. Как соловьи.

Концовка стихотворения у поэта Орлова как всегда афористична: «Наша жизнь не в злобе и не в силе, а в смиренной вере и любви».

Но и этого прозрения лирическому герою мало. Он продолжает искать истину во всех закоулках своей широкой души. Без всякой щепетильности он влезает во все темные закоулки, чтобы везде был свет. И кается во всех своих грехах:

Я слабым был. Я тайно слезы лил.
Но чтоб не утонуть в соленой луже,
Огнем страстей я сердце закалил,
Как меч. Теперь оно – мое оружье.

На Божий мир смотрю не из угла
И не унижусь я до личной мести.
Я сердце поднимаю против зла,
А «не убий!» – во мне на первом месте.

Свою душу лирический герой вывернул наизнанку. Признать себя слабаком, удел сильного и справедливого человека. Но лирический герой планку нравственности поднимает еще выше. Слезы он лил тайно. Но, даже, увидев, что на полу появилась «соленая лужа», собрал в кулак свое мужество и сделал еще один необходимый шаг, и делает признание: «Огнем страстей я сердце закалил, как меч. Теперь оно – мое оружье».

Теперь в груди героя лежит «вместо сердца» не «теплая зола». А бьется героическое беспокойное сердце настоящего бойца. В случае опасности для Родины, он может применить свое грозное оружие, и покорить врага мечом. «Кто на нас с мечом пойдет, от меча тот и погибнет». Сказано давно, но действует это предупреждение и до сих пор.

Лирический герой в этом стихотворении поэта Бориса Орлова борется за честь России, но он благодарен, и не опускается до личной мести. Он считает личную месть – унизительной для себя. Цель у лирического героя не только благородная, но и выше личного: «Я сердце поднимаю против зла, а «не убий!» - во мне на первом месте».

И сердце лирического героя успокаивается. Выбрана правильная дорога, и сердце теперь бьется ровно и спокойно – теперь можно зайти в храм и помолиться. Что лирический герой и делает:

С ладони птичку покормил –
И в храм вошел согрет.
Иконы – окна в Божий мир,
Из них струится свет.

Когда в душе темным-темно,
Когда она болит –
Для излечения дано
Свечение молитв.

Вот как светло и уютно стало душе лирического героя. Покормил крошками с ладони птичку, и от её доверия, получила душа тепло. Герой заявляет, что в храм вошел согрет. А, войдя в храм, сделал новое открытие: Свет льется сквозь церковные витражи, но окнами «в Божий мир» лирический герой воспринял иконы. Именно из них: «струится свет» из Божьего мира.

Это озарение пришло к лирическому герою внезапно. Поэт Борис Орлов в стихотворении объяснил читателям, как муторно было на душе у лирического героя при входе в храм: «Когда в душе темным-темно, когда она болит…». Но в храме хандра исчезла. А причина такой перемены поэт объясняет просто: «Для излечения дано свечение молитв». Свет, льющийся через окна икон, благотворен: душа принимает свет, идущий от икон, и возвращает его обратно уже свечением своих молитв.

Этот феномен вспышек света от икон храма, вызывающих свечение в душе прихожанина, поэт Борис Орлов развивает до масштабов нашей Родины. Возрождается душа не одного богомольца, а души всего народа России. И Борис Александрович эту картину и разворачивает перед читателями:

Возрождает Господь колокольные звоны,
Оживают и вера, и святость в словах.
Покаянная скорбь. Горько плачут иконы,
Словно старые матери, в русских церквах.

Прозреваем и в белые храмы приходим,
Черный грех из души прогоняем крестом.
Горько плачут иконы о русском народе –
Блудном сыне, пришедшем в родительский дом.

Искушенье народа – нет хуже напасти:
Продается душа, чтобы тешилась плоть.
Квартиры Кремля не управились с властью –
Православною Родиной правит Господь!

Возродил Господь колокольные звоны над Россией. Но пока «вера и святость в словах». Зато «покаянная скорбь» искренняя. В стихах Бориса Орлова в русских церквях «плачут иконы и старые матери».

В «белых храмах» все больше прихожан, которые «черный грех из души прогоняют крестом».

А лирический герой возвращается в родительский дом. Как «блудный сын». Но все же поэт Борис Орлов считает, что «искушенье народа – нет хуже напасти: продается душа, чтобы тешилась плоть». Вот какие противоречивые чувства и страсти показывает Борис Александрович. С одной стороны искреннее раскаивание «блудного сына», а с другой стороны «продается душа, чтобы тешилась плоть».

С одной стороны нищий оборванец пришел с покаянием к мудрому отцу. Предупреждавшего сына, что гордыня не приведет к добру. С другой, чтобы ублажить свою плоть. Многие в народе без зазрения совести продадут свою душу хоть черту, хоть дьяволу. Можно обвинить меня во лжи, мол, черт и дьявол – одна сатана. Но, по-моему: черт – это русское название нечистой силы, а дьявол – иностранное. А значит это уже не одно и тоже. Просто одни продают свою душу за рубли, а другие за доллары. Но вывод поэта Орлова жесток и горек: «Квартиры Кремля не управились с властью», и только одна на душе отрада: «Православною Родиной правит Господь!».

Жалко только, что Господь управляет только душой народа. А благосостояние народа зависит от руководства Государства. От Кремля. А они-то не управились с властью, пустили катиться с горы под откос страну. Об этой трагической странице нашей истории и рассказывает Борис Александрович в своем стихотворении: «Ты своей душой богата». Он начинает стихи восторженно, и тут же спускается с небес на грешную землю:

Ты своей душой богата – прелесть! –
Но карманы у тебя дырявы.

На тебя моя страна, слетелись,
Как слепни, любители халявы.

По трясине гиблый путь проложен.
Чтоб не утонуть, молись и кайся!
У тебя сдирают словно кожу.
Землю хитроглазые китайцы.

Не своих – чужих ты кормишь щедро,
А своим не оставляешь шанса.
Словно кровь, высасывают недра
Европейцы и американцы.

… Перед тем, как распрощаться с ленью
И зашить дырявые карманы,
С чердака достань дубовый веник –
Прогони слепней в другие страны.

У страны нашей прелестной и богатой, по мнению лирического героя, золотой запас хранится только в душе народа. А все чем владеет Россия и что создается руками россиян, многое утекает. Как вода между пальцев. Эту бесхозяйственность Борис Орлов показывает одной репликой: «Но карманы у тебя дырявы». Сколько не набивай такие карманы деньгами. Богатенькими Буратинками не станешь. Не в коня корм.

А тут еще завелись «любители халявы» - слепни. Этих халявщиков и кровососов выплескивает на свет божий, хотя все знают, кто они. Но Борис Орлов любит конкретность. А потому называет все своими именами. «Словно кровь высасывают недра европейцы и американцы». Как тут не вспомнить рекламу про Леню Голубкова, где он говорит своему родственнику: «Мы же с тобой не халявщики, а партнеры!»

Партнерство предлагает равенство. А про это равенство лирический герой только слышит, а видит картину, и говорит правду-матку. Глядя в глаза своей стране: «Не своих – чужих ты кормишь щедро, а своим не оставляешь шанса». Да и дорогу-то в светлое будущее прорабы перестройки проложили по болоту, по мхам и кочкам. Не отсыпав насыпь из песка и щебня. Опять приходится роптать герою, да сетовать, уповая на Бога. «По трясине гиблый путь проложен,

чтоб не утонуть, молись и кайся!»

Но довольно посыпать голову пеплом и бранить европейцев, американцев, китайцев. Нужно же и самому принять какие-то экстренные меры. Правительство младо-реформаторов кто только не ругал. Только ленивый не пнул его под зад. Но поэт Орлов призывает всех лентяев «распрощаться с ленью. И зашить дырявые карманы». А трудолюбивому народу предлагает тоже не плохую идею: «С чердака достать дубовый веник и прогнать слепней в другие страны». Может быть там хвосты подлиннее и прихлопнут кровососов, после первого же укуса.

Чего же не хватает трудолюбивым людям в нашей стране? В стихах Бориса Орлова можно найти ответ и на этот вопрос. Его лирический герой едет в переполненной до отказа электричке. Где людей как селедок в бочке, и под стук колес, в такт им читает стихи Бориса Александровича:

И ничто я, и никто я,
В электричке еду стоя.

На удачу не в обиде,
Но она меня не видит.

И она меня не слышит,
Потому что ровно дышит.

Поняли, чего не хватает трудолюбивому человеку? Совершенно верно – удачи!!!

Но даже в этом стихотворении про удачу Бориса Александровича, удача-то улыбается не каждому. Стоит лирический герой, сверкает сединами волос на голове, держится за поручень, или ручку скамейки – диванчика, на которой сидит молодой парень, и носом не водит, отвернулся в сторону, но место пожилому неудачнику, которому сидячего местечка в электричке не досталось, не уступит.

Стоящий пассажир на «удачу не в обиде, но она его не видит». Хотя удача дама глазастая, но равнодушная. Она и слышать ничего не хочет … Как тяжело дышит ей в ухо, рванув бегом к дверям электрички, чтобы они не захлопнулись у него перед самым носом, оставив мужчину на перроне.

Вот и не обижается на удачу лирический герой. Ему она по-

зволила все-таки вскочить в последнюю секунду до отправления поезда в тамбур. Как можно оградить себя от равнодушия, хамства, от нищеты? У каперанга Орлова есть ответ, как у главного героя кинофильма «Два капитана» по книге Каверина. У него был единственный девиз: «Бороться, искать, найти и не сдаваться». Каперанг Орлов тоже придерживается этому правилу. Он для защиты лирическому герою предлагает вот такой план – перейти в глухую оборону, используя орудие противника:

Не стал умней, не стал грубей,
Сомненьем взят в блокаду.
Бросайте камни! Из камней
Построю баррикаду.
Тонул в воде, горел в огне…
И сиры мы, и голы.
И море по колено мне,
Зато беда по горло.

Здесь есть пара фраз библейского изречения: «Кто считает, что я не прав – пусть бросит в меня камень» и «Время разбрасывать камни. И время собирать их».

Лирический герой стихотворения поэта Орлова делает и то и другое. Он просит: «Бросайте камни!», но лишь для того, чтобы, собрав их, построить баррикаду.

Лирический герой отчаянный парень. Он и в огне не горит, и в воде не тонет. И, как моряку, ему даже море по колено. Но, когда читаешь строку Бориса Орлова: «Зато беда по горло». Мне к горлу подкатился ком. Как в двух строфах уместить столько информации с глубоким философским смыслом? Я слышал, что искусство губят два чудовища. Первое: отличный художник, но не мастер. Второе: отличный мастер, но не художник.

А вот Борису Орлову, соединить два чудовища вместе удалось, стать отличным художником и великолепным мастером в одном лице. Но как это удалось ему сделать, спросите у него самого. Но частично я удовлетворил свое любопытство и узнал, как могут уживаться в одном человеке две ипостаси – художника и мастера в стихотворении Бориса Орлова «Библиотека».

Драмы. Темные вспышки страстей.
Тайны тайн. И разгадки секретов.
Книги – кладбища древних идей
И хранилища острых сюжетов.

Зрелой речью полны закрома,
Переплеты наряднее франтов.
Стеллажи мудрых книг – роддома
Для намеченных Богом талантов.

Читая стихотворение поэта Орлова, я как будто бродил по Эрмитажу, и с раскрытым ртом внимательно слушал экскурсовода. Вот он говорит: «Драма» и я узнаю, какой чудовищной должна быть совесть, давая приют под одной крышей и преступнику и судье. Преступник считает, что судья назначил слишком большой тюремный срок. Судья же был уверен в справедливом наказании преступника. А из зала судебного заседания зрители возмущались: «Мало ему, гаду, дали!». Темные вспышки страстей. Что ж, вожделение такое же свойство, как голод или жажда. Но даже самыми благородными намерениями управляют страсти. Притом темные страсти. Ведь сколько прекрасных поступков продиктованы честолюбием, а сколько высокомерием? Страсти не только изменяют наши чувства, а иногда приводят в полное бешенство. Нашу мудрость побеждает безумие, А фантазии, которые рождаются в нашей голове намного лучше. Чем наши рассуждения.

Тайны тайн. Почему запрет придает запрещаемому предмету такую привлекательность? Почему подлецам удается добиться доверия даже у очень подозрительного человека. Почему умные государственные деятели так легко подкупаются на лесть проходимцев.

Разгадки секретов. Корень всех заблуждений – это чрезмерное высокое мнение людей о себе. Похвали глупца, и он выложит все свои секреты. Принесет вам на блюдечке с голубой каемочкой.

Книга – кладбище древних идей. Знания и мудрость – удел Бога. А мы только крадем у него то, что приписываем себе.

И хранилище острых сюжетов. Остросюжетные истории – обоюдное оружие. Оно обременяет хозяина и может его противник им воспользоваться и применить против хозяина. И горе хозяину обоюдоострого оружия. Если его руки слабы, и он плохо умеет поль-

зоваться этим острым оружием. Так и в острых сюжетах. Все зависит от остроты ума писателя, поэта.

Зрелой речью полны закрома. Надо много учиться, чтобы самому осознать, как мало ты еще знаешь. Знания не стоит, как медаль, нацеплять на грудь. Знания нужно впитывать в себя. Ими нужно пропитать свою душу. Но книжная ученость пока еще только украшение ума, а не его фундамент.

Переплеты – наряднее франтов. Бережливость и расточительность вещи сами по себе. Это ни благо, ни зло. Но, если переплеты книг наряднее франтов могут быть наряднее, чем одежда у франтов, то у франта намного меньше знаний, чем под переплетом одной всего-навсего книги.

А вот делать аранжировку выражения поэта Бориса Орлова не собираюсь, а привожу для понимания красоты стихотворения «Библиотека» только цитату: «Стеллажи мудрых книг – роддома для намеченных Богом талантов». Мне всегда говорил редактор Владимир Васильевич Островский, что писатели рождаются не в литобъединениях, а в роддомах. Но без посещений библиотек ни один роддом не поможет. Талант нужно огранить, отшлифовать, чтобы он засверкал бриллиантом.

Сейчас, после попыток Запада присвоить себе заслуги Победы в Великой отечественной войне, тема об этой трагедии стала очень актуальной. Есть в книге «Звездный свет» Бориса Орлова такое стихотворение:

Дома взрывались. Рожь в полях горела.
Накрыло похоронками страну.
Из черных репродукторов – тарелок
Народ хлебал соленую войну.

Качались бомбовозы, словно клецки!
Война плыла над крышами жилищ.
Соленая от вдовьих и сиротских
Слез. Черная от мертвых пепелищ.

Смешалось все: бесчисленные беды,
Герои, оклеветанный Главком.
Войну не расхлебать! Она победой
Окончилась, оставив в горле ком.

Прочитав стихотворение Бориса Орлова без названия, подумал, что ему мог бы соответствовать заголовок: «Знаки войны – знаки беды».

Ведь он сам в последней строфе концентрирует внимание читателя на этом: «Смешалось все: бесчисленные беды, герои, оклеветанный Главком. Войну не расхлебать! Она победой окончилась, оставив в горле ком».

У Михаила Лермонтова написано стихотворение о подобной победе русского оружия России – «Бородино», сделавшее его знаменитым. У Михаила Юрьевича есть фраза: «Смешались в кучу: кони, люди». И в стихотворении Бориса Александровича есть слова горькой правды: «Смешалось все: бесчисленные беды, герои, оклеветанный Главком…». Только Лермонтову повезло. Он сказал: «Недаром помнит вся Россия про день Бородина». И так оно и было, Россия гордилась, ликовала. Даже сами французы понимали, что Россия спасла Францию от диктатора, взяв Париж. Но Наполеон по сравнению с Гитлером мальчик в коротких штанишках.

Про взятие Берлина советскими войсками Борис Орлов писал с гордостью за своего отца, который не только дошел до Берлина. Он даже вышел, отправляясь домой, через Бранденбургские ворота. И Советский Союз всегда с триумфом отмечал день Великой Победы – 9 мая. Но сейчас в России, некоторые лица пытаются очернить эту память о Победе. Взять горькую фразу: «Герои, оклеветанный Главком». Клевеща на Сталина, он втаптывает в грязь и Россию, чтобы она позабыла о дне 9 мая 1945 года. О своих героях.

Но вернемся о знаках войны и беды поэта Орлова. Эти знаки взрывают пространство Родины, которая яростно сопротивлялась новой орде. Вот скорбные слова поэта: «Дома взрывались. Рожь в полях горела. Накрыло похоронками страну. Из черных репродукторов – тарелок» вещались новости Совинформбюро. И про эти тарелки Борис Александрович сказал, что из этих «тарелок народ хлебал соленую войну».

Люди плакали, узнавая, что фашисты заняли очередной русский город.

Жители нашей страны не только слушали об отступлении Красной Армии, но своими глазами видели, как разрушают их дома самолетные бомбежки. «Качались бомбовозы, словно клецки». Ори-

гинальное сравнение, жалко, что эти «клецки» несли смерть и разрушение домов – на их крыши сыпались бомбы. Войну показывает поэт морем вдовьих и сиротских слез и их черные лица потемнели от горя, очень похожих на цвет пепелищ. Которые оставались после бомбежек.

Горе от этой войны России никогда не забыть, об этом Борис Орлов точно сказал: «Войну не расхлебать»

Но жизнь продолжается. Рождаются в семьях дети и уходят в мир иной ветераны войны – старички. Об этом и написал стихотворение поэт:

В полях – просторно, в доме – тесно.
Мир бренных освещен луной.
На детских лицах свет – небесный.
На лицах стариков – земной.

Ночь превратила хутор в крепость,
Подернув сумраком поля.
Детей в дремоте манит небо.
А стариков зовет земля.

И явь, и сон… живем, как дремлем.
Мир отражается в глазах.
Придя с небес. Ложимся в землю,
Чтобы воскреснуть в небесах.

Лирика стихотворения завораживает. Поэт говорит вроде бы о грустных событиях. А на душе светло. В первой же строфе поэт говорит об этом свете: «Мир бренных освещен луной». Вроде деталь незначительна, не все ли равно усопшим – светит ли луна или нет? Но память-то о них осталась, так пусть память о них останется, даже ночью светла. Пусть уж ночное светило позаботится об этом.

Зато на детских лицах сияет ангельский свет. И этот небесный свет им снится, а от радости блуждают улыбки на лицах малышей. Стариков же беспокоят земные заботы, хлопоты и жизнь накладывают на их земные лица свой отпечаток.

В первой строчке Борис Орлов использовал красивую метафору: «В полях – просторно, в доме – тесно». Как в поговорке: «В тесноте. Но без обиды». Но как ловко перевел просторные поля в

ограниченное пространство: «Ночь превратила хутор в крепость, подернув сумраком поля». В сумраке ночном тяжело шагать по полю. Его широта скрадывается, и дорога путника-пилигрима кажется бесконечной. И ступать быстро боишься, не угадать бы в яму, или споткнуться об ухабы. Да и ориентир потерять можно, и будет тогда водить ночного странника леший по кругу. Ни доехать, ни дойти до своего дома не возможно.

Но поэт и из этой ситуации выходит сухим из воды: небо и землю он одним жестом руки, распределив роли детей и стариков, «детей в дремоте манит небо, а стариков зовет земля». Кого не умиляют дети? Такого человека, который бы без умиления смотрел на них. Трудно не только отыскать, об этом подумать даже неловко. Но бывает, что даже о грустном можно сказать задорно и даже весело. И поэту Борису Орлову это удается. Он завершает это лирическое стихотворение классически: «Придя с небес, ложимся в землю, чтобы воскреснуть в небесах».

А у каперанга свое мнение о воинском долге и о службе морской. Для него экипаж – родная семья, Родина – его жизнь. Стихотворение на эту тему и написал Борис Орлов, и посвятил их экипажу атомной подводной лодки «Волгоград».

Нам под волнами шар земной послушен,
В реакторе беснуется уран.
Уходит от причала наша сушу
И курс берет в открытый океан.

Подводников возвышенные лица…
Но где мы, неизвестно матерям.
Мы – часть России, мы несем границу
Страны по океанам и морям.

То солнце обожжен, то вновь простужен
Над зыбкими волнами горизонт.
Для государства субмарина – суша,
Россия там, где наш подводный флот.

В стихотворении поэта Бориса Орлова есть очень важная деталь. В субмарине сердце подлодки – атомный реактор, а в стихотворении поэта самая главная для подводников, его друзей и для него

самого – это суша!

Но не просто суша: причал, города, в которых живут моряки и служат. Суша в понятии поэта у него распространяется на весь земной шар. Вернее на всю его акваторию морского пространства морей и океанов. Секрет Бориса Орлова открывается просто потому, что и секрета-то никакого нет. Есть закон об экстерриториальности любого корабля: Вся территория судна от киля до клотика является территорией того государства. Чей флаг вьется на корабельном флагштоке. В нашем случае – это флаг и территория России.

Вокруг этого замечательного факта и начинает «танцевать» в своем стихотворении, как и положено, поэт Борис Орлов. Он сразу берет быка за рога и заявляет, что уходит в кругосветное плавание: «нам под волнами шар земной послушен… Уходит от причала наша суша (субмарина) и курс берет в открытый океан».

О своей секретной миссии говорит лишь один штрих: «но где мы, неизвестно матерям». Зато, где бы ни появилась субмарина, там и проходит граница нашей Родины. Этим и гордятся моряки, и даже космонавты: «Родина слышит, родина знает, где её сын в глубине или в облаках пролетает, проплывает!» От родной матери сын таится, а для Родины его местонахождение знать обязательно.

Лирический герой не только сам гордится возложенной на него миссией миротворца. Он с огромным уважением относится к своим товарищам и говорит: «Подводников возвышенные лица». Одухотворенность для миротворцев необходимый атрибут. Они представляют при запланированной встрече не только себя, а всю Россию, потому и марку страны держать высоко: «Для государства субмарина – суша, а Россия там, где наш подводный флот».

Лирический герой настолько проникся любовью к флоту, что отвык от городской жизни. В городе течет время размеренно и спокойно. Тишь, гладь, сплошная благодать. Но в городе сваливаются на голову пилигрима сотни проблем: если на подлодке все на виду, то в городе люди забиваются в свои закутки, плетут интриги, случаются ссоры, как у пауков в банке. Но у жителей коренного города и лица становятся непроницаемыми, каменными. Есть такое избитое, расхожее выражение: «каменные джунгли». Но в джунглях есть свои жертвы и охотники, притом зачастую роли быстро меняются. Сегодня ты охотник, а завтра можешь оказаться жертвой.

Но Борис Орлов выбрал другое сравнение. Он городских жителей сравнил с пауками, а разветвленная инфраструктура города представляется паучьей сетью:

Мы – пауки… В потемках город ранний
Стареет от размеренных речей.
Мы каменную паутину зданий
Ткем из огнеупорных кирпичей.

Но жарких споров нет. И наши стены
Прохладны в кружевах от лунных спиц.
То красный крест мелькнет, то вой сирены
Напомнит, что живем среди больниц.

А встанет черный крест – и нету сына,
Сестры, отца, подруги… Лес крестов.
Мы – пауки… И кладбищ паутина
Натянута в провалах городов.

Поэт не напрасно присматривался долго и упорно к городской жизни. Она кипит в рекламах проспектов, бурлит в барах и ресторанах, но все это суета сует и томление духа. Но, возвратившись во многоэтажный муравейник, залезаем в свои квартирки – ячейки и затаиваемся там, притихнув, как пауки, поджидающие муху. Но поэт в этой мрачной паучьей атмосфере умудряется увидеть хоть что-нибудь положительное. Лирический герой говорит: «Мы каменную путину зданий ткем из огнеупорных кирпичей». Ткать могут паутину, разумеется, только пауки. Но почему из огнеупорных кирпичей тоже понятно: Москва, пока не стала белокаменной, от одной спички, небрежно брошенной в деревянной избе, сгорела дотла. Одни головешки остались чернеть.

Теперь «паучьи» норы поджечь трудно, они каменные. Но есть и другая причина, Борис Орлов на неё с хитроватой улыбкой указывает: «Жарких споров нет. И наши стены прохладны». Итог понятен: каменные прохладные стены даже очень горячими спорами не подожжешь.

А какая изящная метафора рождается у поэта про прохладные стены, они «в кружевах от лунных спиц». Круглая яркая луна, вот какая рукодельница: она вяжет кружевные узоры лунными спицами.

Есть и другие яркие образы, но, к сожалению, про неприятные вещи – про наши болезни: «красный крест скорой помощи и её вой сирены» заставляют вздрогнуть лирического героя. Ведь это напоминание нам, все мы подвержены болезням.

А вот дальше начинается и вовсе черная полоса, а вернее черный крест. Поэт говорит еще более мрачно: «Лес крестов». Ведь у лирического героя никого не осталось: ни сына, ни сестер, ни отца, ни брата. Полная питерская сирота.

И последняя фраза Бориса Орлова начинается с того же слова. Что и первая: «Мы пауки… И кладбищ паутина натянута в провалах городов». Но это, как говорится, личное впечатление о своем личном горе.

А вот беспокойство о своей Родине, о родной России заставляет сердце поэта Бориса Орлова стучать, словно набат гремит: Бам, бум, бам.

Просторы Родины простираются «от Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей». И капеpанг, служивший на северном флоте, с этого гимна начинает и свое стихотворение:

Холодные тучи. Теней табуны
От тундры бегут до степей.
Россия заходит, как солнце. Темны
Печальные лица людей.

Мы плачем. Лихие клянем времена.
Сердца превращаются в лед.
Россия заходит на запад. Она
Светло на востоке взойдет.

Многие поэты сравнивали Россию с Солнцем, а вот, что солнышко России закатывается за горизонт и именно в конкретный период лихих девяностых никто не применял такой образ.

А заход России – Солнца показывает Борис Орлов одним намеком: На заходе солнца тускнеют, а поэт добавляет – «Темны печальные лица людей». В следующей строке прямой намек на лихие девяностые: «Мы плачем. Лихие клянем времена».

Есть и другая примета захода солнце – России. Как только солнце перестанет светить, так в это время и тепло улетучивается. А поэт Орлов вздыхает, произнеся: «Сердца превращаются в лед».

Стихотворение вроде грустное, но никакой безнадеги не ощущается. Наоборот, слышится оптимизм и надежда в словах поэта: «Россия заходит на запад. Она светло на востоке взойдет».

Но вот снова призывает труба лирического героя на службу. А перед тем как горнист сыграл подъем, герою снился сон:

Снится сон: мучительно и странно
Видеть заполярную весну.
С аварийным дифферентом на нос
Мой корабль уходит в глубину.

Океан раскачивают ветры.
Айсберг отражает лунный свет.
Глубина – четыре километра.
Дно – гранит. На всплытье шансов нет.

Просыпаюсь. Сердце не спокойно.
Не спасет от бед уют квартир.
В полигонах вызревают войны.
Скоротечна жизнь. И зыбок мир.

Хотя поэт изначально заявляет, что описанный в стихотворении кошмар, лишь сон, но Борис Александрович говорит о деталях этого сна так ярко, и с таким надрывом, что на голове от ужаса волосы дыбом встают: аварийный дифферент, глубина, на которую опустилась подлодка – четыре километра, безнадежная.

Лирический герой болен, а во время болезни чего только не взбредет в голову. Один философ советовал любому больному не зацикливаться и не думать о смерти. Его формулировка резкая, четкая с глубоким смыслом: «Ты умираешь не потому, что болеешь, а потому, что живешь. Смерть всесильна и покончит с тобой и без помощи болезни».

Но и поэт Борис Орлов мудр. Он сначала нагнал шороху. Закрутил пружину интриги до предела, а потом щелчок пальцами правой руки и команда: «Внимание! Я говорю о глобальном кризисе и войнах в этом сегодняшнем мире. Ваша лепта, крохотная на первый взгляд, может изменить баланс сил в лучшую сторону: «В полигонах вызревают войны. Скоротечна жизнь. И зыбок мир».

Но лирическому герою все-таки предстоит долгая борьба со

своей хворью. Боль достает его до такой крайности, что герою приходится её на лист бумаги, переплавлять боль в стихотворение:

Уже не действует снотворное,
Боль безысходней и острей,
И освещенье коридорное
Бьет водопадом из дверей.

Врачом была болезнь обещана
Легка, как над райкомом флаг.
Но льется, словно лава в трещины,
В глаза больного вечный мрак.

Слова поэта Орлова: «Но льется, словно лава в трещины, в глаза больного вечный мрак» кажутся шокирующими. Но в жизни человека бывает столько внезапных перемен, что трудно предугадать, насколько мы правы в своих суждениях. Мы предполагаем, что потеряна последняя надежда, а оказывается, что диагноз-то врача ошибочный. Тогда приходит желание, которое никогда не надоест – жить полнокровной жизнью: «Эх, жизнь – дырявое ведро. Водою мимо льется. Глотнешь два раза и увидишь дно. Но жажда как и прежде остается… А досыта напиться – не дано!».

И в глазах больного появляется свет, блеск, радость. Да и стихи у лирического героя пишутся светлые:

Больше солнца около окна,
И зеленый лук дают на ужин.
Как таблички с надписью «Весна»,
Март в земле прибил капелью лужи.

Зазвенят сердца, как бубенцы, –
День больничный движется к закату.
Вечером, как первые скворцы,
Прилетят друзья в мою палату.

Строчки стихов поют у поэта Орлова: «Больше солнца около окна» и «Зазвенят сердца, как бубенцы» – Симфония!

А какие шикарные метафоры: «Март в земле прибил капелью лужи». Лужи легли прохожим посреди тротуара или дорожки. Но лирический герой не ворчит, не поругивает их. Ведь это похозяйни-

чал весенний месяц март. Он пригвоздил лужи к земле, куда же им деться-то? Лежи и не тужи. Да и сами лужи-то создают радостное настроение. Поэт Орлов представил лужи… Как визитные карточки марта. Он говорит об этом эпизоде, так: «Как таблички с надписью «Весна»!»

А самая огромная радость у выздоравливающего лирического героя – это скорая встреча с друзьями. Они принесут ему такую же радость, которая появляется при виде первых перелетных птиц.

Но грачи не так музыкально поют, а попросту галдят. И Орлов, радуясь за лирического героя пишет: «Вечером, как первые скворцы, прилетят друзья в мою палату». Веселый посвист скворцов намного приятнее слушать, чем гомон грачей.

Но болезнь, как репей вцепилась в лирического героя и не хочет выпускать из своих цепких лап. Мелькнула весна, покрасовалась, своим пестрым разноцветным платьем. Пролетало красное лето, подобралась на цыпочках осень, глядь – зима катит в глаза:

Деревья высохли и быстро, и светло,
Как мощи.
И птиц, и листья ветром унесло
Из рощи.

Резиной ветер тянет мрак ночей –
Никак не сладит.
Ткет нервно ледяную ткань ручей
На водопаде.

Депрессию изгнали. Ей назло
Займемся делом.
Как медсестра, вошла зима в село
В халате белом.

Читая стихи поэта Орлова, уже получаешь прилив сил, хотя и не больной, а здоров, как бык. Борис Александрович поднял в этом стихотворении планку поэзии на запредельную высоту. Побил даже собственный рекорд, на который, никто давно уже не замахивался. Он даже стиль свой изменил. Первая и третья строчки строфы – длинные, а после каждой длинной строчки, очень короткие, но не сухие, а впечатляющие читателя односложные слова: рощи, мощи;

сладит, на водопаде; делом, белом.

Лирический герой радуется жизни, «депрессию изгнали». И работает интенсивно как раб, прикованный к скамье на Галере. Гребок весла долгий протяжный и мощный как нечетные строчки поэта Орлова. А четные строки поэта, как размеренные удары по барабану надсмотрщика рабов – гребцов. Он задает им темп: «Бум!... Бум!... Бум…» и так пока кто-нибудь из рабов не потеряет сознание, и бессильно сползет со скамьи на дно галеры.

Зато как образно изображает поэт гребки: «Деревья высохли и быстро, и светло». Вроде бы у эпитетов быстрый и светлый разные ипостаси, но их скрепляет мощное слово «мощи». А яркая метафора, что «и птиц, и листья ветром унесло» впечатляет. Стаи птиц похожие на тучу поднятых ветром опавших листьев. А это и вызывает восторг читателя.

И тот же ветер, только что резвился и стремительный его бег настигал и птиц и порхающие листья, никак не может разогнать тьму ночи «тянет резину». А, читая строчку: «ткет нервно ледяную ткань ручей на водопаде», я оказался в полном отпаде, так сейчас любит выражаться продвинутая и креативная молодежь.

И напоследок еще одна изумительная метафора: «Как медсестра вошла зима в село в халате белом». Медсестра и зима оба персонажа стерильны и чисты. Да и одеты одинаково – в белые накрахмаленные, чистые халатики.

Но главный светлый лучик этого стихотворения поэта Орлова, что лирический герой выз-до-рав-ли-вает!

И вот больничная койка осталась поджидать другого пациента. О воспоминания о болезни и больница еще будоражат мысли лирического героя. И Борис Александрович рассказывает о его размышлениях:

Когда болел, мне не пилось, не елось.
Зияла белой пропастью кровать.
Хотелось умереть… Но не хотелось
Мучительно и долго умирать.

А выздоровел – плакалось и пелось.
Парила белым облаком кровать.
Хотелось жить… Но вовсе не хотелось
Мучительно и долго выживать.

Я сравнил бы это прекрасное стихотворение с рисунком Пабло Пикассо «Голубь мира». Он написал, нарисовал эту графическую, и, разумеется, классическую картину одним росчерком пера в буквальном смысле этих слов. Обмакнул перо в черную тушь и на белом листе бумаги появился силуэт летящего голубя, державшего в клюве пальмовую веточку, символ мира. Десять секунд, а мировой шедевр о голубе мира Пабло Пикассо создан.

Есть полет мысли и вдохновение и в стихах Бориса Орлова. У него в стихотворении использованы, как и Пабло Пикассо два цвета черный и белый. И он противопоставляет их для контраста. В первой строфе у Орлова – человек болен, а во второй выздоровел. Четкий и решительный штрих в стихотворении. Контрастны и два образа одного и того же предмета: больничной койки. В первом случае: «зияла белой пропастью кровать», а во втором: «парила белым облаком кровать». Как зловеще звучат слова в первой строке: «зияла… пропастью», и какая радость слышится о «парящей белым облаком кровати».

А каков антагонизм у пары противоположных мнений Бориса Орлова: «Хотелось умереть…» и «Хотелось жить…». У каждого хотения и желания лирического героя есть внутреннее противоречие. И поэт очень умело эти противоречия обыгрывает. Лирическому герою не хотелось в первом случае: мучительно и долго умирать, а во втором также мучительно и долго выживать.

Послушав и осознав жизненные противоречия лирического героя, Борис Александрович создает стихотворение, в котором кипят, бурлят такие страсти, что кажется, они вот-вот выплеснутся наружу и ошпарят кипятком самого лирического героя:

Судьба словно рельсы трамвая:
И вправо, и влево – стоп-кран.
Я рвусь из себя! Я взрываюсь…
Эмоции будто фонтан.

Стою на чужом переходе –
Как зебра, в полосках тропа.
Хотя я в поступках свободен,
Указана Богом судьба.

Сначала лирический герой возмущен, что его жизнь, судьба

слишком жестко поставила его в рамки казармы – без приказа ни шагу.

Поэт Орлов раскрывает очень эмоционально. Он сравнивает судьбу лирического героя с трамвайными рельсами, нельзя ехать ни вправо, ни влево, а только прямо по колее. А это раздражает и угнетает бунтаря. О его эмоциональном всплеске и говорит поэт: «Я рвусь из себя! Я взрываюсь. Эмоции будто фонтан». Но и у прямолинейной колеи есть какой-то люфт. Есть у трамвайной колеи стрелки. Если их переводить, то можно свернуть все-таки и вправо и влево. Но опять же, если трамвайный маршрут позволяет это делать. Но в молодости свойственно быть фрондером, бунтарем. И перебегать улицу в неположенном месте, рискуя и своей и чужой жизнью.

Лирическому герою вдруг приходит очень здравая мысль. Ведь существуют специальные пешеходные переходы улиц. Они-то размечены полосками: черными и белыми. Чтобы и водитель, и пешеход видели безопасный переход издали.

А поэт Орлов традиционно в последней строке подводит итог своего стихотворения: «Хотя я в поступках свободен, указана Богом судьба».

В стихотворении «Грешен, грешен» поэт еще раз сетует, что настоящие вожди и крупные государственные деятели не часто посещают нашу многострадальную родину – Россию. Но не озлобляется на судьбу, и свою и Родины. Он, как древний летописец отражает в своих стихах нашу суровую правду жизни. История – самая справедливая судья. Она и только она выносит объективный вердикт. Все сегодняшние оценки не всегда оказываются справедливыми и честными, об этом и рассказывает Борис Орлов:

Грешен, грешен… Господи, прости! –
Искушен плохими новостями:
В государствах правят не вожди,
А людишки с темными страстями.

И не образа, а зеркала
Любят, отражаясь в них, как в лужах…
Ублажают смертные тела,
Забывая о бессмертных душах.

И не зарастет стезя мытарств
Для вождей, возросших на коварстве.
Сотни параллельных государств
Существуют в нашем государстве.

Грешен, грешен… Но Благую весть
Я услышу – не умолкнет лира.
Чтобы видеть мир таким, как есть,
Не пытаюсь сотворить кумира.

Говорят, что информация не бывает излишней, какой бы объемной она не была. Но теперь время другое. И нельзя сразу в бурном потоке информации сориентироваться и быстро разобраться: что правда, а что коварная ложь, которая мчится галопом на длинных ногах впереди паровоза.

Иногда поддаются на блескучие но лживые фразы и элитные мудрые мужи. А может быть, они не обольщаются ложью, а делают некий отвлекающий маневр, признавая явную ложь за правду! Ведь иногда самые продвинутые лидеры специально выдают за истину те догмы, которые они их и выдумали.

Лирический герой уже тем хорош, что кается, что вошел в грех искушения, очаровавшись краснобайством оратора.

И, покаявшись в своем грехе, делает адекватный вывод глобального масштаба: Демагоги во всех царствах, государствах есть, и в любой стране бывает, что «правят не вожди, а людишки с темными страстями». Даже в нашей стране творилось черт те что: «Сотни параллельных государств существуют в нашем государстве». Вот так Борис Орлов прошелся бороной по сорнякам – удельным князькам. Укоряет он тех вождей, которым вожжа под хвост попала. Они любят покрасоваться перед народом, а сами ловко шарят по карманам зевак, выгребая для себя. Но не копейки жалкие, а баснословные суммы денег, которые им не истратить и за тысячу лет.

Борис Александрович так сказал об этом: «Ублажают смертные тела, забывая о бессмертных душах».

Но последний аккорд в стихотворении Орлова звучит жизнеутверждающе: «Грешен, грешен… Но Благую весть я услышу – не умолкнет лира. Чтобы видеть мир таким, как есть, не пытаюсь сотворить кумира».

Что ж правильно сказал один мудрец: «Подлинным зеркалом нашего образа мыслей, является наша жизнь». Борис Орлов об образе мышления русского человека, что он долго запрягает, а потом быстро едет, рассказал в стихотворении «Масленица»:

Впрягается конь-мороз
В оглобли поутру –
Скрипит обоз берез
На выстывшем ветру.
Огнист рассвет-петух,
Мелькнувший из-за туч.
– Здоров ли русский дух?
– Здоров… Да спать могуч!

Проснись, мой русский брат,
На масленицу в срок.
Березы к нам спешат –
Обозы вдоль дорог.

Николай Васильевич Гоголь создал великолепный образ Птицы-Тройки, которая олицетворяет Россию. Русский мужик, как известно, долго запрягает, но быстро едет.

А у Бориса Александровича задействовано для создания символа Родины вся русская сказочная природа. Конь-мороз у Орлова сам впрягается «в оглобли поутру». И несется этот конь на масленицу не один. За конем-морозом мчится целый обоз берез. Рассвет распустил свой цветастый, как у петуха хвост, и, как великан, разметает перед сказочным конем-морозом столбовую дорогу.

А каков изумительный диалог ведут гости, усевшиеся в сани коня:

«– Здоров ли русский дух?

– Здоров… Да спать могуч».

Самый актуальнейший вопрос и точно такой же ответ в настоящий момент. Да, в здоровом теле здоровый дух. А в особенности здоровья и здоровый дух покрепче в деревнях. Как-то моего товарища Ваню Векслера оскорбила высокопоставленная дама, сказав ему с пренебрежением:

– Из какой же деревни попал к нам в Петербург такой недотепа, как ты?

Иван и бровью не повел на это высокомерие. А спокойненько ответил даме:

– Я не знаю, из какой деревушки Голландии вывез Петр Великий моего пращура-дворянина, но в Петербурге живут, в основном, выходцы из крестьян, которые приехали сюда из Новгородских и Тверских деревень. А стоит и красуется град Петров на берегах Невы, наша Северная Пальмира, Северная Венеция, благодаря их мастерству и трудолюбию.

Но так, оказывается, считал не только мой друг Ваня. Так считает и поэт Борис Орлов. Он тоже понимает. Что душа России – это деревня. И как настоящий патриот воспевает колыбель детей России в стихотворении:

В деревне люди чище и добрее,
Жалеют сумасшедших и калек.
А странника накормят и согреют,
И, выслушав, оставят на ночлег.

Безродных нет. И все друг другу – родня.
Не привечают путников лихих.
Нет зависти. И заповеди помнят,
И терпеливо соблюдают их.

И любят песни те, что понапевней,
Не рубят избы вдоль кривых дорог.
Душа России – русская деревня,
Где в каждом доме обитает Бог.

Поэт показал во всей красе душу России – деревню. В деревне люди проще и добрее городских. Они знают, какого они рода – племени. Хотя и говорят про нас злопыхатели, что мы Иваны – родства не помнящие, но в деревнях: «Безродных нет». Разговаривают в деревне все на равных. Никакого чинопочитания, но и нос высоко не задирают. Говорят без злости, но и высокомерное хамство презирают. Ни у кого из деревенских жителей слюни от зависти не тонут, зато искренне радуются чужому успеху. Не любят тех, кто кривит душой и «любят песни те, что понапевней».

Впечатляет и радует вывод в конце стихотворения поэта Бориса Орлова: «Душа России – русская деревня, где в каждом доме обитает Бог».

Родительский дом – начало начал…

Лирический герой стихов поэта Бориса Орлова, куда бы судьба его не забрасывала, в какие бы передряги он не попадал, всегда помнил о своих родственниках. Особенно с глубоким трепетом в сердце, воспринимал он свою мать:

Тихий полдень. Мягкая прохлада.
Вдоль дороги – пестрый травостой.
Мама коз пасет, а если надо –
Лечит шустрых коз святой водой.

Птичий свист и невесом, и тонок.
Рядом дом – не мал и не велик.
Сладко спит на Библии котенок,
Словно нерадивый ученик.

Отцветает липа. И знакомо
Светит солнце. Мир душист и прост.
А глаза закрою – возле дома
Вижу мать и стадо белых коз.

Как вкрадчиво и мягко подступает поэт к главной теме о матери: «Тихий полдень. Мягкая прохлада». Но тут же восторг красотой природы: «Вдоль дороги – пестрый травостой». А маме лирического героя некогда любоваться красивыми яркими цветами. Для матери этот «пестрый травостой» - корм для белых и пушистых ангорских козочек. Если они сытно подкормятся на пышном травостое, то молока для её детей будет вдоволь, а из густой, длинной и мягкой ангорской шерсти в зимние и осенние вечера мама свяжет ребятишкам теплые носки и свитера.

Козочки для семьи и поильцы, и кормильцы, и хозяйка их бережет, заботится с такой же нежностью, как о своих родных детях. Борис Орлов трогательно и ярко подмечает изумительный, ласковый характер мамы. Она коз пасет, а, если надо, лечит шустрых коз святой водой. Это от черного сглаза завистников.

Великолепную деталь указывает поэт в домике матери. Домик «не велик и не мал». Но не это главное. Важно, что у мамы на столе лежит Библия, а значит она глубоко верующий человек. Покладистый и добрый характер матери Борис Орлов показывает в другом

эпизоде: «сладко спит на Библии котенок, словно нерадивый ученик». Котенок на самом деле нерадивый ученик. Мать сколько раз сгоняла котенка с Библии, которую облюбовала киска для сна, со словами: «Господи, прости его неразумного, ибо не ведает он, что творит». Но не наказывать же Божью тварь из-за того, что у нее разума не хватает. А лирическому герою эти простые детали деревенского быта дороги и милы.

Об этом поэт говорит: «мир душист и прост. А глаза закрою – возле дома вижу мать и стадо белых коз».

Но, посетив отчий дом, и отправляясь уезжать в город, у лирического героя муторно на душе. О его переживаниях и написано стихотворение «Раскаленный закат…»

Раскаленный закат птичье небо поджег.
И дорога до звезд далека.
Черный вечер трубит в серебристый рожок,
Собирая в стада облака.

Мир тревожен и глух. На душе не покой.
Но куда-нибудь нужно идти.
Церковь с белым крестом впереди за рекой,
Отчий дом за ручьем позади.

В стороне на болоте шумят камыши.
Поднимается пыль из-под ног.
Я один словно перст. И вокруг ни души.
Надо мною лишь вечер и Бог.

Стихотворение Бориса Орлова начинается ярким всплеском метафор. Начну перечислять их по порядку: «Раскаленный закат птичье небо поджег». Закаты всегда притягивали взгляд человека. У вечерней зорьки полыхают багровые, кроваво-красные, оранжево-золотистые цвета, похожие своими переливами на пляшущие языки пламени костра. И летящая по закатному небу стая птиц словно обжигается об языки пламени заката.

Хорошо, что всполохи этого «костра» не могут дотянуться до птиц той стаи, которая взмыла к небу, на котором уже проклюнулся холодный блеск звезд. А «дорога до звезд далека», и пламя зари не дотянется до звезд никогда, и «птичье небо» не сгорит дотла.

А вот у второй метафоры Бориса Орлова нет ярких цветов, у неё приглушенные краски, не броская гамма. Сама же метафора – блестящая и яркая: «Черный вечер трубит в серебристый рожок, собирая в стада облака». Картина на небе кардинально меняется после захода солнца за горизонт. Вступает в свои права вечер и наступает полумрак: уже черный вечер ступил на порог, но беспросветная тьма ночи еще не ворвалась вслед за вечером – на небосклоне появился «серебристый рожок» полумесяца. В него-то и «трубит» черный вечер «собирая в стада облака». А облака и впрямь на стадо светло серых баранов похожи. Но любоваться лирическому герою красотами заката не приходится. Он уезжает из родного дома в дальние края, а потому и скверно, и беспокойно на душе: «Мир тревожен и глух» - отмечает поэт Борис Орлов, и объясняет почему: «церковь с белым крестом впереди за рекой, отчий дом за ручьем позади». Обидно, что уже отчий дом остался позади и не виден. Но радует, что впереди лирический герой видит белые кресты храма.

Надрыв же души идет от одиночества: «Я один словно перст. И вокруг ни души. Надо мною лишь вечер и Бог».

А если на лирическом герое есть Бог, то не все еще потеряно. И герой немного успокаивается: да, один «как перст», но мама же осталась дома и будет его ждать… до следующего приезда:

Жизнь идет от порога к порогу,
Находя утешенье в ходьбе.
Мама искренне молится Богу
Пред иконою в русской избе.

Утром дерево детского роста
Стелет ковриком тень на крыльцо.
Все таинственно, мудро и просто.
У всего есть душа и лицо.

Палисадник, заросший цветами,
Зелень прутиков около пней.
Мама меряет жизнь не годами,
А моими приездами к ней.

Молитва матери всегда попадает к Богу в уши… А мама лирического героя молится искренне. Приметы природы около дома рас-

крывают душу матери нараспашку. Невысокое деревце, посаженное её сыном, утром отбрасывает на крыльцо «детскую тень» - небольшую. Но с каким восторгом и изяществом говорит поэт, выражая нежность матери, которая смотрит на тень и «стелет ковриком тень на крыльцо»» - тень детского роста расстилается перед матерью ковриком. Чтобы мягче было ступать маме. Но рядом с деревцем, посаженным детьми, стоят огромного диаметра пни, спиленных отцом деревьев. Но и на них прекрасная примета бесконечного продолжения жизни! На старых трухлявых пнях появляется «зелень прутиков около пней». Эти прутики зеленые символ продолжения рода. А поэт резюмирует: «Все таинственно, мудро и просто. У всего есть душа и лицо». Зато поэт делает в конце стихотворения потрясающий до глубины души читателя, вывод: «Мама меряет жизнь не годами, а моими приездами к ней».

Но уезжая в город, лирический герой видел впереди за рекой Божию церковь с белым крестом на куполе, а от белизны креста и храм кажется ему белым:

Белеет за рощею храм,
В селе хрипло хлопают двери.
Март – солнце и снег. По утрам
Поют,
Как синицы, капели.

Топор за конюшней стучит –
Там чинят телеги и сбрую.
Кричат, возвратившись, грачи –
Вьют гнезда… и жизнь торжествует!

Струится над лужами пар.
Забыты и вьюги и стужи.
Открыты и храм, и амбар,
И настежь распахнуты души.

Белеет храм, и жизнь тоже светлеет. Пусть в селе «хрипло хлопают двери». Это же просто скрипучий звук не смазанных дверных петель. Зато капели у поэта Орлова «поют как синицы». Славу птицы поют Весне. Ведь уже над высыхающими лужами «струится пар». Значит, стужа уже не возвратится назад. Но самая огромная ро-

скошь в этом лирическом стихотворении открытость всего живого и неживого: «Открыты и храм и амбар, и настежь распахнуты души».

Озорная и радостная фраза. Открыты настежь храм и души – понятно и радостно. Но при чем же открытый амбар, голубчики? Это уже озорство. И свою мысль продолжает поэт Орлов в следующем стихотворении:

Летней ночью форточку открою –
Самолет оставил белый след.
Нет на небе свалок и помоек,
С неба льется чистый-чистый свет.

С облаков спускаются зарницы,
А в полях поют перепела.
И светлеют заспанные лица –
Наши души чище, чем тела.

Грохот реактивного самолета, пролетающего над крышами домов, разбудил лирического героя и его домочадцев. В окне он увидел белоснежный след – инверсии самолета. А из форточки пахнуло невкусным запахом помойки.

Но неприятный запах отлетает в сторону и уходит на задний план, а вот умиляет сердце героя, что «с неба льется чистый-чистый свет», а «с облаков спускаются зарницы».

От такой радости светлеют и «заспанные лица» домочадцев и уже не испортится настроение у них, что грохот самолета нарушил им сон и разбудил раньше положенного времени.

А поэт, почувствовав их настроение пишет: «Наши души чище, чем тела». Тело желает сна и покоя, а душа светлеет от увиденной красоты.

Но мысли самого Бориса Орлова возвращаются снова в отчий дом. Всплеск эмоций и воспоминаний о матери, и поэт создает стихотворение, которое посвящает: «Маме моей, Е.К. Орловой»:

Пригорки да овражки.
Болотцев изумруд.
К ним елки, как монашки,
Вдоль сумерек бредут.

Их путь луной отмечен
И сестрами богат.
А ежевичный вечер –
Печален и крылат.
На хуторских поветях
Привольно детям спать.
А на дороге встретить
Здесь можно Божью мать.

Свою мать лирический герой обожает, а потому игра слов «обожает» и «Божья мать» неразделимы в контексте стиха. А каково изумительное единение человека и природы раскрывает для читателя поэт Борис Орлов. Обычно поэты стремятся показать широту русских раздольных полей и равнин, а Борис Александрович видит красоту вроде бы в неказистом пейзаже: «Пригорки да овражки. Болотцев изумруд». Возможно, пригорки невысоки и неказисты, а овраги уже не угрожают сельчанам своей глубиной, а берега их оплыли и стали мелкими. Эту деталь подчеркивает и поэт. Он не произносит слово: овраг, а ласково говорит – овражки. Зато как преподносит читателям он болото! Говорят, что в болоте – черти водятся, но Орлов опровергает это расхожее мнение, и его болотце засверкало блеском полудрагоценного камня – изумрудным.

Все зависит от точки зрения и взгляда на предмет. Одни в луже видят грязную мутную воду, а другие – отражение звезд на зеркальной поверхности воды. Вот и Борис Александрович видит, вокруг болота выросли не чахлые низкорослые ели, которые еле-еле приспособились к жизни на болотистой почве, а хоровод зеленых, как изумруд болотца, елочек. Они приветствуют пригорки и овражки, но уделяют симпатию и к болотцу: «К ним елки, как монашки, вдоль сумерек бредут».

Сравнение елок с монашками и интересно, но все же понятно. Елочки скромны и их смиренный вид и ассоциируется с неброскими, благочестивыми монашками. А выражение поэта Орлова про елки, что они «вдоль сумерек бредут» собьют с толку любого педанта и преподавателя русского языка, вдоль бродить можно берега, или поля. А в сумерках можно просто брести, а не вдоль сумерек. Но в сумерках около болота появляется туман, который бредет, ползет от болота к пригорку, вот вдоль тумана и видна цепочка зеленых ело-

чек. Впечатление же таково, что это елки идут вдоль клубов тумана к болотцу и к оврагам.

То, что наступают сумерки, поэт намекает читателю, что путь елок «луной отмечен». А шикарный штрих кистью на этой картине, сделанный Борисом Орловым, вообще неповторим. Он пишет: «А ежевичный вечер печален и крылат». Да, вечер может быть крылатым как ветер, в ветреную погоду. Но я хочу обратить внимание читателей на эпитет вечера: он ежевичный. Ежевика это черно-багровая малина. Вот как одним эпитетом смешал на палитре картины краски поэт. У темного вечера на горизонте еще колыхают блики тусклого, заходящего за горизонт кровавого заката.

Кульминация апофеоза вообще шокирует… образностью… Хотя сам образ-то очень нежный и трогательный. «На хуторских поветях привольно детям спать. А на дороге встретить здесь можно Божью мать». На иконе Божьей матери она держит на руках младенца. А в стихах Бориса Александровича дети на поветях привольно спят. Один младенец спал в яслях, а вот деревенские ребятишки спят на поветях.

Но ведь и у матери лирического героя была мама. Она для него является бабушкой. Поэт Борис Орлов посвящает стихотворение «Памяти монахини бабушки Елены, нянчившей меня в детстве»:

Уютен скромный уголок
Избы. В окошко солнце светит.
Я не один – со мною Бог,
Нет одиночества на свете…

Забыло скрип шагов крыльцо.
Икона. Свет лампадки зыбкий.
И Богородицы лицо
Слегка озарено улыбкой.

Молитва. Библия в руке.
Блистает день закатной гранью.
И дремлет в Божьем уголке,
В клубок свернувшись, мирозданье.

Все мы родом из детства. Бабушка Елена и до монастыря верила в Бога, но до пострига успела вынянчить внука. Поэтому в душе

поэта и гнездились ангелы. Потому и проникла Вера в душу ребенка. А когда человек понимает Божье Слово, которое он услышал в детстве, он не забудет его до гробовой доски. Даже тогда, когда он вроде бы сидит дома один. Но уютно светит солнышко и скромному лирическому герою комфортно жить в своем скромном доме и он заявляет: «Я не один – со мною Бог, нет одиночества на свете…». Даже в монашеской келье.

Крыльцо дома уже давно позабыло «скрип шагов», ушедшей в монастырь хозяйки. Но лампада до сих пор горит у иконы Божьей Матери «И Богородицы лицо слегка озарено улыбкой».

Вот как поэт тонко подметил игру светотени: лицо ли Богородицы освещает икону вместо лампады, или лампада своим мерцающим светом, падая на лицо Божьей Матери, создает иллюзию, что оно и слегка озарено улыбкой. Но и в келье монахини бабушки, куда почти не проникает свет, и только «Блистает день закатной гранью» не одиноко. У неё всегда в руке Библия, и она творит молитву. Но в маленьком уголочке кельи, каким-то чудесным образом умещается весь наш огромный, необъятный мир. Хоть Козьма Прутков и говорил, что «необъятное не обнимешь», но вместилось в келье монахини бабушки Елены все мирозданье. Об этом феномене и сообщает поэт Борис Орлов своим читателям: «И дремлет в Божьем уголке, в клубок свернувшись, мирозданье».

Библия бабушки перешла по наследству к матери поэта. И Борис Орлов пишет об этом стихотворение:

Поле комбайном выбрито,
День за окном погас.
Мама читает Библию
Тысяча первый раз.

В Библии нет закладок.
Каждая строчка свежа.
Маме девятый десяток,
Просится к Богу душа.

Ярко цветет настурция,
Теплится свет икон…
Библия – не Конституция,
Но Основной Закон.

Жизнь прожить – не поле перейти. Мама поэта идет по этому бесконечному полю «девятый десяток». А как трудно было идти по полю. Но на нем густая рожь вырастет, и среди высоких колосьев и заблудиться можно очень быстро, а то королева полей – кукуруза так вытянется вверх, что ни днем, ни ночью из этих тропических джунглей не выбраться. Не сориентируешься. Днем над головой из-за широких листьев кукурузы солнца не видать, а ночью и родную путеводную Полярную звезду не удастся высмотреть.

Хотя раз в жизни, но фортуна может повернуться к человеку и лицом. Вот и выпала маме удача. Поле на сей раз, когда ей пошел девятый десяток лет, оказалось «комбайном выбрито». Чисто выбрито, хоть шорохом покати. Да возраст уже не тот, чтобы как перекати-поле кувыркаться и нестись сломя голову по воле ветра. День идет к закату, вот-вот погаснет. Но матери в доме не скучно. Она «читает Библию тысяча первый раз».

Добродушная улыбка светилась на лице поэта, когда он писал слова: «тысяча первый раз».

Есть такая восточная сказка про мудрую, но еще очень молодую красавицу, со звучным именем Шахеризада, которая называется «Тысяча и одна ночь». Наложница султана, чтобы он не казнил её, сразу же после первой брачной ночи девушку, а это было такое кровожадное хобби у падишаха, казнить невинную женщину сразу же на утро после брачной ночи, пришлось каждую ночь рассказывать занимательные любовные истории с вечера до утра. Это шоу продолжалось тысячу и одну ночь. Но мама поэта читает не восточные эротические сказки, а Библию. А что она прочитала эту книгу книг тысячу и один раз, как Шахеризада, то это просто совпадение.

А как тщательно и внимательно читает мама Библию, поэт сумел пояснить читателю одной фразой: «В Библии нет закладок, каждая строчка свежа». Можете возмутиться и обвинить меня в шарлатанстве: Если в Библии нет закладок, то причем тут тщательное и внимательное чтение Библии? Человек, которому нужно отметить какую-то очень блестящую мысль, или очень интересное изречение в книге книг, и делает закладки, что бы сразу найти ту фразу в Библии, которая, или которые, заинтересовали верующую. Но не стоило набрасываться, дорогие и уважаемые читатели, на меня с критикой, прочитав первую часть фразы стихов Бориса Орлова, которую я

процитировал. Давайте вместе прочтем и вторую часть фразы: «Каждая строчка свежа». Маме поэта не нужно делать закладки именно поэтому: все строчки из Библии ей не надоедают, все звучат для неё, как в первый раз. Библия для матери «не Конституция, но Основной Закон».

И опять Борис Орлов, жонглируя словами, поднимает на самую высшую ступеньку пьедестала и Свод законов Бога – Библию и Основной Закон Родины нашей России. Основной Закон нашего Государства – Конституция. Вот так поэт и увязал три понятия сразу в одну главную цепочку: «Библия не Конституция, но Основной Закон».

Молитва мамы помогала не только ей, а и сыну. Когда он боролся со смертью за свою жизнь. Об этом эпизоде поэт Борис Орлов написал в стихотворении «В больничной палате»:

В грудные клетки, как в колокола,
Сердца гремят, сзывая нас на битвы
Со смертью. Черной тканью зеркала
Не время занавешивать. Молитвы
В церквах читают матери за нас.
Врачи в реанимации колдуют…
Зря собирают ангелы спецназ –
Жизнь не сдадим, как вотчину святую.

В больничной палате тишина. Нельзя тревожить соседей пустой болтовней. У каждого свои проблемы, и стадия болезни. Но есть одна великая идея, которая объединяет всех пациентов в палате – их борьба! Это слово кажется неуместным в больнице, кто захочет побороться друг с другом из пациентов, если они прикованы к койке.

Но именно борьба и объединяет всех лежащих и немощных людей на больничной койке. Они все борются… со смертью. Хотя в палате и тишина, но каждый пациент слышит в своей грудной клетке: «как колокола сердце гремит, сзывая нас на битву». А битвы идут не всегда успешно. Вот лирический герой и взывает свою мать помолиться за его выздоровление. Он мысленно передает ей свои просьбы. Первая просьба и гудит у него в груди как колокол набата: «Черной тканью зеркала не время занавешивать!». Такую «телеграмму» получила и мама лирического героя. Матери обладают огромным

чувством телепатии и понимают просьбы своих детей, сколько бы им не было лет. Вот и читают они в церквах молитвы, просят Бога защитить дочерей и сыновей.

Лирический герой тоже на расстоянии чувствует материнскую заботу, и надеется на её оберег. Но надо и самому сопротивляться со смертью. И герой за всех в больничной палате клянется: «Зря собирают ангелы спецназ – жизнь не сдадим, как вотчину святую». «Вотчина святая» - это Родина лирического героя. Борясь за суверенитет Родины, он и пострадал, а теперь лежит в больничной палате. Но герой выполнил наказы страны, выполнил присягу и… Черный ангел, покружив над его больничной палатой, взмыл вверх и исчез. Но рецидив болезни может повториться. Не следует впадать в эйфорию при первых же признаках выздоровления. Нужно продолжать сопротивление коварной болезни. Об этом тоже написал поэт Орлов стихотворение:

Болезнь крадется поступью крысиной,
Глотать лекарство – муторный обряд.
Когда болею, тянутся резиной
Дни, а здоров – стремительно летят.

Года, что прожил, собираю в стаю.
Для них болезнь, как баба на возу:
Когда они летят – я сам летаю,
Когда они ползут – я сам ползу.

Зловеще звучит первая фраза: «Болезнь крадется поступью крысиной». Крыса – мерзкое животное из семейства грызунов. Она может грызть все, что плохо лежит. У пациента больничной палаты плохо лежат остатки здоровья, вот и «крадется поступью крысиной» похитительница здоровья лирического героя.

Но он чувствует тихий шум этой поступи и шуршание хвоста по полу крысы и любимую свою волю, чтобы вовремя крикнуть грызунам: «Кыш!». И хотя он считает, что «глотать лекарство муторный обряд», приходится выполнять все обряды, те, что доктор прописал.

Великолепен образ времени у поэта. Оно в стихах Бориса Александровича не придерживается размеренного цикла. Несется время вперед по-разному на разных скоростях. То дни «тянутся резиной», а то года «стремительно летят». Скорость времени зависит

и от психологического состояния героя, не только от физического здоровья его…

Года, как овцы без пастыря, разбегаются у героя по сторонам. Но каждый период жизни у человека по-своему запоминаются. Но память лучше всего воспринимает собирательный обобщенный образ. И у поэта возникает яркая метафора по этому поводу: «Года, что прожил, собираю в стаю. Для них болезнь, что баба на возу». Чем ценна метафора? Да тем, что основа её в народной мудрости: «Баба с возу – кобыле легче».

А коль баба слетит с воза, то кобыла ускорит свой бег, и бег времени. А если она, баба сползет с воза, и ухватится сзади за борт телеги, то лошадка скорость не разовьет. Но лирический герой говорит о течении времени, о своих годах, которые тоже или летят, или ползут. И вот классический итог: «Когда они летят – я сам летаю, когда они ползут – я сам ползу».

Иногда любому из нас хочется не только лететь по жизни во весь опор. Да так, чтоб верстовые столбы мелькали перед глазами, как спицы, а застыть на месте, что бы трагический момент утраты близкого человека долго, долго не наступал. В стихотворении, которое посвятил Борис Александрович памяти своей матери Евдокии Константиновны Орловой об этом и говорится:

Дождичек вымыл рамы.
Слезы бегут из глаз.
Вот и не стало мамы
В тихий Медовый Спас.

За упокой молебен,
Свечи горят дрожа.
Облачком белым в небе
К Богу летит душа.

Свет и прохлада храма,
Кладбище за стеной.
Вот и не стало мамы
В жизни моей земной.

Прочитав это стихотворение поэта, у меня всплыла в памяти пушкинская строчка: «Печаль моя светла». Вот такая же светлая пе-

чаль и у лирического героя.

Взять хотя бы первую фразу стиха: «Дождичек вымыл рамы. Слезы бегут из глаз». Свет беспрепятственно проникает в дом, где когда-то жил и сам герой, а теперь вот скорбит о маме. Только вот беда – слезы застилают глаза и божий свет, даже через хорошо вымытые до блеска стекла рам, лирический герой плохо различает предметы.

Он только тяжело выдыхает из груди слова, которые ему пришли на ум: «дождичек вымыл рамы». Когда-то в первом классе, осваивая премудрости букваря, он читал: «Мама мыла раму». А вот теперь моет раму дождичек. Мамы нет уже на белом свете. Пелена тут же спадает с глаз лирического героя, и он четко видит сквозь вымытые дождем стекла окна: «Облачком белым в небе к Богу летит душа». И это душа его мамы, превратившись в белое светлое облачко, улетает в небо.

Скорбят о смерти мамы не только сын, а все окружающие люди: «За упокой молебен». Но и даже неодушевленные предметы с особым трепетом относятся к такому трагическому моменту. Языки пламени горящих свеч колышутся и трепещут тоже вместе с людьми. Поэт об этом говорит скупо: «Свечи горят дрожа». Но эта скупость от боязни, что задрожит у лирического героя не только голос, но и душа зарыдает навзрыд.

За стеной кладбища около могилы все же вырывается отчаянный крик:

– Вот и не стало мамы в жизни моей земной!

Но в этом крике слышится не только отчаяние, но и надежда. Ведь у лирического героя «не стало мамы в жизни земной». Но она же останется в его жизни, памяти, проживая дальнейший остаток жизни на небесах.

Но церемония прощания с мамой у лирического героя не окончилась:

Мама умерла. Закрыл глаза
Маме. И часы остановил.
В доме занавесил зеркала
И услышал тонкий скрип стропил.

Думал – ветер хлынул на чердак,
Но стоял он тихо, как вода.
Даже не был слышен вой собак,
Но стучало сердце – сирота!

Закрыть глаза любимому человеку, своей маме большая честь для сына. Не каждому удается это сделать из-за мирской суеты. Все куда-то спешим, но потом, споткнувшись, падаем, больно ударившись об дорогу. Только успеть к маме и прикрыть ей рукой глаза, не каждому удается.

Обряд прощания прошел по всем правилам ритуала: Остановил часы, занавесил зеркала, которые просил не закрывать для себя. Зато, услышав скрип стропил, лирический герой оцепенел. Неужели и отчий дом скорбит по своей хозяйке? Поэт усиливает, показывая и без того стрессовое состояние лирического героя одним эпитетом: Скрип стропил тонкий жалобный. В голове же бродят разные мысли. Может быть, это не скрип стропил, а завывание ветра? Но ветер тут не при чем, он тих – как стоячая вода. Не только ветер, даже собаки не воют.

Хотя обычно собаки воют перед смертью хозяина, или хозяйки. И только после этих размышлений лирический герой понимает, что это не только дом осиротел, но и он сам стал сиротой, ведь то: «стучало сердце – сирота!». Сердце не камень, вот оно и застучало, заходясь от горя…

Но, даже, приехав домой в город, у лирического героя и там душа не успокоилась:

Желтый лист опустился на щеку.
Паутина в почтовом ящике.

Мама, милая, где ты? Где ты?
Ни письма от тебя, ни привета.
Двери заперты. Печь не топлена.
И цветы отцвели под окнами

Ах, ты, мамочка, мама милая!
Шум берез над твоей могилою.

Запустение в городской квартире показывает поэт Борис Орлов не обычно, одной фразой: «Паутина в почтовом ящике». Ни при-

вета, ни ответа не может письмецом мама сыну. Зато паучки сразу же уцепились за пустой почтовый ящик, и соткали для себя там гамак из паутины. Хорошо покачиваясь на таких импровизированных качелях, отдыхать паучкам.

А лирический герой шепчет ласковые, нежные слова своей милой маме, не обращая внимания на то, что она их не услышит. «Мама, милая, где ты?» - звучит на одной строчке голос героя, а на другой еще более ласковое: «Ах ты, мамочка, мама милая!».

Но вместо ответа слышится шум березовых ветвей и шорох облетающих с них листьев. В этих словах у поэта звучит мелодия реквиема – «Шу….. ох… шу… ох…» Что же творится в доме мамы? Запустение. Даже паукам тоскливо заглянуть в этот дом: «Двери заперты. Печь не топлена». Но коль пришла беда, открывай пошире ворота. Одна беда не любит гулять. Она всегда ворвется внезапно, но с оравой своих попутчиков: тоской, горем и отчаянием. Пришлось возвращаться лирическому герою в отчий дом нежданно-негаданно.

Скорбит у крыльца осина.
Над крышей умолк скворец.
«Во имя Отца и Сына…»
В могильной земле отец.

Цветут лопухи у тына.
В бурьяне увяз овин.
Во имя Отца и Сына
Ушел на чужбину сын.

В отцовской избе пустынно.
В углах полумрак и стынь.
«Во имя Отца и Сына…
Аминь!»

В этом стихотворении поэта Бориса Орлова можно найти много находок. Далеко и ходить не надо. Скорбь звучит в каждой фразе. Листья осины шевелятся и лопочут от любого самого тихого ветерочка. И их шорох кажется лирическому герою шепотом скорбной молитвы. На крыше только что распевал разудалые мелодии скворушка, а узнав о кончине хозяина дома притих. Неприлично веселиться, коли в доме траур. Зато слышится голос священника, отпева-

ющего отца лирического героя. И от словосочетания «Во имя Отца и Сына», приехавший на похороны отца сын вздрагивает, как от удара. Ведь уезжая на службу воинскую ратную, отец, перекрестив сына в след, как раз и произносил слова этой молитвы. «Во имя Отца и Сына» он, отец благословил сына. А сейчас сын слышит прощальные слова священника: «Аминь!».

А в доме отца уже запустение. Лопухи выросли у изгороди, что не подступиться к ней. Бурьян же у овина поднялся чуть ли не до крыши. Поэт использует оригинальное сравнение «увяз овин в бурьяне», как ягодник в болоте.

Продолжает эту тему поэт Орлов и в следующем стихотворении. Начинает он с риторического вопроса:

К чему вернулся? И отец, и мать
Лежат в земле. Сгорел, как свечка, дом.
Зачем прорехи в памяти латать?
И прошлое, и жизнь пошли на слом.

Урочище непуганых осин –
И нет ветров, и не дрожит листва.
К чему вернулся? Словно блудный сын,
Стою, как слезы, падают слова.

Нет отчего дома. Осталось одно пепелище. Даже в урочище «непуганые осины». Эпитет «непуганые» поэт применил к месту. Осины начинаю от дуновения ветерка трястись своими листочками, как в страхе. А тут даже не шелохнутся. Давно их не посещал страх, значит и «непуганые». Лирический герой давно не посещал эти опустевшие места. Но память настырно зовет сюда. Хотя давно в этой памяти образовались дыры. Поэт эту ситуацию обыгрывает так, применив монолог лирического героя: «Зачем прорехи в памяти латать? И прошлое, и жизнь пошли на с лом».

Поэт проводит параллель этой картины с полотном Рембрандта «Возвращение блудного сына», у которого как слезы, падают слова. Только трагические нотки у Орлова звучат мощнее и трагичнее, чем у иностранца. Ведь блудный сын и возвратился, а отца-то уже и в живых нет. Лирическому герою остается только одно – сходить на кладбище, где покоится прах отца и матери:

Горячие холмики. Сосны.
И свет с высоты
Струится, нездешний,
таинственный, вечный.
Надгробья безмолвны.
И звезды молчат, и кресты.
И белые козы по кладбищу
бродят беспечно.
Преддверье покоя.
И рая преддверье. Сюда
Приходят, отбуйствовав
и отбродяжив, смиренно.
И здесь остаются –
Находят приют навсегда.
Незыблемый мир.
Вдалеке от оград перемены.
Горит земляника.
И ящерки юрко скользят
По серым надгробьям.
Природа и жизнь изначальны.
Шагнешь и… замрешь.
Остановит задумчивый взгляд:
Ты сам на себя
с фотографии смотришь печально.
Трава зашуршит –
запоет колыбельную мать.
И ангельский ветер
погладит незримой рукою.
Зачем суетиться,
собратьев локтями толкать?
Всем хватит под соснами
вечности, счастья, покоя.

На кладбище тишина и покой. Лирический герой потрясен. Тишина его не угнетает, а наступает на душе какое-то умиротворение. Над небольшими холмиками возвышаются сосны, подпирая как Атланты небо. А с его высоты льется свет. Поэт подобрал столько необычных и сочных эпитетов для льющегося света с высоты, что на

одной строчке они могут и не поместиться: «Струится нездешний, таинственный вечный».

Точно такое же на кладбище и безмолвие: «Надгробья безмолвны. И звезды молчат, и кресты».

Но одна деталь взрывает эту тишь, гладь и божья благодать: по кладбищу беспечно бродят белые козы. Матери уже нет в живых, а белые козы нашли приют у других хозяек, живут себе в удовольствие, плодятся и размножаются. Вид этих белых козочек взбудоражил лирического героя. Вновь нахлынули воспоминания о матери.

А тут его подстерегает еще одна важная, но все-таки неожиданность: «Шагнешь и… замрешь. Остановит задумчивый взгляд: ты сам на себя с фотографии смотришь печально».

Предупреждаю читателя заранее – в этой фразе поэта Орлова нет никакой мистики. Разумеется на могиле отца на надгробье фотография отца. Просто сын – вылитая копия папы.

Зато совсем таинственно и мистически чувствует сын у могилы матери. Поэт передает это чувство сына читателю тихонько, на ушко: «Трава зашуршит – запоет колыбельную мать. И ангельский ветер погладит незримой рукою». У сына седина в волосах, а колыбельную он впитал в себя с молоком матери.

Это только кажется, что ребенок ничего не помнит, что ему говорила мама во младенчестве. Генетическая память у людей не стирается. Она переживает тысячелетия.

А какова метафора о ласках матери ребенка? Мальчику казалось, что рука матери гладила его по головке, по волосам, как «ангельский ветер незримой рукою». Лирический герой растроган нахлынувшими воспоминаниями и, глядя на высокие стройные сосны, делает очень мудрый вывод: «Зачем суетиться, собратьев локтями толкать? Всем хватит под соснами вечности, счастья, покоя…

И мысли лирического героя уносятся на десять лет назад. Тогда он приезжал к маме, и в её глазах струился тот самый есенинский несказанный свет. От такого прекрасного воспоминания, и стихи получаются особенно романтическими. И поэт с вдохновением описывает эту чудесную встречу десятилетней давности:

Октябрь… Листва устлала землю густо.
Остыло солнце. День – ленив и квел.

Капустницы летают над капустой,
А рядом сумасшедший мак расцвел.

Наш огород красив. Он сдал экзамен
На урожай. Струится желтый свет.
И смотрит мама юными глазами
На мир, а маме – восемьдесят лет.

В этом стихотворении уместилась лишь маленькая картина одного солнечного денька осени, которая уже перевалила за половину свою. Но эта картина насыщена такими яркими и необыкновенными деталями, что у зрителя рябит в глазах: «листва устлала землю густо». Солнце остыло, а день какой-то квелый.

Тем не менее, хотя солнышко и осеннее, но совсем-то не остыло, день очень теплый, что над капустой порхают бабочки. И это в октябре! И тепло в этот день такое, что мак с ума сошел, и его цветной бутончик раскрыл лепестки. Поэт поступок мака и назвал – сумасшедшим. Ведь не успеет он до зимы взрастить маковые зернышки в коробочке-погремушке.

Зато огород не терял летом драгоценное время. Он взрастил такой урожай, что мама лирического героя назвала его красавчиком, и убирая плоды в закрома признала, что урожай сдал экзамен «на отлично».

Но главное в этом воспоминании – юные глаза матери. И это в восемьдесят лет-то. Но человеку дают на первый взгляд столько лет, насколько он выглядит. А мама вдруг скинула с себя около шести десятков лет, и свежа и молода по-прежнему, как в юности.

А лирический герой понимает, что он тоже старится:

Постарел. И поседели волосы.
Подружились красота труд.
Лилии, ромашки, гладиолусы
У крыльца задумчиво цветут.

Примирился с жизнью и погодою.
С тем. Что будет и что было встарь.
Потому, беседуя с природою,
Помню, что я тоже Божья тварь.

В каждом возрасте человека есть свои плюсы и минусы. Об

этом гласит народная поговорка: «Если б молодость умела, если б старость могла!» А сочетание этих двух противоречивых качеств все-таки происходит в нашей жизни: в семейном кругу. В семье едины все и старые, и малые и члены семьи среднего возраста. Старшие помогают младшим. А младшие, подрастая. Начинают заботиться о стариках. Но есть, разумеется, и противоречие: юность горяча, и поступает не всегда благоразумно. На склоне лет люди становятся более скромнее и мудрее. В стихотворении «Постарел…» поэт Орлов по-философски рассматривает становление мудрости. Волосы лирического героя поседели, но зато появилось новое представление о красоте, а труд перестал быть в тягость, а стал радостным событием. Поэт подчеркивает этот благородный союз красоты и труда одним глаголом: «Подружились… красота и труд».

А взглянув на красоту лилий, ромашек и гладиолусов, изрекает: «у крыльца задумчиво цветут». Разве появилась бы красивая клумба у крыльца, если бы не кропотливый труд садовника. А цветы благодарны и «задумчиво цветут».

Раньше лирического героя раздражали капризы природы: дождь не давал погулять спокойно по улице, а с возрастом быстрее наваливалась на человека усталость. Поэт отмечает и эту метаморфозу, он считает, что ко всему можно привыкнуть: «Примирился с жизнью и погодою, с тем, что будет и что было встарь». Но самый главный жизненный вывод поэта, что человек и природа едины и взаимосвязаны. Лирический герой стал понимать язык природы и научился разговаривать с ней на её языке: «Потому, беседуя с природою, помню, что я тоже Божья тварь».

После этого пассажа поэту Орлову удается создать уникальный символ на стоящего человека. Если я выше упоминал и восторгался картиной Пабло Пикассо, когда он создавал символ мира одним росчерком пера, то Борис Александрович создал поэтический образ символ человека – это его неравнодушное, а горячее сердце. Если сердце бьется в унисон с разумом, только тогда в мире будут жить народы, позабыв о войнах:

Не ливень, не северный ветер,
Не ворон, не злое зверье,
А голубь с оливковой ветвью –
Прозревшее сердце мое.

Являются светлые лица,
Забыты и злость и раздор.
И сердце – библейская птица –
Вьет в праздничном храме гнездо.

Приезд в родное село, всегда становился отдушиной в жизни лирического героя. Но из года в год приезд в деревню не только умилял сердце героя, но и стал иногда тяготить его:

Благословлю крестьянский труд
И на чердак заброшу книжки.
Как хорошо, когда идут
С отцами в поле ребятишки.

Люблю, когда коса в руке,
Как птица утренняя свищет.
Но не люблю на сквозняке
По вечерам брести в жилище.

Все деревенские – родня.
Родство незыблемо и свято.
Вот только жаль, что у меня
Ни сына, ни отца, ни брата.

Если разобраться, то поэт Орлов не только благословляет крестьянский труд, а пишет гимн ему. Лирический герой, влюбленный в литературу, готов забросить чтение любимых книг и присоединиться к компании сельских мужчин, вместе с детьми шагающих на сенокос.

Он с удовольствием трудится, и в его руках коса «как птица утренняя свищет». А с небесной высоты подпевают песне косы жаворонки и другие птахи.

Косари – через одного близкие и дальние родственники лирического героя. Общение с ними «незыблемо и свято». Лирическому герою становится некомфортно к вечеру, но не из-за усталости, а от одиночества. После шумной, веселой и дружной компании на него накатывает хандра: «Вот только жаль, что у меня ни сына, ни отца, ни брата».

Но солнышко уже закатывается за горизонт, становится прохладно, а лезть на чердак и выбирать из пачки, заброшенных туда

книжек, не хочется. И причина этому уже выяснена.

Сплин развевает только поэзия, Борис Александрович понимает грусть лирического героя и пишет стихи:

Взошла ущербная луна –
Не различить следы.
Я не пьянею от вина –
Пьянею от беды.

Укрыл окраину села
Черемуховый дым.
Не светит свет. А светит мгла.
Над кладбищем твоим.

Когда нет настроения, когда горечь беды сжимает клещами сердце, то и луна кажется ущербной, и следы на дороге, где когда-то ходила мама, уже не различимы. Но мудрость лирического героя подсказывает, что не стоит беду заливать вином! У поэта Бориса Орлова об этом сказано так: «Я не пьянею от вина – пьянею от беды». Белоснежные соцветия черемухи кажутся дымком, который вместе с туманом застилает «окраину села», укутывая окраину мраком. А за этой окраиной и расположилось кладбище, на котором похоронены родители лирического героя. У него меркнет в глазах свет, хотя на улице сияет солнце, и цветет белая черемуха. Но около могилы он света белого не видит. Ему видна только мгла, которая зловещим полумраком падает над надгробьем. Но за послевоенное время на кладбище появились не только кресты, а и пирамидки с красноармейскими звездочками. А на некоторых могилках нет ни того, ни другого. Видны только заросшие травою холмики. У лирического героя сердце кровью обливается. А поэт Орлов написал о переживании героя стихи:

Забор. Сорока на калитке.
Ольшаник. Вербные кусты.
И наступают пирамидки
На деревянные кресты.

Я разведу кусты рукою –
В безвестный холмик ткнется глаз.
И нет ни вечного покоя,
Ни вечной памяти у нас.

Вот какую неприятную новость принесла на хвосте сорока, усевшись на заборе лирическому герою. А на кладбище он видит запустение. Могилки едва протискиваются среди зарослей ольхи и вербы. Эти кустарники быстро поселяются на заброшенной людьми и Богом земле. И сквозь заросли, поэт применяет к этой грустной картине леденящую кровь метафору: «наступают пирамидки на деревянные кресты». Это главная примета послевоенного времени. Кресты стали ставить на кладбищах реже, период безверия длился долго. А умирать ветераны Великой Отечественной войны стали чаще от ранений, контузий, полученных ими во время войны, и сократившие им жизнь. Представители сельской власти в Бога не верили, а потому и появлялись на кладбище не кресты, а пирамидки с пятиконечной звездой. И это подтекст звенит набатом во фразе поэта Орлова, что пирамидки наступают на кресты.

А лирический герой, когда он, раздвинув рукой ветки кустарника, увидел неухоженную могилу, вообще вышел из себя. При похоронах напутствуют усопшего словами: «Вечная тебе память». А тут стоит заброшенная и позабытая могила. Из груди вырывается стон: «И нет ни вечного покоя, ни вечной памяти у нас».

Вернувшись домой, лирический герой не смог успокоиться. Он зажег на столе свечу, немного подумав, зажег еще пару. Бог любит троицу.. Приходит умиротворение. Отлетела в сторону злость, утихла боль, что стучала в виске. Осталась только тихая грусть. О меланхолии героя и написал стихотворение поэт:

Я за столиком один.
Три свечи горят.
Я за столиком один.
Неподвижен взгляд.

Много столиков вокруг.
Ни одной улыбки.
Много столиков вокруг.
Плачут скрипки.

Сквозняки. Толпа теней.
Отблеск огневой.
Сквозняки. Толпа теней.
Я один живой.

В стихотворении три строфы. Каждая первая строчка строфы повторяется дважды. Рефрены в поэзии звучат для усиления значимости смысла повторяемой строки, а также показать глубину меланхолии лирического героя. Волны грусти, их высота увеличивается от строфы к строфе. Сначала герой заявляет: «Я за столиком один». Затем оказывается столик в помещении не один, а «много столиков вокруг». Дальше больше: «Сквозняки. Толпа теней». Уже толпа, хоть и теней появляется в доме.

Также волнообразно меняется и настроение героя. Вначале он заворожен колыханием пламени огоньков свечей и смотрит, не мигая, на огневую пляску. Поэт подчеркивает: «неподвижен взгляд».

После, оглядев помещение вокруг себя, герой осознает, что он один, не видно «ни одной улыбки», а в душе от скорби тихо «плачут скрипки».

А в сквознячок колышет языки пламени свечей, и от каждого предмета в пустой комнате отбрасывается тень. Получается, что много теней отплясывает кадриль, а потому у этих теней собирается огромная толпа, от «отблеска огневого».

Но тут и срабатывает в стихах Бориса Орлова эффект одиночества среди городской толпы. Шагая по улице среди шумной толпы, человек не обращает на рядом идущих с ним людей никакого внимания, будто никого и нет вокруг него. Этот эффект озвучивает поэт: «Я один живой». И совершенно правильно. Тени – это всего лишь негативы от реальных живых людей. И только от встречи с деревенской одинокой бабушкой получает новый эмоциональный всплеск в душе лирический герой. Он поражается жизнестойкости старушки, которая одна, как перст, осталась на всем белом свете. Стихотворение Бориса Орлова так и называется «старушка»:

Поет из-за печки старушке сверчок,
Цветут на комоде открытки.
И смотрит подсолнуха черный зрачок
В слепое окно у калитки.

Дряхлеет… Все реже из ветхой избы
Выходит в боры и дубравы.
Уже собирает гнилые грибы
И сушит над печкою травы.

Она не считает, как прежде, года,
Не думает, сколько осталось.
В душе отстоялась, как будто вода,
Святая безмолвная старость.

Портрет старушки выписан с любовью, а потому умиляет читателя. Когда-то один поэт написал веселую озорную песенку про четырех неистребимых тараканов и веселого сверчка, с которыми всю жизнь боролся, но никак не смог победить старичок. А у старушки тараканы не водятся – она чистоплотная хозяйка. Вот и поет старушке песенки сверчок. Пиликает тихонько на скрипочке. Характерна еще одна деталь. В доме у старушки нет живых цветов в керамических горшочках. Зато на комоде цветы цветут… на открытках, которые дарили женщине в молодости влюбленные в неё мужчины к международному женскому дню, в день рождения и в день ангела.

Очень великолепна метафора: «И смотрит подсолнуха черный зрачок в слепое окно у калитки». Бывает, что маленькое окошко в избушке на курьих ножках сказочной Бабы-Яги называли подслеповатым, так как окошко было мутным, никто стекло в этом окне давно не мыл, ни Леший, ни сама Баба-Яга. Так зачем же черный зрачок уставился на слепое окно и что он там разглядел. Стекла окна или занавешены темной тканью, или вместо стекол забиты досками или фанерой.

О том, что у старушки преклонный возраст, читатель сможет понять, прочитав фразу: «Дряхлеет… Все реже из ветхой избы выходит в боры и дубравы». Вот грустные приметы старости: дряхлость и ветхость. Дряхлеет старушка и параллельно с этим ветшает и изба….

А строчка: «Уже собирает гнилые грибы и сушит над печкою травы» говорит о бедности и слабости старушки. Она находится на грани нищеты. Но грибы собирает червивые не специально, чтобы ими отравиться. Самоубийство – великий грех. Просто у бабушки совсем плохое зрение, слепота прогрессирует с каждым годом жизни, вот и берет, кидая в корзинку «гнилые грибы». Не ведает бабушка, что творит. Зато её не берут никакие хвори, так как она травница. И собирает целебные травы, и «сушит над печкою» их. Ни цейлонский, или индийский чай она не заваривает, настаивает травы на кипятке, и пьет этот эликсир жизни. На заморские чаи у неё нет денег, а не

привозят их в село. Услышав в лесу голос кукушки, старушка года не считает. Я знаю одну бабушку, у нас в деревне, когда её спрашивали: «Баба Маша, сколько вам лет?». Она каждый раз много-много лет подряд отвечала одно и тоже:

– Да вот на Пасху седьмой десяток пошел.

Хотя Пасха отмечается не в один и тот же день, и на каждую Пасху пошел Марии Ивановне седьмой десяток, никто не знал.

Та и в стихотворении Бориса Орлова старушка года не считает. Чтобы не думать. А сколько же лет осталось до столетнего юбилея. Трогательно поэт и заканчивает стихотворение: «В душе отстоялась, как будто вода, святая безмолвная старость».

Волнует лирического героя судьба деревенского бакенщика. О дружбе лирического героя и бакенщика с теплотой в голосе рассказал в стихотворении Борис Орлов, которое так и называется «Бакенщик»:

В сторожке алеет оконце.
Огонь оживает в печи.
Швартуется к берегу солнце,
Короче и тоньше лучи.

А бакенщик смотрит угрюмо
На гладь остывающих вод.
По озеру с праздничным шумом
Уже теплоход не пройдет.

С душой не отыщется слада
Ни в песне, ни в кружке вина.
Разлапистый дым самосада
Из трубки пророс, как сосна.

В крови и в природе остуда.
Скучает старик без вестей.
И ждет неизвестно откуда
Осенних недобрых вестей.

Как велик и разнообразен словесный арсенал поэта Орлова. В нем без труда можно подобрать любой калибр нужного слова. Взять за основу разнообразие поэтических средств первой строки Бориса Александровича: «В сторожке алеет оконце. Огонь оживает в печи».

Почему заалело оконце? Его окрасила нежным цветом заря, или всполохи огня в затопленной печке? А может быть тут игра цвета и света из обоих источников? Интересно, но хочется отметить еще одну изюминку первой фразы. Огонь не загорается в печи, а оживает. Как будто лежал, лежал он спокойненько в охапке дров возле дверцы топки в печку, а когда поленья уложили в топку, огонь-то встрепенулся и ожил в печи…

Не менее красива и другая метафора: «Швартуется к берегу солнце, короче и тоньше лучи». Рассмотрим вместе эту замечательную картину. Солнце уже садится за горизонт на другой стороне озера. А бакенщик этот закат воспринимает профессионально. Раз солнце зависло над водой у берега озера, тот оно «швартуется к берегу». Поэт вдобавок к такой удивительной метафоре добавляет еще одну. Очень наблюдательный человек поэт Орлов. Он увидел лучи солнца стали короче и тоньше. Бакенщика же такое обстоятельство не радует. Это явная примета приближающихся холодов. А потому он «смотрит угрюмо на гладь остывающих вод». Если говорить не возвышенно изящным поэтическим языком, а грубой прозой, то озеро покрывается льдом, замерзает. И закончится трудовая вахта старика-бакенщика, закончится летний сезон. И станет на прикол туристическое судно. Прекратятся праздничные шумные прогулки на теплоходе. Где вечно играет музыка, и звучат популярные песни.

Скучна и грустна станет жизнь бакенщика. Как говорят обыватели, для праздного времяпровождения ему стоит уповать на: кино, вино и домино. Но, как отметил поэт, характер бакенщика, в кружке вина и он не нуждается. Зато он заядлый курильщик, и «разлапистый дым самосада из трубки пророс, как сосна». Ядреное сравнение. Какой капитан-моряк может обойтись без трубки. Трубка пресноводного капитана-бакенщика главный атрибут его. А вот образ дыма, клубами поднимающийся из пеньковой трубки вверх необычен: «Разлапистый дым самосада из трубки пророс, как сосна». Богат лексикон поэта: дым - разлапистый, не табак – самосад, а вместо волшебного Джина, который вырывается из бутылки, как извергающееся пламя, и густой дым вулкана из жерла трубки возносится вверх, как сосна.

А для бакенщика это не экзотика, а привычное дело. Он равнодушен к хлестким фразам: «курить – здоровью вредить», отмахива-

ется от них соленым словечком, или стишком доморощенного поэта: «кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрет».

Бакенщик встревожен другим плохим предчувствием. О нем и говорит читателям профессиональный поэт Борис Орлов: «В крови и в природе остуда. Скучает старик без вестей и ждет неизвестно откуда осенних недобрых гостей».

Бакенщику столько лет, когда не стало деда лирического героя. А деда красавца - кирасира, гвардейца, который не только гарцевал на скакуне в старице на парадах пред светлыми очами царя, я уже упоминал. Но когда началась первая мировая война, ему прислали повестку… собирайся воевать! Поэт Борис Орлов рассказывает на примере своего дедушки, как война меняет человека. Война коверкает души, терзает тела ранами, а кто под её горячую руку попадется, укладывает в могилы.

– Не плачь, мать, не убьют.
А немца мы осилим.
Побереги коня –
Война не на века.
И дед мой, кирасир,
Встает за честь России
Под знамя
Лейб-гвардейского полка.

Он весел и красив,
Собой вполне доволен,
Еще не видел крови
И не копал могил.
… Но с первой мировой
Вернулся хмур и болен,
Как будто целый мир
За год похоронил.

В начале первой мировой войны был патриотический подъем. На войну шли не только мужчины, а и женщины. Были сформированы даже женские добровольческие батальоны. Одна из них так доблестно воевала, что стала полным Георгиевским кавалером.

Но матери есть матери. И бабушка поэта переживает за своего сына, рыдает и просит его поберечь себя.

Гвардейцу лейб-гвардейского полка не к лицу кручиниться. Он утешает маму и просит лишь об одном… поберечь коня.

Просьба кажется несколько странноватой. Что коню сделается? Не зря про крепких мужчин говорят: «Здоров, как конь!»

Но кирасир уверен, что «немца мы осилим», а ведь он не только гвардеец и вечно служить не будет, а вернувшись с войны, станет опять заниматься крестьянским хозяйством. А без коня на селе много не покрестьянствуешь…

На фронт дед отправляется бравым молодцом, но уже в голосе поэта Орлова звучит грусть предчувствия. Поэт говорит про браваду деда: «Он весел и красив, собой вполне доволен». А во второй половине этой фразы уже есть предупреждение – война может быть для кого-то и мать – родна. Но, в основном, несет беды и горе людям. И Борис Александрович сбивает нотку ура-патриотизма в другой части фразы: «Еще не видел крови и не копал могил». И как в воду смотрел: «… Но с первой мировой вернулся хмур и болен, как будто целый мир за год похоронил». Дед повидал на войне много смертей с обеих сторон. Отвоевал год и стал хмурым и больным. Но почему у него нет уже трепета в груди от названия войны – она же мировая. А последняя фраза в стихотворении поэта Орлова звучит как приговор всем мировым войнам. Его дед скорбит о миллионных потерях первой войны: «Как будто целый мир за год похоронил».

Но личная жизнь лирического героя тоже не проста. Много зигзагов и крутых поворотов пришлось пережить и преодолеть другие барьеры… каждое стихотворение поэта – жизненная веха на пути лирического героя. А потому в стихах целая гамма противоречивых чувств.

Вот стихотворение со счастливым концом:

Я рад, что женат. Мы снимаем
Квартиру в цветастой весне.
Друг друга без слов понимаем,
А вот на словах не вполне.

Веселые песни сорочьи
В окошко летят на постой.
И стынут галактики ночью
В кадушках с небесной водой.

Сорокой весна пролетела.
Встречаем июнь у крыльца.
И счастью не видно предела.
И жизни не будет конца.

Но в любом счастливом конце бывает грустная нотка. Эта грустинка, как капля дегтя в бочке меда, придает сладости счастья и меда, горьковато неприятный привкус. Про эту горчинку я и скажу в первую очередь, а потом уж об огромных достоинствах лирической поэзии Бориса Орлова.

Посмотрите на фразу: «Друг друга без слов понимаем, а вот на словах не вполне». Когда мужчина и женщина понимают друг друга без слов – это великая радость, созвучие душ, радость, которая плещет через край. Но во второй половине фразы звучит сожаление. И эта заминка происходит от того, что слова-то воспринимаются иногда противоречиво. Не все реплики друг другу проходят и воспринимаются без сучка и задоринки. Появляется после разговора какая-то неловкость. Зато в начале стихотворения в голосе лирического героя звучит такая эйфория – трудно передать словами. Поэт Орлов в первой строке создал даже внутреннюю рифму: «Я рад, что женат». Фраза еще не закончилась, а созвучие, рифма уже есть: «рад – женат». Такая же радость звучит и во второй фразе: «Мы снимаем квартиру в цветастой весне». Разумеется эта метафора. Весна не меркантильная женщина и на постой постояльцев не принимает. Она дарит людям цветы бесплатно, бескорыстно. Двери её квартиры открыты настежь, заполнена жилплощадь теплом и светом. Но самое главное, что весна дарит людям любовь. И они благодарят весну за этот божественный подарок.

Весна вместе с теплом приносит природе еще и живительную влагу. Все растения напьются дождевой водой. А люди заготавливают небесную влагу даже впрок. Под водосток подставляют кадушки.

Днем в окна дома прорываются птичьи песни, зато ночью поэт создает изумительный образ «стынут галактики» в этих «кадушках с небесной водой».

В последней же фразе лирический герой отметает в сторону все противоречия: «милые бранятся – только тешатся» и радуется жизни искренне: «И счастью не видно предела и жизни не будет конца».

А поэт возвращается к теме, что прозвучала выше: о веселых песнях птиц, которые летят в окошко лирического героя. В стихотворении «каждый верит в свою удачу…»

Каждый верит в свою удачу,
Нянчит рощу и строит дом.
Эта сосенка станет мачтой,
А березка – могильным крестом.

Роща солнечным небом дышит,
Ель танцует среди сестриц.
Прежде, чем стать коньком на крыше,
Надо выслушать песни птиц.

Во фразе «нянчит рощу и строит дом», замаскировано поэтом желание каждого мужчины, который должен в течение жизни посадить дерево, построить дом и воспитать сына. И Борису Александровичу удалось это сделать. Не сразу читатель увидит замаскированную мечту каждого мужчины. А это и есть искусство поэта и художника. В Древней Греции было состязание среди именитых живописцев. И каждому художнику хотелось получить пальму первенства. В финал вышли двое. Строгое жюри внимательно осмотрело работы живописцев. На первом полотне была нарисована кисть винограда. И птичка, летавшая на летней веранде, обманулась. Виноградинки казались на картине настоящими. И птица вцепилась коготком в холст, и попыталась поклевать ягодку винограда.

Это вызвало фурор у жюри… Когда страсти и бурный восторг улеглись. Главный арбитр попросил второго художника:

Отдерните занавеску вашей картины. Ответ ошеломил опытного знатока живописи:

– Я не могу отдернуть занавеску, она нарисована на полотне.

Дальше поэт Орлов продолжает удивлять читателей. У него «Роща солнечным небом дышит». Как можно дышать солнечным небом? Парадокс. Но оказывается, это самая обычная реальность. Роще необходимы и небесный воздух, и небесное светило. Без них не вырастут ни сосна, ни березка. Но самая отличная находка поэта в конце стихотворения: «Прежде, чем стать коньком на крыше, надо выслушать песни птиц».

Конек на крыше, как изображение богини на форштевне ко-

рабля. Древние славяне путешествовали на лошадях, и они были символом жизненного двигателя в кочевой жизни во время военных переходов. Конек на крыше рассекает воздушное пространство, а воздух стихия пернатых птиц. Они садятся на хребет конька, на крышу и пою веселые песни. Так что заслужить право слушать птиц, надо научиться их понимать.

Но как говорят: «слово – серебро, молчание золото». Поэтому иногда молчание бывает намного красноречивее, чем длинный-длинный разговор. Это как раз тот случай, про который написал поэт Орлов стихотворение, посвященное Тане:

Улыбнешься – сердце онемеет,
Глаз не оторвать – смотрю во след.
Ты молчишь – не каждый так умеет:
Не понять, но и вопросов нет.

Ты несешь себя, как носят знамя:
И покрасоваться, и сберечь.
Громкое молчанье между нами
Пролегло, как пламенна речь.

В этом стихотворении в каждой строчке эмоциональный всплеск. У лирического героя улыбка девушки вызывает замирание сердца. Оно у него «онемеет» тут же. А пройдет мимо – глаз не оторвать от стройной поступи.

Удивляется лирический герой многозначительному молчанию любимой девушки. Как в знаменитой песне про влюбленного, но стеснительного паренька: «Поморгает мне глазами, а не скажет ничего».

Но в этой песне, когда паренек моргает, у девушки сердце тает. А у поэта Орлова все наоборот: молчит девушка, а молодой человек тоже онемел – не задает ей никаких вопросов.

А когда смотрит ей вслед, даже мысли не возникает, что ничего в ней нет. Парень смотрит ей в след с восхищением. Гордая посадка головы и легкая стать. Походку девушки сравнивает поэт с походкой знаменосца на параде: «Ты несешь себя – так носят знамя: и покрасоваться и сберечь». Очень удачное и точное высказывание. Знамя нужно нести гордо и красиво. И не уронить честь знаменосца, не споткнуться, не сбиться с ритма шага, то есть сберечь с вою

честь, не ударить в грязь лицом.

Не менее эффективно стихотворение оканчивается: «Громкое молчанье между нами пролегло, как пламенная речь». Молчание обозначает тишину. А тут громкое молчание. Но я еще в начале анализа стихотворения заявлял, что иногда молчание красноречивее слов. Даже очень громких. Да народная мудрость говорит об этом: «Молчи громче!».

Поэтому «громкое молчание» и сравнение «пламенная речь» - одного поля ягоды.

Во втором стихотворении, посвященном Тане, не меньше блестящих поэтических находок, чем в первом мадригале:

Дремлет птичий заповедник,
В кронах плещется пурга.
Между первым и последним –
Настоящие снега.

Глохнут слухи. Слепнут сплетни.
Нам не надо лишних слов.
Между первой и последней –
Настоящая любовь.

Главный акцент в этом стихотворении поэт Орлов поставил в последней строке: «Настоящая любовь». Про настоящую любовь многие поэты в разные времена и эпохи писали вирши. Она, любовь выглядела у них по-разному: страстной, нежной, до гробовой доски, беззаветной, безответной и так далее и тому подобное.

Но у Орлова-то говорится о настоящей любви. И о такой любви мне приходилось слышать в одной песенке из дворового шансона: «На то она и первая любовь, чтоб стала настоящею другая». Только это благое желание юноши после разочарования от первой влюбленности. Настоящая любовь бывает, когда она настоящая на самом деле. Это награда человеку от Бога. А награждают человека орденами и медалями за какой-то очень важный жертвенный поступок. А значит настоящую любовь, нужно заслужить и выстрадать.

Борис Александрович и сделал упор на эти постулаты: «Нам не надо лишних слов. Между первой и последней настоящая любовь». Вот какой огромный диапазон, промежуток времени занимает место в человеческой судьбе настоящая любовь.

И если любовь настоящая, то: «Глохнут слухи. Слепнут сплетни». Это не только две мудрые мысли, они еще и музыкально настроены. В сочетании «глохнут слухи» слышится выдох и вдох сожаления: «Хы – Хы!», а во фразе «слепнут сплетни» иронический посвист – «спи – спли..», словно освистываются и сплетни, и слухи.

А в первых строках этого мадригала поэтом создан впечатляющий образ. Метафора «Дремлет птичий заповедник, в кронах плещется пурга» никого из читателей не оставит равнодушным. В кронах деревьев может гудеть, стонать пурга, но плескаться в ветвях – это что-то новое, не применяющееся ранее обличие пурги. Тем более птичий заповедник не стал бы дремать под завывания пурги. Это мятущийся образ любви двух любящих сердец. И лишних слов им не надо.

Но ради настоящей любви лирическому герою приходится в чем-то жертвовать: уютом и даже простыми мелкими интрижками. И Борис Орлов пишет об этом:

Я не останусь ночевать нигде:
Ни у красотки, что живет без мужа,
Ни в мраморном дворце, ни в пьяной луже.
Домой вернусь по суше и воде.

Вокруг меня людская суета.
Смешные сплетни, глупые советы.
А дома надо накормить кота,
Полить цветы и прочитать газеты.

Холостяцкую… Ну и что же в том?
В соблазнах нет покоя и спасенья.
Я более всего люблю свой дом
И домового, что живет вне зренья.

Если нет настоящей любви, то лирический герой поступает слишком категорично и безапелляционно. Он не соблазнится привлекательностью незамужней красотки и кокетки, этакой великосветской дамы. Не уподобится герой донжуану или ловеласу, которому самому хочется покрасоваться в высшем свете на приемах в «мраморном дворце».

Лирический герой живет по принципу: «сладкого не досыта,

хмельного не до пьяна». Не будет он флиртовать и пользоваться услугами девиц на улице с неразбитыми красными фонарями.

Об этом своем нерушимом принципе герой прилюдно заявляет: «Я более всего люблю свой дом и домового, что живет вне зренья».

Не привлекают его «людская суета». Сплетни он считает смешными, и иронически улыбается, а советы ловеласов глупыми и неприемлемыми.

Лирический герой и в своем любимом доме, чтобы не разочаровался его невидимый сосед – домовой, живет без роскоши, по-спартански аскетично. Об этом написал поэт Орлов в стихах «В чашке черный кофе…»:

В чашке черный кофе. Ломтик хлеба.
Благодать. Душа летит в зенит.
Синее фарфоровое небо
Ласточкою в воздухе звенит.

Выпью кофе. И глаза закрою.
Лучик солнца задрожит на лбу.
Птичий май веселою листвою,
Как водою, окатил листву.

Не хочу ни шума, ни участья
В шуме – этим душу не согреть.
Милое доверчивое счастье –
Жить открыто, словно песню петь.

Вот какая харизма у лирического героя. На столе кофе и ломоть хлебушка, а он доволен. Душа парит где-то под облаками. А свой скудный завтрак, или ужин лирический герой считает божьей благодатью. Ему нравится наблюдать голубизну неба. Борис Александрович сравнивает его цвет с цветом фарфоровой чашки, в которую налил кофе герой. Как это напоминает рассказ писателя Аркадия Петровича Гайдара «Голубая чашка». Такая же романтическая история, но не в прозе, а в стихах.

Любуясь голубизной неба и фарфоровой чашки, у лирического героя возникает еще один поэтический образ: голубое небо звенит в воздухе ласточкою.

А солнечный лучик, как солнечный зайчик, освещает лоб героя и согревает его. Зато расхулиганился май, он взял да и «окатил листву» водою.

Но лучше солнечного лучика согревает душу лирического героя «Милое доверчивое счастье», Борис Орлов расшифровывает это абстрактное понятие так: «Жить открыто». Поэт продолжил и развил мысль и дальше: «Словно песню петь». Но поется песня, если душа поет, а сам «живешь открыто».

И новую песню, новое стихотворение свое поэт Борис Орлов опять посвящает Тане.

Вечер. Вместе солнце и луна
Прилегли на крышу старой дачи.
Дремлет юный ветер. Тишина.
Воздух неподвижен и прозрачен.

В ледяных осколках дачный пруд.
Сонные аллеи на просушке,
Синие подснежники бредут
Робко по безлиственной опушке.

Я привык приветливо встречать
Все вокруг, что долюбить осталось.
Утвердило сердце, как печать,
Чувствами и молодость, и старость.

В этом стихотворении Борис Орлов не прямо говорит о любви к юной девушке. Но приводит такие романтические образы, которые в сочетании с философским воззрением поэта, показывает трогательные отношения лирического героя к Тане.

Вечером на крыше старой дачи прилегли отдохнуть солнце и луна. Обычно, когда светит солнышко, то луны на небосклоне не видно. Но и такое необыкновенное явление в жизни все-таки бывает. Солнце уже почти закатилось за горизонт. Виден только краешек диска из-за крыши дачи, а уже светлая, круглая, почти прозрачная луна выкатилась с другой стороны крыши. Вот и встретились вместе молодость и старость. Они, солнце и луна, рады этой встрече и тому, что даже природа радуется их любви и дружбе. Ветер, который никогда не может усидеть на одном месте, а вечно что-то ищет, рыщет, сбросил с себя несколько годков и превратился в юношу. Наступила

тишина – ветер не свищет и не рыщет, а сам юный ветер – задремал. Чтобы подольше продолжалась встреча нежной луны и влюбленного солнца, даже воздух замер. Он, сказал поэт, «неподвижен и прозрачен». Такие же прозрачные отношения и у влюбленной пары.

Великолепен образ и синих подснежников, которые бредут «робко по безлиственной опушке». Это трепетность влюбленной пары подчеркивает поэт Орлов. Вокруг еще прохладно. Даже зеленая травка не проклюнулась через прелую прошлогоднюю листву, а это чудо - подснежники уже захотели своей синевой сравняться с синевой неба. Так и любовь побеждает любые барьеры и условности. Ведь еще на глади пруда у заберегов прозрачные льдинки, и «сонные аллеи на просушке», но горячую любовь эти мелочи жизни не остудят.

Лирический герой тоже уверен в этом и произносит монолог: «Я привык приветливо встречать все вокруг, что долюбить осталось». Это приметы романтической любви. Не стареть ни возрасту, ни непогоде. А поэт показал любовь Тани и лирического героя очень ярко и возвышенно.

Но высокий градус любви трудно поддерживать постоянно. Бывают у влюбленных и размолвки. Но, если молчать, и вести себя как бука, то размолвка, словно непреодолимая преграда и не позволит влюбленной паре пожениться. Но кто сделает первый шаг? В стихотворении поэта Бориса Орлова первый шаг делает лирический герой.

Мы были для счастья открытыми,
Казалось: весь мир у крыльца.
Забудем об этом… Обидами
Небрежно разбиты сердца.

Сомненьями – горькими вехами
Отмечен извилистый путь.
Забудем об этом. Проехали!
Что было – того не вернуть.

Банальные вечные истины
Пугают своей новизной.
Забудем об этом – мы искренни! –
И выпьем еще по одной.

У поэта в каждой из трех строф звучит рефреном одно и тоже изречение: «Забудем об этом». Разумеется, первым настаивает, как джентльмен, забыть лирический герой.

И о чем же они должны забыть? Во-первых, были при размолвке серьезные обиды, от которых «небрежно разбиты сердца». Пренебрегли интересами друг друга, и в итоге в любви образовалась трещина, но уступить друг другу не смогли, и эта трещина расколола любовь на две половинки. Но именно желание соединить эти половинки сердец и двигают лирического героя к примирению.

Когда-то они, каждый из них, отыскали свою родную половинку, так зачем же допускать, что бы половинки опять стали летать одиноко по свету и искать её снова? Вот и звучит в каждой строфе энергичное слово: «Забудем!»

Если сердца разбиты «небрежно», по случайности, то может и правда стоит забыть обиды? Да есть прописная истина: «Разбитую вазу невозможно склеить». Но это взгляд и рассуждение обычного обывателя. Есть мастера-реставраторы, которые умеют так склеивать осколки вазы, что ни одной трещинки на её поверхностях никто не заметит. И этот реставратор имеет имя собственное – Любовь.

Но раскол произошел не только из-за небрежности пары. Поэт приводит еще один аргумент разрыва отношений – замучили сомнения. Поэт об этом говорит: «Сомненьями – горькими вехами отмечен извилистый путь»

Путь этот и впрямь – извилист и тернист. Только герой начинает отыскивать правильное решение для примирения, как вдруг горечь воспоминаний всплывает на поверхность грязноватой пеной, и гордыня поднимает на мачте «Веселый Роджер». Как же забыть об обиде? А поэт настойчиво прокладывает курс, как опытный штурман на сближение. И его впередсмотрящий громко выкрикивает: «Приехали!»

В бытовом общении этот возглас воспринимается как - «Забудем о наших обидах!» Хотя не понятно, что забыть: о конфликте не возможно, как, впрочем, и вернуть прошлые отношения…

И возникает новый барьер на пути сближения. Поэт произносит парадоксальную характеристику этого происшествия: «банальные вечные истины пугают своей новизной». Если истина банальна, то она потерта, помята, а где-то и надорвана, как мелкая разменная

денежная купюра. А так как её номинал ничтожен, то не жалко эту совсем не вечную купюру выбросить в мусорную урну. И только это желание созрело, как перед глазами вместо мятой бумажки возникает хрустящий, блестящий новизной типографской краски, только что полученный из банка госзнак.

Но и как раз эта волшебная новизна знака и пугает влюбленных, мешает им вместе преодолеть препятствие. А поэт знает, как наладить своим лирическим героем отношение: «Забудем об этом – мы искренни!» Да, да именно искреннее раскаяние и желание восстановить прежние любовные отношения и помогут им.

А вот последняя фраза читателя настораживает: «И выпьем еще по одной». Что же это за пьянка длилась во время размолвки? Хлестали беспрерывно спиртное, одну рюмку за другой?

Нет, это такой примиренческий жест лирического героя. При первой встрече влюбленные выпили по фужеру шампанского на брудершафт, а теперь они пьют и поднимают тост – За примирение.

Но горечь размолвки, если немного и подсластили, но в сердцах холодок-то остался. Но радость первой встречи не забудется никогда. Об этом феномене и рассказал в стихотворении Борис Орлов:

Мы юными были. Вечерняя мгла
Звала нас кузнечиков слушать.
Сначала тянулись друг к другу тела,
А после – пугливые души.

Ах, жизнь! Миражи и мечты забрала.
Теперь – что озера, что лужи…
Сначала в любви износили тела,
А после растратили души.

Стихотворение поэта, как яркая вспышка, след от которой длится какое-то быстротечное мгновенье. Только афористично родилась любовь, а через миг прекратилась. Но это только кажется влюбленной паре. Этот короткий миг и называется жизнь.

Сначала влюбленные пугались стрекота кузнечиков, но мечта о вечной любви их соединила. А теперь, на закате дня, жизнь - жестянка отобрала у них все иллюзии. Поэт с сожалением в голосе называет причину этого охлаждения чувств: «Сначала в любви износили тела, а после растратили души». У одного барда есть нечто

похожее на финал Бориса Орлова. Бард сожалеет, что свою «купюру жизни разменял на дни». У Бориса Орлова нотки более трагические. Его лирические герои провели не деноминацию твердой валюты, а разменяли, нет, растратили свои бессмертные души. Такая утрата не откинутый ноль на купюре, а утеря частички своей души.

В стихотворении «Два вулкана – клокочем…» поэт орлов говорит об огнедышащей лаве любви, о жаркой страсти Её и Его:

Два вулкана – клокочем… обуглены рты.
Словно камни, весомые доводы ищем.
Я сжигал корабли. Ты сжигала мосты.
Между нами – огонь, а вокруг – пепелища.

Я умышленно не цитирую весь текст стихотворения Бориса Александровича, что бы на примере этого отрывка раскрыть страстную натуру двух любящих сердец в полной мере.

Стихия извержения вулкана страшна и разрушительна, один вид её даже издалека ввергает людей в ужас. Яркий пример тому картина Карла Брюллова «Гибель Помпея». А в стихе у поэта Орлова извергаются сразу два вулкана. На них смотреть вообще не возможно, можно ослепнуть. Ведь у двоих влюбленных – обуглены рты. Огромные весомые камни – доводы вылетают как пушечные ядра из жерла обоих вулканов.

И своими действиями влюбленная пара отрезала друг другу пути к отступлению. Они стали заложниками и жертвами своей безответственности: один «сжигал корабли», а другая - «сжигала мосты».

Поэтому надежды на спасение нет. Пока из жерла вулкана вырывается из долгого плена огонь, который все испепелит на своем пути. Но пока вулканы не превратили долину жизни в «пепелища» происходит изменение внешности лирического героя:

Словно моль, потравила виски седина.
По моим векселям – ни богатства, ни славы.

Потрясающий образ у Бориса Орлова. Он сравнивает поседевшие виски героя с потравленной молью меховой шубы. Серебро висков не умаляет ценность человека, а вот потравленная молью шуба, уже гроша ломаного не стоит. Но встает резонный вопрос, исходя из вышеприведенной цитаты. В чем повинна Она, если Он по своим

векселям – ни богатства, ни славы не получил? Ведь при разводе даже суд присудит им раздел имущества поровну. Так в чем же тут закавыка? А фокус Бориса Орлова в том, что они две разных субстанции. Как в одном политическом анекдоте из времен Советского Союза: Встретились два приятеля, один спрашивает:

– Что ты узнал на курсах научного коммунизма?

– О, очень много! – восторгается другой. – Я узнал, что Карл и Маркс один, а не два человека, а Слава Капээсэс вообще не человек, а наша партия.

Вот так и поэт приберегал тайну взаимоотношений Её и Его до последнего момента. И я, внимание, раскрываю эту тайну. Но не сам, а представляю слово самому поэту:

Ты одна у меня. Ты – иная страна.
Между нами – таможней – привычки и нравы.

Вот так эзоповым языком объясняет «развод» законопослушного гражданина со своей любимой страной. Страну разрушили, раздавили, но это не вина лирического героя, а беда. Под обломками страны многие граждане погибли. Теперь выжившим остается или самому изменить свои привычки и нравы, подлаживаясь под заморских мудрецов. Или же жить своим умом и восстанавливать свою страну, чтобы ею можно было гордиться.

А где же взять для этого силу, жизнестойкость? Поэт Борис Орлов знает рецепт. Но не горьким аптечным препаратом предлагает он лечиться нам. Поэт советует брать пример у природы:

Кипрей опалил пепелище.
Усыпан кувшинками пруд.
Смысл жизни растенья не ищут,
А просто растут и растут.

Природа не терпит сомненья,
Её назначение – жить!
Она не терзает растенья
Вопросами: быть, иль не быть?

Заботы, заботы, заботы…
В них наша вина и беда.
Забыли, что частью природы
Мы были… Мы будем всегда.

В этом стихотворении ставит в первый ряд давний мудрый лозунг: «Назад к природе!». Мы не повелители её, а жадные потребители и расхитители богатств природы.

И в его поэтической картинке очень много примеров разумности природы. На пепелище, кипрей его «не опалил», а восстанавливает спаленную опушку леса каким-то «повелителем» природы. Радуют глаз кувшинки в пруду.

И Орлов показывает разницу между «хозяином» природы и самой Природы: «Смысл жизни растенья не ищут, а просто растут и растут». Как этот простой смысл жизни природы не укладывается в прокрустово ложе другого изречения, сделанного потребителем: «Мы не можем ждать милости от природы. Взять их у неё – наша задача!» Но если только брать и не давать ничего взамен природе, то у неё за спиной окажутся не только пепелища, а голые пространства пустыни, где даже жизнестойкий кипрей не вырастет. Так кому же задавать вопросы: «Быть иль не быть?». Себе или природе?

Вопрос повиснет, как глаз вопиющего в безжизненной пустыне. Его никто не услышит.

Но Борис Орлов даже из такой тупиковой ситуации умеет найти выход. Он предлагает вспомнить, «что частью природы мы были…». Но это многоточие поставленное им, только чтобы заострить наше внимание на последней фразе, в которой и скрывается оптимизм поэта: «Мы будем всегда». Вместе с природой. Именно оглянувшись на природу, в голову приходят хорошие мысли. Если природа умеет заживлять свои раны, полученные от варварских действий человека, то почему же человеку не попытаться залечить свои душевные раны. Совместно. Только двусторонними усилиями восстанавливаются - Мир и Любовь.

Для этого необходим спокойный и терпеливый диалог. Но кто-то первый должен сказать первое слово? Поэт предоставляет его лирическому герою:

О чем жалеть? Секретов нет отныне.
В окне горит вечерняя звезда.
Жизнь догорает, как дрова в камине,
Я постарел, и ты не молода.

Сгущается в саду ночная темень.
Наш разговор натянут, будто нить.

Мы разные с тобой, но в то же время,
Мы так близки, что не разъединить.

Природа приносит умиротворение и в семейный уклад. У природы все на виду, точно такая же открытость нужна и лирическим героям. Он заявляет твердо о главном правиле жизни супругов: «Секретов нет отныне». А природа подает условные знаки согласия с этой тезой: «В окне горит вечерняя звезда». В любом деле необходима поддержка и подмигивание вечерней звезды в знак согласия, окрыляет супругов, и они становятся более откровенными и без надрыва идет беседа: «жизнь догорает, как дрова в камине, я постарел, и ты не молода».

Но разорвать отношения можно в одну секунду, а вот налаживать их, необходимы долгие дипломатические переговоры. И они, герои, ведут их долго и упорно. Поэт показывает накал переговорного процесса одной фразой: «Наш разговор натянут, будто нить». Одно неосторожное слово и эта тоненькая ниточка, которая еще связывает мужчину и женщину, может в любой момент оборваться.

Но консенсус все-таки найден: «Мы разные с тобой, но в то же время, мы так близки, что не разъединить». Как хорошо бы было, если бы дипломаты наших заклятых друзей почитали бы такие стихотворения поэта Орлова.

Но разговоры оказались небесплодными и у пары влюбленных. Поэт Орлов пишет стихи, посвященные Тане:

Все об общем, ничего о личном…
Сердца стук – как писк подпольной рации.
И на марсианском, и на птичьем
Я пойму тебя по интонации.

Все равно – от ада ли, от рая ли –
Голос твой… Он словно свет в окне.
Говори о чем угодно – знаю я:
Это о тебе и обо мне.

Общие мировые проблемы у лирического героя отходят на задний план, когда дело касается личного. Услышав родной голос, у него сердце замирает, а потом начинает стучать словно морзянку ключом радист выбивает.

У героини подобран код, ключ к сердцу лирического героя, и

на каком бы языке она не посылала ему телеграммы «на марсианском, или на птичьем», он поймет её всегда.

Он прислушивается не смыслу разговора, а к его интонации. У любви не только с вои законы, но и язык. Гайдаевский Шурик, например, пытался перевоспитать верзилу. Получалось плохо. Занялся воспитательной работой с хулиганом и прораб. Верзила слушал его благоглупости, пока не надоело. Наоборот, он даже поощрял болтовню прораба: «Бухти, бухти, как космические корабли бороздят Большой театр».

В нашем случае орловский лирический герой уверен в одном: о чем бы ни говорила Таня: «Это о тебе и обо мне». Для кого-то важна внешность женщины. Про неё говорят издавна: «Ты свет в моем окошке». А лирическому герою даже не нужно вглядываться в лицо Тани. Для него даже тихий голос девушки в телефонной трубке, говорит поэт Орлов «Словно свет в окне». Как видите, голограмма не нужна влюбленным. Услышат голос, а как будто видят друг друга наяву.

И ни какие красоты рая, и никакие ужасы ада – ничто не помешает видеть это бесконечное кино лирическому герою: светлое нежное лицо, свет любимой тени и её ласковый голос. Это первично, а слева её - музыка любви.

Поняв друг друга, у влюбленных переменилась и жизнь в лучшую сторону. Она стала комфортнее, уютнее. Совсем по-домашнему стали жить лирические герои:

Ползут к востоку вишен тени –
Закат… Оранжев чернозем.
Давай попьем чайку с вареньем,
Поговорим о том, о сем.

И, разведя в камине пламя,
Устав от суетных потерь,
Забудем тех, что были с нами
Давным-давно… Закроем дверь.

Поманим кошку на колени,
Не будем в комнате курить.
Давай попьем чайку с вареньем,
Нам есть о чем поговорить.

Слетают с ходиков минуты,
Светло и весело в груди.
И так легко дышать, как будто
И жизнь, и счастье впереди.

Символы благополучия семьи в разные времена были свои. Например, в середине прошлого столетия последним писком моды были статуэтки белых семи слоников, установленных на комоде. Слоны стояли длинной шеренгой по ранжиру. Первый слон был самым высоким и мощным, а последний – маленький, миниатюрный, да и комплекция у него была ниже средней упитанности.

Чуть позже, когда горожанам стали выдавать за городом по шесть дачных соток, где они выращивали овощи, клубнику и плодовые деревья: яблони, вишни дома в городе появился новый культ: попивать в часы досуга чаек с клубничным или вишневым вареньем.

В стихотворении Бориса Орлова эти приметы времени ненавязчиво показаны в первой же строчке: «Ползут к востоку вишен тени». Сначала утром тени от вишен ползли медленно, но упорно к западу, а после полудня сменяли курс. А на закате они оказались уже на востоке.

В этих стихах поэт два раза повторяет фразу лирического героя: «Давай, попьем чайку с вареньем». На даче работы невпроворот, но во время небольших передышек, почему же не побаловаться чайком с вишневым вареньем. Разговоры вести за столом, за чашкой чая, у нас старая добрая традиция.

И лирические герои за чаепитием ведут с удовольствием разговоры на разные темы. В первом случае, герой предлагает прекрасную тему для задушевного разговора: «Поговорим о том, о сем». Утром выбирается свободная тема: «Нам есть о чем поговорить». Что ж, как говорил мой дед: «Если нечего сказать, то и «да» и «гм» – слова». Тема выбрана тоже подходящая: «Нам есть о чем поговорить» во втором случае.

Про тени от вишен на восходе и на западе я уже говорил. Но поэт Орлов из обычных явлений делает красочные картины. Яркий закат окрашивает всю округу нежным цветом: «Стал оранжев чернозем». Вот какая метаморфоза – черная возделанная пашня дачного участка превратилась из-за игры солнечного света в апельсиновую корочку.

А вечером, «устав от суетных потерь» герой и героиня развели в камине пламя, которое так же пляшет, и его языки отбрасывают на стены домика оранжево-красные блики.

Но гостей они не ждут и закрывают поплотнее дверь, чтобы никто их не беспокоил. Исключение делают для кошки. Ей, их любимице, разрешают даже усесться кому-нибудь из них на колени. Только еще одна примета времени, ходики монотонно-убаюкивающе отсчитывают, как метроном секунды, минуты и часы.

В конце стихотворения поэт показывает уважаемым читателям великолепную семейного отдыха: им, дачникам, «Светло и весело в груди. И так легко дышать, как будто и жизнь, и счастье впереди».

Лирические герои счастливы в самом деле. Они даже в молитве славят Господа. Об их эмоциях рассказал поэт Орлов:

Горячих молитва остудит,
Замерзших согреет. Меня
Спасет… Люди – все-таки люди,
Не ангелы. Судного дня
Дождутся, хотя не желают…
Накажет Господь и простит.
Молитвой к небесному раю
Указаны людям пути.

Вывод поэта прекрасен: людям указаны Богом пути, и какими бы тернистыми они не были, от своей предначертанной судьбы не уйти. И лирический герой из своего жизненного опыта уверен в силе уникальной молитвы. Он говорит и за окружающих людей, но больше всего надеяться, что ему поможет молитва, поможет в первую очередь. Вот как представил поэт Орлов в своем стихе это спасение: «Горячих молитва остудит, замерзших согреет. Меня спасет…».

Умиротворение молитвой творит чудеса. В голове у лирического героя роются и возникают самые экзотические планы. Лирический герой надеется, что во всем мире когда-нибудь наступит мир. Во всем мире прекратятся войны. И что вы тогда прикажете делать военному до мозга костей человеку? Лирический герой решил об этом давным-давно – надо жить в гармонии с природой:

Однажды я вернусь под отчий кров,
Когда из обихода сгинут войны.

Сниму шинель, пойду пасти коров.
Там лес и поле. Там всегда спокойно.

Мне кто-то скажет: «Ты сошел с ума…»
Но я душой не перекати-поле.
Мне снятся золотые закрома
Под стражей одряхлевших колоколен.

Бредут коровы в солнце и пыли.
Стрекозы в омутах целуют воду.
Хотя отвыкли руки от земли,
Не разучился чувствовать при роду.

Вот такая картина нового безвестного мира представляется поэту Борису Орлову. Может быть она немного наивна, но трогательна. Тем более не стоит забывать, что все мы, даже достигнув высот в творчестве, или чинов на военной службе, остаемся до глубокой старости – детьми. А раз так, то не надо забывать, что «устами младенца глаголет истина».

Вот лирический герой и мечтает: «Сниму шинель. Пойду пасти коров». И плевать ему на чужое мнение людей, забывших свои глубинные древние истоки землепашцев. «Ты сошел с ума…» - твердят ему со всех сторон, а он и в су и в бороду не дует. Он уже во снах видит себя пастырем. А его паства – коровы «бредут в солнце и пыли». Действительно на заходе солнца можно увидеть такую картину. Возвращающиеся с пастбища буренки, подымают клубы пыли, шагая по грунтовой дороге в деревню. И над стадом поднявшаяся пыль, пронизанная лучами солнца, становится золотым ореолом. А пастух любуется как «стрекозы в омутах целуют воду». Он гордится, что никогда не был «перекати-полем», и с радостью восклицает: «Хотя отвыкли руки от земли, не разучился чувствовать природу». Это великое чувство и позволяет поэту Орлову быть всегда молодым душой!

Приехав в деревню, лирический герой не только доволен сегодняшним днем, а остро переживает, вспоминая время, там, где мама молодая и отец живой. Пусть мама уже не молода, но для лирического героя она останется вечно молодой. Нахлынувшие воспоминания подвигнули поэта на творчество и появились эти трогательные стихи:

Тропинка бежит со двора
Заглавною строчкой анкеты.
А мама добра и стара –
Исполнилось семьдесят летом.

У мамы на окнах цветы.
Под окнами старый колодец.
Соседи, как правда, просты.
Один я здесь как инородец .

Солятся в бочонке грибы,
И вялится рыба под крышей.
В игре бесприютной судьбы
Я детство домашнее слышу.

Шурша облетает листва –
С ней ветер вступает в беседу.
Я счастлив, что мама жива.
Мне жаль, что отсюда уеду.

Фраза поэта: «Тропинка бежит со двора заглавною строчкой анкеты» сначала смутила меня, какая-то несуразица почудилась мне, какая взаимосвязь тропинки, бегущей со двора, и заглавной строчки анкеты. Но, поразмыслив немного удивился внутренней красоте этой фразы… С чего начинается анкета? С вопроса: «Когда и где родился?». Вот и «бежит со двора тропинка»… жизненный путь лирического героя начался от родного порога, а тем не менее, приезжая домой, он чувствует себя «инородцем».

Жизнь деревенская течет своей чередой, а судьба лирического героя побила и потрепала крепко. Поэт называет эту судьбу «бесприютной». Не было родной крыши над головой, а все жилье было временным: казарма училища, корпус подлодки, офицерское общежитие и казенная квартира. Но в доме своей мамы лирический герой чувствует себя в своей тарелке: «Я детство домашнее слышу». Все было казенное, а только детство осталось домашним.

По-домашнему встречают его и соседи. Они простые люди, но справедливые и любят резать правду-матку, не взирая на чины и регалии. Поэт Орлов это длинное предложение компактно уложил в один великолепный образ: «Соседи, как правда, просты». Я слышал

про правдолюбцев иронически –насмешливое выражение: «Простой до безобразия».

А вот сказать о своих соседях с глубоким уважением: «как правда, просты» – это здорово.

Очень интересно замечание поэта про маму: «А мама добра и стара». Сочетания этих слов вроде бы не совместимы. Если человек добрый, то он будет делать добро людям хоть в молодом возрасте, хоть в старом. А потом, прочитав в строчке ниже о богатых маминых запасах: «Солятся в бочонке грибы, и вялится рыба под крышей» такие тороватые запасы любят делать пожилые люди. Они по доброте душевной беспокоятся о том, что если нагрянут к ним в гости все родственники одновременно, то будет чем потчевать их вкуснятиной. По принципу: «Все, что есть в печи и в кладовках тоже, на стол мечи».

Так вот мама лирического героя из такой когорты хлебосольных хозяев. В её доме доброжелательна и природа. Вот одна деталь говорит об этом: «Шурша облетает листва – с ней ветер вступает в беседу». Трудно жить маме в одиночестве – поговорить не с кем. Вот и шуршат листвой деревья с хозяйкой, и «с ней ветер вступает в беседу». Поэтому и жить в деревне, даже одной, не скучно. Но сыну, хотя он все понимает, но в душе-то переживает: «Мне жаль, что отсюда уеду».

Уезжает он в свой Петербург, где уже отгуляла листьями осень, и пришла зима со своими холодами и снегами. Но разве можно упрекнуть любимый город, он хорош в любое время года. И в стихотворении поэта Бориса Орлова любая строка дышит нежностью и любовью:

Не видно ни синиц, ни красных снегирей –
в спокойные леса за город улетели.
Февральский листопад вечерних фонарей –
Кружится желтый свет в разбуженной метели.

Бежит, как самолет по взлетной полосе,
по крышам снег, спустив с небес
на землю холод.
И шинами машин в снегу шипит шоссе –
бетонная змея, вползающая в город.

И ветром каждый клен натянут, словно лук:
не парк, а легион… Где римляне и греки?
Гранитный Лаокоон – февральский
Петербург
укутался в шоссе и выстывшие реки.

Поэт сначала создает фон грандиозной картины, в которой главным действующим лицом выступает сам город Петербург – во время самого холодного периода зимней стужи – февраля. Но с какой теплотой и оригинальной, на грани фантастики и реальности, выдумкой рассказывает читателям Борис Орлов. Он сожалеет, что зимняя стужа вытеснила с петербургских улиц красивых птичек синиц и красногрудых снегирей из шумных улиц. И они «в спокойные леса за город улетели». Необычайное сравнение поэта режет слух: «Февральский листопад вечерних фонарей». Какой листопад может быть в феврале? Но не надо торопиться! Желтый свет уличных фонарей, никем еще не разбитых, кружится «в разбуженной метели». Это иллюминация фонарей разбудила метель, хотя в феврале она крутится и днем и ночью. А может быть только надумала вздремнуть немножко, как тут её дразнит свет уличных фонарей и задел за живое. Вот листопад желтых снежинок и кружится в воздухе в вихре вальса.

Вьюга разозлилась и так завывает, что начинает её вой сливаться с рокотами взлетающих самолетов в аэропорте «Пулково». А у поэта Орлова рождается новый штрих к живописной картине. Пурга «бежит, как самолет по взлетной полосе… спустив с небес на землю холод».

В эту какофонию звуков врывается шуршание автомобильных шин.

Внимание! Вслушайтесь в произносимую мною сейчас фразу из этого стихотворения: «И ши-нами ма-шин в снегу ши-пит шоссе». Очень похоже на шипение и шуршание змеи в лесу, ползущей по листопаду: ши-ши-ши-ши-ссы.

Совсем как в детской скороговорке: «Шла Саша по шоссе и сосала сушку».

А у поэта кругозор намного шире, чем у Саши. Для него шуршащее шоссе – это «Бетонная змея, вползающая в город».

Парковые же деревья: липы, клены, которые напряглись, на-

пружинились, сопротивляясь ветру, уже в воображении поэта, превратились в туго натянутые луки легионов греков и римлян, готовые участвовать в грандиозной битве.

Но все предыдущие строки, не идут ни в какое сравнение поэта Петербурга с Лаокооном. В древней Греции была такая картина: мощная змея, удав или анаконда собирается удушить детей Лаокоона и его самого своими пальцами змеиного тела, которое покрепче любого корабельного каната.

Но Петербург, хоть он и город, а значит очень живое существо, оказался похитрее Лаокоона. На греческой картине все персонажи щеголяют голышом, включая и удава, а поэт Орлов изобразил хитроумный Петербург, укутавшимся «в шоссе и выстывшие реки».

Зато в квартире у лирического героя полное умиротворение:

Закат. Птичий щебет не слышен.
Темнеет за шторами сад.
В шкафу, как летучие мыши,
На «плечиках» платья висят.

О чем-то жалеешь спросонок –
Усталость в вечерних словах.
И дремлет, как малый ребенок,
Котенок у нас в головах.

Если бы не было написано слов колыбельной песенки, которую много лет исполняла Валентина Толкунова: «Спят усталые игрушки, книжки спят», то их бы по праву заменили бы слова этого успокаивающего нервы стихотворения Бориса Орлова. Не слышны птицы, засыпает за шторами сад. В шкафу на плечиках платьица повисли неподвижно и беззвучно, как летучие мыши, а котенок, в самом деле, уже задремал.

Семейная идиллия…

Но поэту нужны не только отдых, сон, уют. Ему нужно творчество, сочинять и записывать стихи. Да такие, чтобы стихотворные строчки могли хорошо ложиться на музыку. Такое партнерство, в таком сочетании Поэзии и Музыки и рождается талантливый ребенок, имя которого – Песня.. Но не всякий поэт может сочинять музыку для своих стихов. Разумеется, можно поступить в музыкальное училище, попрактиковаться в нотной грамоте в консерватории и стать

композитором.

А лирический герой стихотворения «Читаю книги. Кофе пью…» решил пойти более простым путем. Он собрался брать уроки у прирожденных певцов и музыкантов – у птиц:

Читаю книги. Кофе пью.
Придут и прочь уйдут заботы.
На рынке зяблика куплю
И разучу лесные ноты.

Ко мне протянет краснотал
Свои стремительные ветки.
Забуду все, о чем читал.
И вспомню все, что знали предки.

Очень трогательное стихотворение и мудрое решение. Спеть лучше зяблика вряд ли удастся. Так пусть же пение птиц заставит, даже ветки краснотала слушать прирожденных певцов. И поэт показывает, как воздействует гармония природы на человека и даже на растения. На звуки музыки и пение птиц «протянет краснотал свои стремительные ветки». Вот какая мощная энергия краснотала, что его ветки «стали стремительными» и без всякого ветра.

Получает интенсивный поток энергии от музыки природы и сам лирический герой. Борис Орлов говорит об этом очень точно: «Забуду все, о чем читал. И вспомню все, что знали предки». Знания предков и создает гармонию во всем мире.

В стихотворении «Мы в сердце, молитвой согретом…» поэт орлов подтверждает, что мы не Иваны, родства не помнящие, а «научились святость беречь:

Мы в сердце, молитвой согретом,
Научимся святость беречь.
Струится спасительным светом
Алтарная русская речь.

Так было когда-то… Так будет!
Ход крестный. Победный салют.
Красивые русские люди
В намоленном храме поют.
Все мирно. Отвергнуты войны.

Над храмом – божественный свет.
Дышу и легко и спокойно.
Есть вечность… Забвения нет.

Борис Орлов – военный моряк. Но он пошел служить на атомную подлодку не для того, чтобы поучаствовать в еще одной мировой войне. Его дед служил в русской армии в Первую Мировую войну, отец в Великую Отечественную войну дошел до Берлина и, пройдя через Бранденбургские ворота, вернулся домой на родину. Поэтому автор книги «Звездный свет» стал каперангом атомохода, чтобы предотвратить третью мировую войну. В её апокалипсисе уже никто не вернется домой. Погибнет весь мир…

Не дай Бог, чтобы это случилось! Поэтому он и создал это изящное стихотворение. Поэт уверен, что научившись беречь святость, мы спасем этот хрупкий мир: «Струится спасительным светом алтарная русская речь».

Все духовные ценности и русские традиции мы сохраняем, благодаря Вере. Вот почему поэт с таким восторгом говорит, сравнивая крестный ход с Победным салютом. Если к этим двум неоспоримым символам Веры добавить еще один – Россию, то и возникает та Святая Троица, которая и спасет весь мир от гибели. И слава новому Мирозданию: «Красивые русские люди в намоленном храме поют».

Это очень важная деталь, которую умело применил Борис Александрович: «намоленный храм». Таким стал возрожденный Храм Христа Спасителя в Москве. Его пытались уничтожить, но он, как птица Феликс, возродился из пепла.

Появляется надежда, что будет: «Все мирно. Отвергнуты войны. Над храмом – божественный свет». Эта надежда может превратиться в реальность. И поэт Борис Орлов твердо уверен, что если все будут стараться жить не одним сегодняшним днем. То мир будет длиться вечно: «Дышу легко и спокойно. Есть вечность… Забвения нет».

Но поэт Борис Орлов вносит свою лепту в сохранение мира на Земле не только своей военно-морской службой, а и литературной деятельностью. Всех ярких, правдивых и честных поэтов, я причислил бы к дипломатическому корпусу, чтобы они трудились на дипломатическом поприще, как знаменитый русский поэт Александр Сергеевич Грибоедов. Жизнь человеческая не имеет цены. Но когда

в Пруссии погиб наш дипломат Грибоедов, защищая интересы России, то шах, чтобы загладить вину перед русским царем, подарил ему самый огромный алмаз в мире, который, если мне не изменяет память, назывался тоже символично – Орлов.

А поэт Орлов пишет исповедальные стихи. И это слово «исповедальная» – не метафора, не эпитет, вернее не только метафора, а относится это святое слово и к судьбе, и к молитве, и к его стихам. Про свою исповедь, которая плавно переходит в молитву, и рассказывает читателю Борис Александрович в стихах «Тихо обживал…»:

Тихо обживал миры астральные
Там, где вечность разлилась рекой.
И мои слова исповедальные
Погрузились в дрему и покой.

Тонут деревушки безымянные
И в траве забвенья, и в золе.
Сумрачные, влажные, туманные
Тени расстелились по земле.

А дороги – ближняя и дальняя –
Заросли крапивой навсегда.
И моя судьба исповедальная
Догорает в небе, как звезда.

В сердце остывают чувства юные,
Соловьи теряют голоса.
Облетают с неба блики лунные
На поля, озера и леса.

На рассвете травы музыкальные
Пропоют мелодию реки.
И мои стихи исповедальные,
Как молитву, вспомнят земляки.

Каждого из нас привлекали поэтические дали. Этот феном – стараться познавать неизвестное и движет людей к прогрессу. Но поэт Орлов говорит о противоречивой душе лирического героя. Она рвется туда, «где вечность разлилась рекой», а захотелось высказать все, что у нее накипело, то «слова исповедальные погрузились в дрему и покой».

Да и как не погрузиться исповеди в дрему и покой, когда «тонут деревушки безымянные и в траве забвенья, и в золе». А дороги заросли крапивой, бурьяном. Поэт категорично и безнадежно заявляет, что дороги-то заросли – «навсегда!» Это слово «навсегда» звучит, как стон души, которая надумала исповедоваться. А ей даже астральные миры руку не протягивают. Лирический герой, вглядываясь в звездное небо, уже не может увидеть свою путеводную звезду. Не увидев звезду в небе, можно заплутаться в нашем подлунном мире. А потому герой так грустно и вздыхает: «И моя судьба исповедальная догорает в небе, как звезда». Только, даже горе не может затмить талант поэта. У него прирожденное чувство прекрасного. Разве может родиться у какого-то бесталанного стихоплета вот такая фраза: «На рассвете травы музыкальные пропоют мелодию реки»? Я повторю рефреном веское слово самого Бориса Орлова «Никогда!». И потому у меня нет никакого сомнения, что следующая фраза поэта попадет прямо Богу в уши: «И мои стихи исповедальные, как молитву, вспомнят земляки».

Поэта подогревают мысли, что мир будет на земле вечно. Но ему посчастливилось, виртуально разумеется, присутствовать даже в то время, когда мир сам только что зародился:

Не пробьется даже робкий лучик,
Кажется – по всей земле метет.
Снежная простуженная туча,
Как налим плывет на икромет.

Над седою церковью, над полем
И над лесом – таинство снегов.
День, лишенный Солнца, против воли
Вышел из декабрьских берегов.

Потемнело, словно в преисподней,
Прячется в снегу следов пунктир.
Становлюсь свидетелем сегодня
Тех минут, когда рождался мир.

Сотворение мира – потрясающая картина. И увидеть её в тусклом, снежном, декабрьском дне может очень зоркий и наблюдательный человек. Но ведь увидел же поэт Орлов рождение мира! Как же

из всемирного хаоса мог родиться хорошо сбалансированный мир? Когда не было ни луны, ни солнца, одна кромешная тьма…

Такую кромешную тьму и увидел Борис Орлов в декабрьский день. Солнце заслонила снежная туча. Поэт наградил даже таким эпитетом «простуженная», который можно применить не к туче, она своей холодрыгой сама кого угодно простудит, а человека. Но мотивацию поэта, я эти вышесказанным намеком, читателям уже все объяснил.

Зато поэт Орлов детально им объясняет, почему на земле наступила мгла, как происходит: Через тучу «не пробьется даже робкий лучик», кажется, по всей земле метет. А туча важно и неторопливо плывет по небу, «как налим на икромет». Бывают очень огромные, тупоголовые и такие толстобрюхие налимы, похожие на мрачную черновато-сизоватую тучу.

Именно туча сделала седою церковь. А сам поэт на эту тучу смотрит не поверхностно, а заглядывает ей вовнутрь, высмотрев её главную суть: она – таинство снегов.

И верно – того и гляди, из тучи вырвется заряд снежный – вихрь. Который смешает небо с землей, и нигде зги не увидишь. Но не видно не только зги, а: «прячется в снегу следов пунктир».

А вот дню, который лишился Солнца против его воли, обманом, нахрапом подлой тучей, автор стиха сочувствует. Ведь этот день «вышел из декабрьских берегов». Вот как день разозлился на тучу, что сам из себя вышел. А вывод поэта Орлова замечателен и одновременно страшен: «Становлюсь свидетелем сегодня тех минут, когда рождался мир».

Интересно рассказал поэт и о собственном рождении:

Вечер. Сумрак стоит за углом,
Словно робкий влюбленный мальчишка.
Печь зевает последним теплом –
Дремлет. Плотно закрыта задвижка.

Звезды падают, словно капель,
В кадках плещется талое небо.
Заползает истома под дверь.
На столе – щи и ломтики хлеба.

Как бубенчик звенит на стене
Новостями старинный динамик.
Здесь вручили родители мне
Жизнь – поднял я её, словно знамя.

Вот сколько ассоциаций может всего один августовский вечерок… Читатель въедливый, настырный может меня спросить: «Почему же вы считаете, любезный, что вечерок августовский? Ведь поэт и словом не обмолвился, про какой теплый вечерок он говорит?

Объясняю, хотя и объяснять-то ничего не надо. Сам поэт все-таки прямо пишет: «Звезды падают, словно капель». А когда можно наблюдать такой обильный звездопад? Правильно – в августе. От того же, но не звездного дождя, а просто обычного дождя: «в кадках плещется талое небо».

Опять недоумение: в августе не бывает заморозков таких серьезных, чтобы в кадушках под водостоком замерзла вода. Минуточку. Вода в кадушках и не замерзала, она, как вы правильно подметили – плещется. Зато в стратосфере, в небесах так холодно, что летчики без меховой обуви и одежды в небо не поднимаются. Зато август так щедро дарит всем свое тепло, что и небо оттаяло. Но капель льется не только водой. А звездами, звездопадом.

А какой изумительный и романтический образ вечера создал поэт! Сумрак вечера притаился робко за углом, словно влюбленный мальчишка. Он постоянно выглядывает из засады. Боится прозевать появление в сумерках свою любимую юную девушку – молодую, но уже достаточно яркую луну.

Метафора поэта: «Печь зевает последним теплом – дремлет» умиляет. Она задвижкой прикрывает смущенно свой зевок. Некультурно как-то зевать-то с широко раскрытым ртом – топкой при постороннем мужчине. Не зря печь переживала, хитрая истома заползла в щелку под дверью и уже сморила молодца – гостя. Неугомонная особа, эта истома. Её если выгонят на улицу через дверь, так она, улучив минутку, в окно залезет. «На столе – щи и ломтики хлеба» - так может хозяин захочет поделиться с пронырливой истомой?

Неожиданная метафора про старый, нет, даже очень старинный динамик. Почему же он: «как бубенчик звенит на стене»? Если динамик старый, то голос должен быть хриплым, а не звонким, как у бубенчика?

В этой комнате родители лирического героя вручили ему сначала жизнь, а потом и этот древний динамик. Поэтому динамик всегда в сердце лирического героя будет звенеть бубенцами, а жизнь свою герой «поднял, … словно знамя». И достойно несет его всю жизнь.

Не зря влюбленный мальчишка – вечер поджидал свою красавицу луну. Поэзия приняла в свои ряды робкого паренька. И он стал поэтом. Но свою возлюбленную луну он не смог позабыть. И себя называет подлунным поэтом. Это звание звучит гордо в стихах поэта Бориса Орлова:

Мне приятно блуждать по весенней ночи
Неизвестным подлунным поэтом.
В тесных скверах на стенках цветут кирпичи
Рукотворным базальтовым цветом.

Переулок, тупик, подворотня, пустырь..
Сквозняки. И прохладно, и сыро.
Серебрится на окнах небесная пыль,
Оседая сквозь окна в квартиры.

С крыш стекает по стенам дремотная лень.
Лунный свет. Хриплый лай. Детский лепет.
Я скольжу между стен, как бесплотная тень,
Вызывая таинственный трепет.

Спит весна в подворотнях, в подъездах, в углах.
Нет ни жизни, ни смерти случайной.
Я подлунный поэт. И в чужих зеркалах
Отражусь неразгаданной тайной.

Поэт воспевает петербуржские дворы-колодцы. С виду эти дворцы-колодцы неказисты и неприглядны, блуждая по ним, чувствуешь себя или заключенным на прогулке в тюремном дворике, или же путешественником, который зашел в лабиринт катакомб, а где же выход – не знает.

Скверы во дворах тесные. А лабиринты дворов каждый мальчишка уже знает все ходы выходы, да и поэт подсказывает, как не заблудиться: «переулок, тупик, подворотня, пустырь…», можно добавить еще и подъезды, или, если по-питерски, – парадные. Но почему

же так притягивают к себе людей эти лабиринты дворов-колодцев? Да нужно смотреть на эти дворы любящим взглядом. А уже поэт постарался изобразить достопримечательности дворов шикарно! Приведу два примера: «Серебрится на окнах небесная пыль, оседая сквозь стекла в квартиры». Это не пыль, а голубое небо заглянуло в глубину колодца, и своей сизоватой голубизной отражается в оконных стеклах. Очень оригинален и другой образ: «С крыш стекает по стенам дремотная лень». Но бурный всплеск эмоций вызывает фраза Бориса Орлова: «Я подлунный поэт. И в чужих зеркалах отражусь неразгаданной тайной».

А теперь мне остается рассказать уважаемым читателям откуда появилось название стихотворного сборника поэта Бориса Орлова – «Лунный свет». Прочитайте его стихотворение, и вам станет все понятно:

Звездный свет над землею струится,
и душа оставляет плоть.
Полночь. Время пришло помолиться
на творенья Твои, Господь!
Помолиться за то, что будет,
и за то, что уже прошло.
Сумрак выдохнуть полной грудью,
Чтобы душу не обожгло.
Вспоминаю родные лица
сквозь безлунный небесный свет.
Невозможно не помолиться
за живых, и за тех, что нет
с нами… Плачет ночная птица.
Звездный свет – в перекрестьях рам.
И молиться бы, и молиться
на дороге, ведущей в храм.

МАТУШКА

Эпиграф:
Матушка моя, Родина – Россия
Люди и земля – вот твоя в чём сила.
И сколько б воронья к нам не наносило,
Но крепка семья и сильна Россия.
Кланяюсь земле родимой низкой
На всегда в свою шальную кровь
С молоком и лаской материнской
Я впитал к Отечеству любовь
И поныне полон верой гордой
Родина любимая моя…
Но и ты ж с 17–го года
Обещаешь полюбить меня!

Глава 1. Славу не ищут, она сама найдёт тебя.

Дмитрий Гранин случайно услышал об Игуменьи Николая от своего товарища, который закончив в Великих Луках Сельскохозяйственный ин-ститут и стал в годы пресловутой перестройки создал собственное фермер-ское хозяйство.

Юрий Викторович взял в аренду заросшие бурьяном поля в песок несколько сот гектаров и несколько обветшавших зданий бывших коров-ников, окна в которых, хулиганистые мальчишки, побили каменюками по-чти все стёкла.

Поэтому издали фермы казались подслеповатыми, нахохлившимися, серыми воробушками.

И всего за два три года Юрий засеял поля клевером, подремонтиро-вал эти сараюшки и стал получать из окрепших коровок молоко, которое все любят люди – от малого до великого, или хотя бы взрослого человека. До молочных рек с кисельными берегами было ещё далеко, но к добросо-вестному труженику люди потянулись.

Митя Гранин, выслушав восторженный рассказ Юрия, как он в день крещения, когда на улице стоял суровый крещенский мороз, что окунуться в прорубь осмеливался не каждый, замялся и Юрий.

Но вдруг услышал ироническую реплику, которую произнесла жен-щина:

– Чего же ты переминаешься то с ноги на ногу. Сбрасывай с себя куртку и окунись в купели с головой. В крещенье ещё никто не простудил-ся.

Юра оглянулся и увидел монахиню, на лице которой блуждала доб-родушная улыбка. И её доброжелательный голос подействовал на Юру как бальзам. Движение плеч он скинул куртку на лёд и… солдатиком прыгнул в прорубь, окунувшись в воду над которой клубился чуть замет-ный парок, с головой.

– Уф, благодать какая! – воскликнул Юрий, вынырнув из воды.

Потом с деловитым видом, пружинистой походкой, отправился к своей одежде. Сначала ныряльщик обтерся махровым полотенцем, а затем неторопливо стал одеваться.

Матушке же сказал:

– Спасибо вам за моральную поддержку.

Матушка, улыбнувшись, сказала:

– Ты не меня благодари, а только Бога.

Юрий, молча, кивнул головой и трижды перекрестился, а потом произнёс:

– Да я и сам уже понял, почему на меня снизошла благодать.

Дмитрий Гранин, выслушав Юру, попросил фермера дать координа-ты матушки, но получил отказ.

– Она хоть и монахиня, но у неё хлопот полон рот – ни минуты по-коя. У многих людей сложилось предвзятое мнение, будто священнослу-жители только и делают, что читают молитвы да поклоны бьют. А на са-мом деле Матушка занимается воспитанием малолетних девочек – сироток. Так вот, Матушка заботится о своих подопечных как родная мама.

Но Митю ответ Юрия нисколько не огорчил и он сказал:

– Я в этом ни сколько не сомневаюсь. По твоему рассказу сразу по-нял, что Матушка – подвижница, а таких людей в наше время не так уж и много.

Гранин перевёл дыхание и добавил:

– Тем более, в этой подвижнице, куда не посмотри – везде триедин-ство.

– Какое–такое триединство? – пожал плечами Юрий.

– Ну, про Святую Троицу ты и без меня неплохо знаешь, ведь право-славный: «Отец, Сын и Святой Дух» – стал объяснять това-

рищу фермер – А монахиня, уже имеет титул Матушка, любую женщину, которая родила ребёнка, называют матерью, а нашу страну, Россию, зовут не только Ро-диной, а чаще говорят Родина–Мать. И разве это не триединство? К тому же, я уже написал две книги про священников, поэтому мне просто необ-ходимо написать третью книгу, что бы люди знали, что не только мужчи-ны – подвижники, но и женщины желают творить добро на земле.

Узнав от Юрия адрес Матушки, Митя направился в Смоленск. Сойдя на перрон вокзала, Гранин позвонил Матушке и спросил:

– Как же мне добраться до ваших апартаментов? Я уже на вокзале.

На вопрос Димы Матушка ответила вопросом:

– А на перроне какого вокзала вы находитесь: железнодорожного или автобусного?

Не успел Гранин ответить, как опять услышал в трубке телефона бархатный голос матушки:

– Впрочем, оба вокзала находятся рядом, поэтому выходите на при-вокзальную площадь и оглянитесь вокруг. Свято–Троицкий храм стоит на высоком холме и его кресты и купола видны почти с любого места в горо-де. Вот туда и направьте свои стопы. Дорогу к храму укажет любой жи-тель Смоленска. Можете проехать пару остановок на городском транспор-те или пройти это расстояние пешком.

Гранин обрадовался, что его маршрут такой короткий и быстро от-ветил:

– Я пойду пешком, нужно размять ноги. Паломники на святые места добираются пешком и на весь путь тратят много дней, а тут каких–то две остановки. И ехать на транспорте кощунство. Я хочу преодолеть дорогу к Храму своими ножками.

Храм на самом деле был виден практически с любой точки города. Дмитрий с восторгом взглянул на три купола собора и нежно–голубые стены его, которые устремились в небесную высь.

– Красота–то какая! – подумал Гранин, – голубизна колоколен Со-бора, которые пронзили насквозь голубизну неба, слились воедино. Связь земного и небесного воплотилась в реальной картине. А на сердце такая благодать действует как благотворительный бальзам. Как часто в детстве я лежал бывало на зелёном ковре травы и смо-

трел на голубое небо, по ко-торому, как по морю, проплывали… Нет, нет, не корабли, а белоснежные облака.

На глаза Гранина невольно навернулись слёзы, и он про себя поду-мал:

– Оказывается можно плакать не только от боли, горя, но и от радо-сти.

Подойдя к Храму поближе, Митя улыбнулся и сказал вслух:

– Лицом к лицу, лица не увидать: большое видится на расстоянии…

Гранин с благоговением задрал голову вверх да так, что его шапка чуть ли не свалилась на землю. Он успел её перехватить, а затем покрепче нахлобучить головной убор на голову.

– Так–то будет получше – усмехнулся Дима, и увидел, что к подно-жию храма проложены прихожанами тропинки. Они змейками, серпанти-ном, извиваясь по склону холма, вели к подножию храма.

Митя, наконец–то увидел ту цель, к которой стремился. У подножия величественного помпезного Собора притулилось одноэтажное деревян-ное зданьице с полуподвалом.

А когда Гранин вспомнил реплику Юры:

–Матушка воспитывает девочек школьного возраста оказавшихся без родителей. По своей сути это детдом. – то на душе Димы кошки за-скребли.

– Да, – подумал Митя – блеск и нищета куртизанок, как когда–то сказал один французский писатель. Были живы родителя, детишки как сыр в масле катались, а как ушли в мир иной, то оказались в детдоме. Вот так сиротки и становятся обездоленными детдомовками, замухрышками…

С тяжёлым сердцем Гранин поднимался к вершине холма, к тому од-ноэтажному деревянному строению существовавшему со времён царя Го-роха. Он вспомнил своего товарища, который был воспитанником детдо-ма. Детдомовец вроде ничем не отличался внешне от своих сверстников, но не лёгкую жизнь в детдоме выдавал его взгляд, загнанного в угол малень-кого зверёныша, который готов вцепиться когтями, зубами в своего обид-чика, каким бы он не был огромным и сильным.

И вот Дима у двери полуподвального домишка. Он, нехотя,

взялся за ручку входной дверки и… Как будто очутился в королевских покоях! Только вместо стражника со шпагой в ножнах на боку и мушкетом на пле-че Гранин увидел на вахте обаятельную женщину.

– Вы к кому? – вежливо спросила она Митю.

– К Матушке. – отозвался Дима.

– Она пока занята. – откликнулась женщина. – Вы посидите на госте-вом стуле, а я доложу о вашем визите. Как вас представить?

Гранин представился, и когда вахтёрша пошла по коридору к Ма-тушке, стал приглядываться к интерьеру. Двери были изящными, филен-чатые светло–коричневого цвета. Калёвки края филёнок искусный мастер выстрогал витиеватыми узорными профилями, и внешний вид ласкал взгляд посетителей. С восторгом оценил резные изящные двери и Гранин, а когда заглянул в огромную комнату, скорее даже холл для детских игр, то пришёл в более неописуемый восторг:

– Такой шикарный ковёр на паркетном полу мог бы принадлежать какому–нибудь восточному султану – размышлял Митя. Узоры в арий-ском стиле в завитушках и рисунках радуют глаз.

Этот сказочный ковёр – самолёт служащая детского приюта шлан-гом чистила пылесосом, а передвигать корпус пылесоса помогала ей хруп-кая, изящная и стройная как тростиночка девочка лет десяти.

Уборка подходила к концу, и воспитанница побежала, порхая как мотылёк над узором цветочного ковра, к розетке и вытащила из неё вилку штепселя.

Наступила такая тишина, сто Мите стало неловко, что он не успел как следует разглядеть досконально это прекрасное помещение.

Пришлось Мите вернуться на вахту и снова сесть на стул, который показался Гранину не стулом, а троном султана.

Женщина – вахтёр возвратилась, и все иллюзии Димы рассеялись как утренний туман при восходе солнца.

– Матушка пока занята – сообщила вахтёрша, – Скоро Новый год и Матушка ведёт переговоры со спонсорами, что бы они привезли неболь-шие ёлочки для нас и большую, красивую ёлку установили бы на улице. Пусть наши детишки порадуются празднику.

Митя не удержался и сказал:

– Ваша Матушка на самом деле по–матерински относится к детям. Нет казёнщины в вашем детдоме.

Анна, так звали вахтёршу, ответила напористо и с гордостью:

– Да какой же это детдом? Девочки вместе делают уроки, старшие помогают младшим. И в то же время Матушка разместила своих воспи-танников, выделив им каждой по индивидуальной комнате. Такое не могут иногда сделать в семье обычные родители, а где вы видели, что бы воспи-танники детдома имели такую роскошь?

Гранин только покачал головой:

– Я даже представить до этого не мог, что бы девочки – сиротки жи-ли – поживали с таким комфортом.

Анна улыбнулась и пояснила гостю:

– Девочки не считают себя сиротками. У них есть своя Матушка, да и живут как вы сами выразились с полным комфортом. Скоро у них обед. В наших полуподвальных помещениях Матушка разметила кухню, столо-вую, складские помещения со стеллажами, в которых хранятся скоропор-тящиеся продукты. Зато повара готовят пищу детям так, словно это не столовая, как вы сказали, детдома, а кухня элитного ресторана. Так что лозунг советского времени: «Всё лучшее детям», воплотила в жизнь наша Матушка.

– Какая вы эрудированная и остра на язык.

Анна кивнула в знак согласия. Гранин:

– Вы разбили мои доводы в пух и прах в один момент. С такими по-мощниками, как я сейчас подумал, Матушке легче воспитывать своих под-опечных.

После этой фразы Митя почувствовал аромат приготовленной пова-рами пищи. И понял, что проголодался. А вслух сказал Анне:

– У меня в дорожной сумке уложены бутерброды с сыром и колба-сой, булочки и термосок с хорошо заваренным чаем. Вы не возражаете, если я немного подкреплюсь?

Анна улыбнулась и жестом руки прервала тираду Гранина:

– Какие бутерброды? Я сейчас отведу в нашу столовую, и вы поку-шаете нормальную, калорийную и очень вкусную, по–моему, пищу. Ма-тушка мне уже дала поручение: «Покорми гостя, до общего обеда воспи-танниц, что бы он не стеснялся их». Как раз Матушка через пол часа и освободится. А как гласит наша русская пословица: «Голодное брюхо к беседе глухо». Матушка же хочет, что бы вы по-

беседовали с ней основа-тельно.

Официантка быстро сервировала обеденный столик, который был ближе всех к входной двери. На столе уже стоял стакан с компотом, и око-ло него на скатерти лежала вилка, столовая и чайная ложки. Пока Дима оглядывался по сторонам довольно просторного обеденного зала расто-ропная женщина на подносе принесла снедь: тарелку с винегретом и сала-том, а также большую тарелку с супом. Затем сказала, объясняя свои дей-ствия:

– Хлеб на столе в хлебнице, а второе принесу чуть позже. Я так же делаю при обеде девочек. Что бы на столе была пища с пылу с жару. Если обеденное блюдо остынет, то и вкус у него не такой уже смачный будет.

Дима улыбнулся и ответил:

– Я не позволю остыть ни первому, ни второму блюду. От одних за-пахов у меня появился зверский волчий аппетит. И мне не придётся, как хитроумной лисице выманивать у глупой вороны ароматный кусочек сы-ра. Спасибо вам огромное за такое отношение к проголодавшемуся нежданному клиенту.

– После сытного обеда, по закону Архимеда, как гласит афоризм остряков – шутников, полагается поспать – подумал, отобедав Гранин, и тут же сам себя и остепенил:

– Какой сон, к Матушки столько забот и хлопот, что нужно восполь-зоваться любой её свободной минуткой, что бы разговор наш оказался ин-тересным и обстоятельным.

Гранин, стремглав, преодолел лестничный марш и увидел, что Анна уже не сидит уже на своём стуле, а стоит возле вахты, поджидая гостя. Она улыбнулась и сказала:

– Вот и чудесненько. Я только пришла из кабинета Матушки. Идёмте быстрее к ней, пока она закончила свои разговоры со спонсорами. Ведь ей надо было не только про ёлки узнать, а так же смогут ли меценаты приго-товить подарки для её воспитанниц.

Дима обрадовался и сказал:

– Бедному одеться – только подпоясаться. Одна нога здесь – другая там, у Матушки.

– В чём же дело? – усмехнулась Анна. – Даже очень радостное сло-во, остаётся только словом, а надо действовать.

– Молчу! – быстро отреагировал Митя. – И лечу к Матушке.

Он быстро вытащил из походной сумки блокнот, авторучку и дикто-фон, но не понёсся по коридору, сломя голову, как обещал, зашагал, твёр-до печатая свой шаг к кабинету Матушки.

Она жестом показала на стул, возле перпендикулярно поставленному столу для посетителей, и предложила мягким бархатным голосом Диме:

– Присаживайтесь, поговорим по душам.

Три слова сказала игуменья Николая, но Гранину показалось, что он давно слушает её речь, которая ласкает слух любого посетителя. Кроме этого ощущения, в голову Дмитрия пришла мысль о лаконизме речи рим-ского полководца Гай Юлия Цезаря, который отчитался перед сенатом о своей очередной победе, то же тремя словами: «Пришёл, увидел, побе-дил!»

По сути своей цезарю не надо было фарисействовать. Есть более вы-разительные ораторы – краснобаи. Например, такую славу на века снис-кал оратор Цицерон.

– Но матушка сказала не только три слова, – продолжал обдумывать начало разговора Гранин – она вложила в одно из них очень глубокий смысл: Матушка собирается вести разговор «по душам». Вести задушев-ную искреннюю беседу. А искренность нужна в доверительном разговоре.

Митя не успел сказать Матушке даже полсловечка, как в кабинет во-шла группа воспитанниц – девочек. В руках одной из них он увидел… не-большой иконостас. Шарообразная сфера была сделана из какого–то се-ребристого материала с металлическим блеском, а спереди этой сферы, перед взором Мити открылся срез. В глубине этой импровизированной пещеры сияла икона Божьей Матери.

– Кто это сделал девочки? Какая прелесть! Это надо же так приду-мать – спросила Матушка. И воспитанницы нестройным хором, перебивая друг друга заговорили.

– Придумала это Таня… Икону вышивала Маша… А Люда пригото-вила и придумала из какого материала сделать эту сферическую поверх-ность. Люда взяла воздушный шарик, надула его, завязала ниточкой, что бы воздух из шарика не вышел, и стала обклеивать шарик снаружи варё-ной лапшой.

– Да, голь на выдумку хитра – восторженно подумал Митя. – Это надо же умудриться ничего не покупая, девочки сотворили чудо.

Такое внимание к Матушке воспитанниц меня растрогало почти до слёз. Они уже навернулись у меня на глазах, но я вовремя успел сдержать свои эмоции.

А между тем Матушка решила причастить девочек. Они поочерёдно подходили к Матушке и она тремя перстами осеняла воспитанниц верти-кальной чертой, прикасаясь кольцами ко лбу и к низу груди. Затем брала серебряный крест на такой же цепочке, висящий у Игуменьи на шее и пра-вой рукой притягивала его к губам девочек. А они целовали поперечную перекладину, справа налево, и получалось, что воспитанницы проводят мысленную горизонтальную черту.

И тут Митю осенило:

– Матушка проводит вертикаль, а воспитанницы её горизонталь. А в итоге получается животворящий крест. Это символично: вчера был святой православный праздник – Крещение. Как это символично.

Девочки, получив крёстное знамение, отходили в дальний торец длинного гостевого стола, а Матушка стала расспрашивать их:

– Ирина, как тебе поддаётся гранит науки? Все ли школьные предме-ты освоила?

Иринка улыбнулась, но ответить не торопилась, видимо червь со-мнения не позволял быстро отрапортовать Матушке, а Игуменья не пыта-лась поторапливать Ирину.

Воспитанница наконец–то ответила Матушке:

– Начинаю осваивать все школьные предметы.

Но увидев укоризненный взгляд Матушке, призналась:

– География мне ещё даётся с трудом.

А потом, как будто оправдываясь, добавила:

– Ведь я, Матушка, дальше нашего Смоленска никуда не уезжала. Меня одноклассницы поддразнивают: «Лже – Дмитрий грозно заорал: «Не уж–тоя Углич покинув, пошёл в Москву через Урал?»

– Но теперь–то понимаешь, что Урал на Востоке, а Москва на Западе от того места, где проживал настоящий малолетний царевич Дмитрий?

– Теперь–то понимаю, – кивнула головой Ира. – Зато благодаря Вам, Матушка, я хорошо знаю историю нашего Смоленска. Кто только не пытался из захватчиков покорить форпост России, но смо-

ляне всегда вы-гоняли захватчиков вон, а крепкие стены монастырей помогли защитникам Родины выгонять супостатов с нашей земли.

– Это хорошо, – одобрила Матушка выводы воспитанницы. – На святой Руси всегда шли на врага всем миром и побеждали. Правда были иногда и отщепенцы, Иваны родства не помнящие, но они не могли пере-весить патриотизм русичей. Поэтому тщательно изучайте нашу историю. Пусть говорят скептики, что «история учит, что ничему не учит», но такие люди или сами не совсем грамотные, или относятся к той категории, о ко-торой я уже упомянула: «Иваны, родства не помнящие». Только кто сеет ветер, тот обязательно пожнёт бурю. А ты, Ирина, будь щедрой, и делись своими историческими знаниями со своими подругами. Делай это не ради славы, а от своей щедрой души – делись своими знаниями. Ведь мудрые люди не кичатся своей эрудицией, а про славу говорят так: «Славу не ищут, она сама придёт к тебе, если ты её заслужил».

Глава 2. Исторический экскурс.

Когда воспитанницы ушли на обед, Гранин спросил Матушку:

– Откуда, из каких источников черпает исторические данные, знания Ирина?

– Служить в Свято–Троицком монастыре, который является истори-ческим центром Смоленска и не знать его историю – кощунство. Мона-стырь находится в центре города и к югу от Соборной горы. И здание нашего монастыря является почти самым древним из сохранившихся в го-роде сооружений.

– Я это понял, Матушка – согласился Митя. – Поднимаясь по сер-пантину тропинок к подножию Свято–Троицкого монастыря, я увидел кроме этого храма и другие сооружения. Расскажите, пожалуйста, и об этих строениях.

– За монастырской оградой находится Троицкий собор, который по-строен в1697 году и церковь Зачатия Анны сооружено чуть позже – в 1767 году и являлась больничным Храмом. В его ограде есть усыпальни-ца, а через дорогу возвышается Колокольня, но она была воздвигнута раньше церкви зачатия Анны – в 1720 году.

– Да, – кивнул головой Дима, – в XVII веке это сооружение возникло в Смоленске. Неужели женщины монахини с тех пор продолжают служить в этом монастыре?

– Нет, – ответила Матушка, – нынешняя обитель является преемни-цей одноимённого ей Монастыря, который то же располагается на речке Кловка. Это место в трёх верстах от Смоленска. Да и Троицкий монастырь был тогда не женским, а мужским. И конечно же монастырь тот был намного раньше построен нашего. Но имя монастыря свято. И его пере-несли на наш монастырь, назвав его Свято–Троицким. Так поступали все-гда наши русские воины со своими полковыми знамёнами. Пока знамя полка в руках держит хотя бы один оставшийся в живых знаменосец, но-мер полка не позволяют никому из генералов расформировать полк. В этот полк вливаются новые солдаты и офицеры, и он остаётся и гордится своим боевым штандартом.

– Да вам, Матушка, можно не только молитвы читать, а полками ко-мандовать, – удивился Гранин. – Такое чёткое понятие военных ритуа-лов… Откуда такое понимание воинских традиций?

– Так это связано в первую очередь с историей самого города Смо-ленска – ответила Матушка. – Наш город один из древнейших городов Руси. Он постоянно испытывал «нашествия иноплеменных» варваров. Хо-тя иноземные захватчики, идущие с запада, считали себя очень цивилизо-ванными людьми, а варвары из Татаро–Монгольской орды стирали с лица земли все встреченные города и сёла, предварительно ограбив их дочиста.

– Я помню – кивнул головой Дима. – По истории это был XIII век, самый жестокий век из всех исторических событий. Но эти преступления варваров затмили гитлеровцев. Вроде бы немцы «высшая раса» – «арий-цы», а по сути своей гитлеровский режим создал таких кровопийцев и вурдалаков, которые истребляли «низшую расу» – цыган, евреев, русских в своих концлагерях миллионами. Вот тебе и «цивилизованный» мир два-дцатого века. А по сути – кромешный ад. Так почему же, Матушка, вы го-ворите об истории форпоста Руси – Смоленска начиная с XVII века?

– Это объясняется очень просто – ответила Матушка. – С середины тринадцатого века до 1514 года наш Смоленск входил в состав Литовского княжества. Поэтому о Троицком монастыре упоминается в грамоте поль-ского короля, который прислал её он великому князю Литовскому Алек-сандру. Дата этого документа в конце грамоты четко прописано: 1506 год.

– Значит дата в переписке Польского короля и князя Литовского удалена от 1514 года. А что именно случилось в 1514 году со Смолен-ском? – спросил Гранин

– Смоленск вошёл – именно в этом году в состав Московской Руси, которой управляли цари из рода Рюриковичей – сказала Матушка. – По-чти сто лет с 1514 по 1611 год Смоленск был русским городом. Но вскоре, вы в школе это проходили, по Святой Руси началось смутное время. Иван Грозный неожиданно умер, Борис Годунов пытался продолжить политику своего сотоварища Ивана IV, но то же скоропостижно скончался. – Воз-можно, оба правителя были отравлены, а предатели, которые смогли со-творить эту измену, послали своих гонцов и свою просьбу полякам: «Мол приходите к нам дорогие гости, мы вас встретим с хлебом солью, да ещё и кружечкой медовой браги угостим». Так стал управлять в Московском кремле поляк Владислав. Но Московская Русь его не восприняла. Затем появилось возмущение народа. А народное возмущение, недовольство, поддержали и бояре, а как известно из истории, Минин и Пожарский. Ми-нин собирал по копеечке деньги на вооружение народного ополчения, а Пожарский был уже в ту пору хорошим полководцем и поэтому поляков из кремля вытурили с треском.

– Да, да, – кивнул Митя. – Именно так всё и было. Как раз в эту пору и появились несколько Лже Дмитриев. Как только одному из них дадут предателю Родины по шее, так появляется второй и третий. Как в сказке про Змея Горыныча – рубит богатырь гадине голову, а на этом месте из шеи появляется новая голова. Поэтому, по поговорке юмориста Аркадия Райкина: «Урезать, так урезать, сказал самурай, делая себе харакири». Поэтому ополчение Минина и Пожарского относительно быстро распра-вилось с засильем иностранцев: и началось на Руси царствие династии Ро-мановых.

– После 1514 года, сорок три года Смоленск попал под влияние польско–литовского унитарного владычества. Попал и Смоленский Тро-ицкий монастырь под юрисдикцию иноземцев и иноверцев. Во время поль-ско–литовского правления Троицкий монастырь принадлежал католиче-скому монашескому ордену доминиканцев. Своими силами католики хра-мы не строили, а приспособляли под себя православные церкви – подвела итог Матушка.

– И что же произошло с Троицким монастырём после? – спро-

сил Дима и Матушка ответила:

– Троицкий монастырь заново освятили как православный в 1669 году. И до 1740 года в нём пребывали смоленские архиереи. И в этот же период, вместе по инициативе смоленского митрополита Варфоломея, вме-сто деревянного Троицкого собора был воздвигнут собор каменный, но одноэтажный. Каменный собор строили Московские зодчие. Затем при епископе Гедеоне построили и второй этаж, а у северной стороны собора затем пристроили и ризницу. Но главный престол на втором этаже Троиц-кого Собора был посвящён Живоначальной Троице, а внизу под ним – Рождеству Христову. А с когда пристроили ещё один придел, который был освящён во имя святителя Митрофана Воронежского.

– Не даром, Матушка, – сказал Гранин – говорят на Руси: «Москва не сразу строилась». Так и Смоленский Троицкий Собор, почти как живой организм, постоянно рос, обновлялся и стал таким возвышенным и краси-вым, что подымаешь голову вверх, что бы увидеть как кресты на коло-кольнях вонзаются в голубизну неба, а шапка–то с головы сваливается на землю.

Вот так земля и небо сливаются воедино – улыбнулась Матушка. – А третья сторона , мы люди, и славят в Троицком Соборе Бога. В 1709 году Пётр Первый ехал из только что построенного им Петербурга в Полтаву, что бы разгромить там распоясавшихся шведов, которые собирались в ко-алиции с Турецким султаном отрезать, изолировать Русь от Европы, был поражён красотой Троицкого Собора. Помешать в битве под Полтавой пытался продавший государя, украинский Гетман Мазепа, но его прово-кация потерпела Крах. Шведы были разгромлены, Мазепу зажрали вши, а турецкий султан так и не сумел соединиться с королём Карлом двенадца-тым, войско которого было разбито под Полтавой.

– Вот откуда появилась поговорка – добавил Гранин – «Получил на орехи, как Швед под Полтавой». Да так получил, что Швеция зареклась не воевать с Россией, и не только. Швеция осталась и в Первую мировую войну и во Вторую – нейтральной страной. В то время как соседка Шве-ции Норвегия стала в Великую Отечественную воевать на стороне Герма-нии. Да и все страны западной Европы падали в ниц перед фашистской Германией по принципу домино, фишки которые выстроил ребёнок, слов-но строй солдат. И как толь-

ко толкнёшь первую фишку, так весь строй упадёт друг за другом. Но Матушка, мы немного ушли в сторону от темы Троицкого Собора. Что, кроме восхищения испытал тогда Пётр Первый?

– Он как всегда устранял недостатки кардинально, – ответила Диме Матушка. – Увидел что улица со стороны Днепра, идущая на юг слишком крутая, и приказал проложить улицу более пологую. Разумеется, власти Смоленска не осмелились перечить Петру Великому, но эта улица, разде-лила двор Троицкого монастыря на две части: Троицкий Собор и его по-стройки оказался на восточной стороны Благовещенской, в те времена, улице, а Колокольня Собора на Западной.

– А какие сюрпризы принесло начало восемнадцатого века? – спро-сил Дима и получил весомый ответ:

– В сороковые годы, как говорили раньше, осьмнадцатого века с южной стороны Собора пристроили каменную усыпальницу. Её воздвигли над захоронением смоленских митрополитов: Симона Милюкова, Сильве-стра Черницкого, Сильвестра Крайского и Дорофея Крашневича. После этого события через двадцать лет к югу от Собора был построен каменный храм в честь зачатия праведной Анною Пресвятой Богородицы. И уже в 1767 году этот храм стал больничным. Что бы лечить в нём больных, хво-рых людей. А в конце этого золотого века России монастырь обнесли ка-менной стеной. Частично эту стену достраивали в девятнадцатом веке. Всё течёт, всё изменяется. Эта поговорка точно определяет наше стремление украшать не только город храмами, но и восхищать души православных христиан великолепием храмов.

– Да, Матушка, – согласился с ней Гранин – Пока я шёл к Троицкому Собору встречные прохожие, увидев храм останавливались, что бы три-жды перекреститься. Но что происходило с храмом в нашем, двадцатом столетии, когда советская власть провозгласила: «Бога нет».

– В нашем двадцатом веке монастырь стал считаться третьеклассным и не обще житным – ответила Матушка. – Ведь число монашествующих стало небольшим. А 22 августа 1925 года монастырь и вовсе упразднили. Хотя богослужение ещё велось до 1934 года.

– И что же произошло после 34 года?

– После закрытия храма в стенах монастыря разместили физкультур-ный техникум.

– А дальше что?

– Собор состоял на учёте в Главнауке и в апреле 1929 года приняла решение о снятии с колоколен колоколов. В феврале следующего года ста-ли снимать колокола повсеместно. С нашего Троицкого монастыря были сняты семь колоколов общим весом 4700 килограммов. Отметили в акте комиссии этот факт таким образом: «Колокола в разбитом виде перевезе-ны на склад рудметалла». Когда я читала эти строки, у меня сердце кро-вью обливалось…

Матушка помолчала некоторое время, а потом, собравшись с духом, задала Гранину вопрос:

– А вы, Дмитрий, как отнеслись к этому событию? Вы крещёный, ве-рующий?

– Моя мама – ответил Митя – была глубоко верующим человеком, а отец был директором школы и коммунистом. Он вступил в ряды ВКП(б) ещё на фронте. Когда родился мой младший брат, моя мама, когда отец ушёл преподавать уроки русского языка и литературы, сказала: «Митя, пойдём в церковь, в которой ещё ведут службу. На нашей-то церкви и ко-локол сбросили с колокольни ещё до войны. А ты будешь крестным для своего младшего братика».

– И вы пошли крестить его? – спросила Матушка.

– Я сначала отнекивался, – сказал Гранин, – говорил: «Да, мамочка, в церкви ты найдёшь и крёстную маму и взрослого крёстного отца. Какой же я, мамочка, крёстный отец, мне же всего двенадцать лет».

– И что же ответила на это мама? – спросила Матушка.

– Моя мама была не только добрая, а и мудрая. – ответил Митя. – И она мне сказала: «Сынок, в церковь ходят почти одни женщины в белых платочках. И именно эти белые платочки и спасают нашу православную веру в годы гонения и запрещения религиозных культов. И крёстного отца для малолетнего братика я там не найду. Поэтому собирайся в дорогу и будешь ты крёстным отцом». После такой речи мамы я не стал ей перечить и поехал крестить брата. Тем более мама сказала: «Я всех своих детей кре-стила, так неужели не покрещу и этого сына?»

– А как вы относились к разбитым в к разбитым вдребезги

колоко-лам? – спросила Матушка, и Гранин ответил необычным образом:

– Если вы послушаете моё стихотворение, то мне не придётся ничего объяснять.

– Хорошо, – улыбнулась Матушка – оказывается вы не только писа-тель а ещё и поэт.

– Это громко сказано – поэт – пожал плечами Гранин. – Хотя любой прозаик, писатель, начинал свой литературный путь со стихов. И вот одно из моих:

Разбита церковь, нет к ней веры
Уже до войны как без креста
Уже до войны. Начало эры…
Как с дня рождения Христа
А я родился в новой эре
Мои сестрёнки и два брата
Ночами бредят хлебом серым
Рот раскрывая, как галчата
Большой ломоть ржаного хлеба
Посыпан круто крупной солью
Такого вкусного обеда
Во сне… Я больше не припомню
Теперь кирпичики – буханки,
Батоны, булки, караваи…
У магазина перебранка
Чтоб дверь быстрее открывали.
Но хлеб поштучно не давали
А измеряли точно вес
В какие дебри же и дали
В своей я памяти залез…
Большой ломоть ржаного хлеба
Посыпан круто крупной солью
Мне в сердце отозвался болью
Не надо больше новой эры.

За столом повисло молчание, а затем матушка сказала:

– Ваши эмоции понятны. А есть ли у вас стихотворение о самом Хри-сте?

– Разумеется, Матушка, – улыбнулся Митя – есть. Раз сказал «А», то нужно говорить и «Б»:

Лихою походкою кавалериста
Шёл Понтий Пилат по аллеи тенистой.
Был в белом плаще он, с кровавым подбоем.
Ту кровь на плаще никогда не отмоем.
Шагал прокуратор, признаться не смея:
«На плаху из страха идут за идею.
Я, Римский наместник – вершина при власти.
Над жизнью ЕГО оказался не властен».
И к небу с мольбой обратился Пилат:
«Решению судей и сам уж не рад.
Ответь мне, Спаситель, в чём был я не прав?»
«Воскрес я, смерть смертью своею поправ».

Прочитав стихи, Гранин попросил Матушку:

– Отложим лирику в сторону и вернёмся к обычной прозе. Чем же в конце концов закончилась эта одиссея о гонении верующих?

– Завершилась эта история – ответила Матушка, - логическим, счаст-ливым концом. В августе 2008 года губернатор смоленской области Анту-фьев и митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, ныне Патри-арх Московский Всея Руси подписали соглашение о передаче в собствен-ность епархии Троицкого монастыря. А меня тогда Митрополит Кирилл и назначил настоятельницей. Монахини проживают в Свято-Никольском скиту, который находится в деревне Николо-Яровне Кардымского района. Для жилья сестёр приспособили здание, в котором была когда-то резиден-ция архиепископа Феодосия, где монахини содержат небольшое хозяйство. В нём несколько коров, кур и другой живности. Так же есть в Николо-Яровне и церковь Николая Чудотворца. Так как издревле почитали здесь Святителя Николая. Отсюда и имя его звучит в названии села, монастыря, скита. А Чудотворный образ Николая Чудотворца хранится в величе-ственном Храме, который был построен в 1816 году на пожертвования императора Александра Первого. Ведь в 1812 году французы его сожгли.

– Матушка, – спросил Гранин – а как обрели прихожане и монахини икону Чудотворца Николая?

– По преданию, место строительства храма было выбрано чудесным образом самим Чудотворцем Николаем. Его икону местные жители нашли посередине колосившегося ржаного поля. А император Александр I и его матушка императрица Мария Фёдоровна посодействовали строительству кирпичного храма. Как только весть о чуде дошла до императора, то он использовал из своих личных кабинетных средств необходимую сумму для строительства Храма. И на месте сожжённой церкви появилось соору-жение каменное.

– Действительно произошло чудо – сказал Гранин. – Есть такая рус-ская поговорка «И в огне не горит, и в воде не тонет». Она соответствует данному случаю.

– Дмитрий, – вступила в разговор Матушка, – как хорошо и своевре-менно вы сказали народную мудрость. У подножия холма издревле бьёт ключ с родниковой чистейшей водой. До Октябрьской революции над ис-точником возвышалась часовня, а дальше простиралось поле, где и отыс-кали чудотворную икону на ржаном поле. В день памяти святителя жители всегда совершали крестный ход. Праздник этот всегда привлекает много-численных паломников из окрестных сёл. Это место у родника особо по-читается местными жителями и приезжими паломниками, потому что, из-вестны множественные случаи исцеления людей, которые попили ключевой воды.

Глава 3. Дороги, которые мы выбираем.

Дмитрий услышав слова Матушки об целительном источнике, вспомнил и о своих детских впечатлениях о родниковой воде.

– Матушка, – сказал Митя, – в нашем селе Яблоневка протекала ре-чушка, которая называлась, как вы думаете, - тут Дима сделал долгую па-узу, а потом выдохнул из груди неожиданное название речки, - Поповка, да-да, Матушка, Поповка.

– А чего тут такого? – пожала плечами Игуменья. – Название, как название. При чём тут название реки и родниковый источник?

Митя заулыбался и стал быстренько объяснять, в чём причина его загадочного возгласа.

– Речка Поповка была каменистая и мелкая – местами воробью по колено. А шириною в три – четыре прыжка. Только берега песчаные. Зато на каждом перекате реки, около бережка, пульсировали ключевые источ-ники. Село простиралось по обеим сторонам

реки и многие сельские жите-ли копали возле своих домов колодцы для полива грядок и для питья до-машнего скота. Но все хозяева для своих нужд ходили за водой на По-повку с двумя вёдрами, которые несли коромыслом на плечах.

– Да, таких речек в наших северных краях после ледникового перио-да было столько, что не пересчитать – пожала плечами Матушка, словно вспомнив молодость и вес тяжёлых вёдер, которые приходилось носить и ей в детстве. Ведь родители днём на работе, а к вечеру надо и чай вскипя-тить, да ужин вкусный приготовить. Поэтому, без родниковой воды пища не будет такой вкусной.

– Это так, – продолжал свою тему Митя, – Но прекрасно, когда есть источник с ключевой водой. И ещё прекраснее, если ключи бьют на каж-дом изгибе речушки. Как только вы, Матушка, мне рассказали о мо-нахинях, которые сочинили гимн о Свято-Троицком монастыре в Смолен-ске:

И каждый камень пел, и своды пели хором,
И небо словно перл, светилось над Собором

– То я сразу же вспомнил мою родную речку Поповку. Ведь она то же протекала возле Храма, с которого сбросили после революции колокол и крест. В Смоленске тоже несколько раз разрушали супостаты Храмы, сжигали их. Но такие подвижники вроде вас, возвращали храмы на круги своя, возрождали их из пепла. А вы одна из этих подвижников. Но как вы выбрали свой путь-дорогу к Богу?

– Вы знаете, Дмитрий, у писателя О'Генри есть одно интересное ли-тературное произведение «Дороги, которые мы выбираем». Так вот, там есть беседа двух приятелей, которые дружили с детства, а когда выросли, то выбрали свой путь к успеху. Только успех – капризная штука. Как го-ворится:

Судьба играет с человеком, она изменница всегда.
То вознесёт его высоко, то бросит в бездну без стыда.

Вот приятели встретились уже взрослыми, и один ухватил жар-птицу, а другой остался гол как сокол. Второй и сетует: «Ты выбрал один путь, а я другой. Нужно было и мне другую дорогу выбирать».

– И что же ответил товарищу успешный бизнесмен? – спросил Митя. А Матушка ответила:

– Он сказал: «Это только мы считаем, что выбираем свои до-

роги. Но это не так. Какую бы ты дорогу не выбрал, результат был бы всё равно такой же, какой он есть у нас сейчас». И тут О'Генри прав. Очень трудно выбрать дорогу к Богу, но сделать это необходимо каждому.

– А как вы, Матушка, выбрали дорогу к Богу? – наконец-то осмелил-ся спросить Митя.

– Дмитрий, – ответила Матушка. – Я ведь только что объяснила, что дороги мы не выбираем, а есть Промысел Божий. Я родилась в глубоко верующей семье и поэтому всегда ходила в церковь. Но стать монахиней… Нет, об этом я никогда не задумывалась, когда я жила в миру, то была обыкновенным человеком. Но знаки своей судьбы получала.

– Каким образом? – удивлённо спросил Митя.

– Помню, захожу в распахнутую дверь трамвая. Поднялась на пло-щадку по ступенькам и огляделась – все сиденья вблизи заняты и вдруг впереди заметила одно свободное местечко и направилась к нему по про-ходу. Иду не спеша и слышу, кто-то сзади кричит: «Игуменья едет, игуме-нья едет». А я тогда даже не понимала, что означает это слово Игуменья. Но раз кричат, может быть какое-то оно неприличное, ругательное.

Матушка задумалась, воспоминания на неё нахлынули и Митя не выдержал и спросил:

– Так вы успели сесть на свободное кресло?

– Нет, – покачала головой Матушка, – я то шла по проходу с задней площадки трамвая, но в нём было три входа и место быстро заняли. Нача-лась суета, толкотня. Меня толкали, показывали пальцем. Рядом стояла женщина, она повернулась ко мне, и с брезгливой гримасой не говорит, а шипит как гадюка: «Фу, как не хорошо от тебя пахнет, чёрная одежда, чёрное нутро. Монашка, монашка, отойди от меня подальше…»

– А вы?

– Да я и рада отойти от неё подальше, но никак, некуда протиснуться. Час пик. Вот! Тут-то и разгулялась чёрная масть злобой – ответила Ма-тушка и добавила.

– Иногда мне приходилось встречаться с людьми высокой духовной жизни. Так вот именно они носят часто одежды чёрного цвета.

– Вот видите, Матушка, не только бывают жизненные неприятности, но встречаются люди, которые окажут поддержку человеку в трудную ми-нуту.

– Да, – кивнула Матушка, – я тогда так и подумала: «Раз мне идут одежды чёрного цвета, значит нужно сшить мне их». И я, не раздумывая, сшила впервые одежду чёрного цвета. Но были у меня наряды разных цветов, пока работала на высоких должностях.

– А кем вы работали? – спросил Митя. И Матушка ответила.

– Пик карьерного взлёта пришёлся на то время, когда я возглавляла аудиторскую фирму, которая со временем вошла в десятку крупнейших фирм в России. И тогда мне даже в голову не приходили мысли, что я ко-гда-то буду носить только чёрные одежды.

А Дмитрий Гранин продолжал задавать вопросы:

– Но прежде чем взойти на пьедестал олимпийского чемпиона, нужно сначала добиться успехов в соревнованиях сельского, городского масшта-ба. Но эта истина касается не только спорта, а и служебной карьеры и по-лучения знаний в вузах. Расскажите, пожалуйста, мне, как вы шагали по карьерной лестнице? Я училась сначала в Кузбасском политехническом институте, на отделении экономики и организации машиностроительной промышленности. Но знания в этом институте очень специфические. И мне захотелось получить более универсальные. Поэтому, я перевелась в Ир-кутский институт народного хозяйства.

Митя оживился:

– А я работал на БАМе, учился на заочном отделении Иркутского института железнодорожного транспорта. А поскольку мы ровесники, то учились оба в одно и то же время в Иркутских вузах.

– Это так, но я осталась учиться в аспирантуре, что бы работать не просто обыкновенным экономистом в отделе какого-то предприятия, а за-нимать более высокие должности, – отозвалась Матушка, на реплику Гра-нина. - Поэтому, после аспирантуры вернулась в Кузбасс и стала работать на угольном комбинате Кузбассуголь главным бухгалтером. А потом пе-реехала в Смоленск.

– Но в Смоленске не добывают уголь. – высказал своё сомнение Дмитрий. А в ответ услышал.

– Бухгалтерия и экономика – это универсальные профессии. Они нужны в любой отрасли народного хозяйства. Любой бухгал-

тер отслежи-вает денежные потоки своего предприятия, работает с банками по креди-там, считает доходы и расходы, или как говорят профи: сводят дебет с кредитом.

Дима оживлённо вставил свою реплику:

– Вы знаете, Матушка, работая на БАМе в строительной фирме, я то же отчитывался перед главбухом о поступлении материалов и их расходе. Главбух, Альберт Золотков, был невозмутимым и педантичным челове-ком. Однажды у меня с ним возник спор при сдаче годового отчёта. Я приводил доводы, доказательства, и в конце концов, услышал похвалу в свой адрес: «Гранин, ты рассуждаешь как настоящий бухгалтер. И зачем ты мотаешься по трассе от Лены до Витима? Переходи к нам в бухгалте-рию». Но разумеется, я не клюнул на эту приманку. А вот фраза Альбер-та: «Ты рассуждаешь как настоящий бухгалтер», дала мне понять, что Зо-лотов считает свою должность самой главной, и потому престижной и вы-сокой.

– Но это и в самом деле так – сказала Матушка. – Экономика и бух-галтерия – это зеркало, в котором отражаются успехи или неудачи любого предприятия. Но есть и обратная сторона финансов. Вспомните слова из одной популярной оперы: «Люди гибнут за металл, за металл! Сатана там правит бал, там правит бал!» А ваш бухгалтер, Золотков, при своей зве-нящей, золотой, фамилии, видит в отчёте не наживу, а порядок в денежных операциях. Ария, про Сатану, который правит балом, не его стихия. А мне пришлось в Смоленске работать главным бухгалтером на разных пред-приятиях: на обувной фабрике, на бриллиантовой и параллельно, я созда-ла и возглавила аудиторскую компанию «АудитСторйИндустрия». Она вошла в десятку крупнейших компаний России.

– Матушка, – сказал Митя, – у меня не укладывается в голове, что бывшая успешная бизнесвумен, вдруг отказалась от всех материальных благ ради служения Богу, стала работать, воспитывать маленьких детей, девочек. И нисколько не жалеете, что ушли от мирской суеты?

– Дмитрий, – ответила Матушка, – ваш вопрос: абсолютно мирской. Что бы оставить фирму, квартиру, большую зарплату и пенсию, необхо-димо было одно: любить Бога. Мне не нужно никаких благ, это временно и тленно. И не сопоставимо с жизнью при Боге.

Митю потрясла эта фраза Матушки: «Всё временно и тленно,

и не сопоставимо с жизнью при Боге». Он мысленно повторил конец этой ре-плики: «И не сопоставимо с жизнью при Боге».

– Вот это да! – сказал вслух Гранин. – Жизнь при Боге. Недаром есть одна поговорка: «Живу как у Христа за пазухой». Но тут совсем другой смысл заключён в этой присказке. Она чиста, материальна и будничная. У Христа за пазухой, можно жить беззаботно – сытно есть и сладко пить, не заботясь о своих близких. А вот «жить при Боге» звучит по иному. Это значяит нужно окунуться в духовный мир.

– Совершенно правильно вы сказали – кивнула Матушка. – Любовь к Богу несоразмерима с материальными ценностями: ну и что тут такого, ну оставила квартиру и не жалею об этом. Мне ничего не надо. Живу в мона-стыре в маленькой келье. В ней есть кровать, на которой можно отдохнуть, поспать, но есть и уголок в келье, где можно помолиться. Зато для детей стараюсь создать все условия для их полноценного развития.

А её воспитанницы, словно почувствовали, что Матушка в беседе со своим гостем ведёт речь именно о них. В дверь постучались, и в кабинет зашли радостной гурьбой воспитанницы Матушки. С радостной улыбкой, девочка постарше, протянула к Матушке вазу на высокой ножке, похожую на вазочку для мороженного, и сказала:

– Мы с девочками, сделали её из таких же подручных средств, как и сферу с нишей внутри для иконы Божьей матери. Пусть эта икона возвы-шается на пьедестале нашей, только что, сделанной вазочки.

– Какая прелесть – всплеснула руками Матушка. – Теперь это не только ниша для иконы, а целый божественный ансамбль, который ласкает глаз и наделяет нежностью душу будущих зрителей.

Тут Матушка заметила, что другая девочка держит за спиной какой-то плакат и спросила воспитанницу:

– Лида, а что ты принесла нам на обозрение и скрываешь свою тайну. Покажи, пожалуйста, какой сюрприз ты приготовила?

– Лида, и ты какой-то сюрприз приготовила и до поры до времени держишь его за спиной? Шило же в мешке не утаишь! Показывай своё произведение искусства – потребовала Маша.

Лидочка с гордостью представила на обозрение картину. На ней бы-ло представлено генеалогическое древо семьи воспитанниц.

Древо было нарисовано в виде яблони с широкой кроной. На ветках, которой зеленела листва и на каждой веточке висели спелые краснобокие яблоки. Но не в натуральном виде. В каждом кружочке была фотография девочки с румя-ными щёчками, на лице каждой сверкала радостная улыбка.

– Какая прелесть! – улыбнулась и Матушка. – И какой символ! Яб-лонька эта символизирует вечную жизнь. Плоды созреют и упадут на зем-лю, а из семечек плодов вырастут новые яблони, и на их ветках появятся плоды. Кстати, яблони плодоносят много лет.

– Да, Матушка, и я об этом думала, когда рисовала этот символиче-ский плакат – обрадовалась Лида. – Деревья, всегда растут и приносят плоды сотни лет, я не жадная и не хочу прожить всего-то лет двести. Зато желаю вам прожить триста лет.

На лице Матушки будто солнышко засияло, и она спросила Лиду:

– Лидочка, деточка, а почему же ты себе отмерила прожить двести лет, а мне желаешь жить триста?

Лида, не задумываясь, выпалила в ответ:

– А потому, я желаю вам прожить лет триста, что бы вы, Матушка, смогли бы похоронить меня по православному обряду!

– Вот это да! – подумал удивлённо про себя Митя. – Не зря в народе есть поговорка «Любовь до гроба». Лида, разумеется фантазёрка, но даже витая в своих фантастических мечтах, девочка во главе угла ставит жизнь её любимой Матушки.

И тут в кабинете Матушки, появилась ещё одна воспитанница и со-общила:

– Девочки, пойдём быстрее в игровой зал, к нам дети приехали из 23-ей школы. Принесли с собой торт, конфетки. Мы уже и чайник поставили кипятить.

Девчушки подскочили, и радостной гурьбой, так же выскочили из кабинета. Одна Лида осталась стоять рядом с Матушкой. Матушка погла-дила Лиду по голове, и сказала: ей

– Иди с богом, раз подружки тебя ждут, отведай лакомство.

Лидочка кивнула головой в знак согласия и тихонько на ушко шеп-нула:

– Я и для вас конфетку припрячу, а когда мы поиграем с девочками из двадцать третьей школы, то я её принесу вам.

– Спасибо, Лидушка, за добрую твою душу, а обо мне не беспокойся - произнесла Матушка. – Я уже не в том возрасте, что бы сладости прино-сили мне радости. Полакомись сама на здоровье и за меня.

Когда Лида с выпорхнула из кабинета Игуменьи, она произнесла фразу, после которой у Димы всё внутри перевернулось.

– Для меня самое огромное счастье – это помогать людям. Хорошо запомнила я один случай. Одна женщина взяла из детского дома на воспи-тание ребёнка, и я пошла с ними, что бы посмотреть условия жизни в её доме. Они были довольно приличные, но приёмная мать мимоходом поде-лилась со мной своей проблемой.

– Вы знаете, Матушка, – призналась мне женщина, – я хотела осве-жить комнату, где будет проживать у меня девочка, поклеить там новые обои. Но их в хозяйственных магазинах почти никогда не бывает… А если и привезут, то выстраивается километровая очередь!

– И вы ей помогли? – догадался Дима.

Матушка не сразу ответила, а потом кивнув головой, подробно начала свой рассказ:

– Я прикинула, что понадобится, трубок пять обоев. Стала загляды-вать в магазин и однажды увидела огромную очередь, и стала дожидаться, когда же я попаду к прилавку. Пришлось мне отстоять несколько часов. Но когда я принесла обои этой женщине, то испытала такую радость, ко-торая не сравнится ни с чем. Потому, что услышала от девочки фразу: «Мама, это вы для меня так стараетесь?» А женщина заплакала. Она впер-вые услышала из уст своей воспитанницы это гордое слово «мама»!

Гранин опустил голову вниз, что бы Матушка не заметила, что у не-го в глазах блеснули слёзы. Успокоившись, спросил сам Матушку:

– Я только раз ходил в церковь, что бы окрестить своего младшего брата вместе с мамой. А кто-нибудь побуждал вас посещать церковь? По-молится в ней?

– В Советском Союзе, после Великой Отечественной войны, уже ни-кто не запрещал ходить в церковь верующим. Наоборот, мне отец всегда говорил: «Доченька, ты хотя бы один раз в месяц, обязательно сходи по-молиться в церкви, поставь там светиться свечу».

Хорошо запомнила, что седьмого ноября школьники ходили на демонстрацию. А за день до этого мы ходили мыться в баню. Потом под одежду надевали иконы, что бы их, посторонний человек не увидел. До сих пор вспоминаю эту деревянную церковь. А когда поступила в институт, то со мной бежали в Божий храм и другие студенты. Ведь внутри его чувствуешь какую-то особую атмосферу благолепия.

– А ваши родители посещали церковь?

– Разумеется. Они же были, я уже говорила, верующими людьми. Мой отец был руководителем на железной дороге, но находил время, что бы зайти в церковь и помолиться. Маме было проще, в церковь она ходи-ла чаще нас. Но мои родители были очень умными и грамотные люди. И ими гордилась не только я, а и все их знакомые. Зато папа давал мне очень дельные советы, а одну фразу повторял часто: «Умей слушать саму себя. Газеты и книги – это хорошо, но всему надо давать свою собственную оценку. Наблюдай мир вокруг себя и внимательно его слушай».

– А были ли, кроме отца и матери, люди, которые давали советы, и вы их воспринимали всей душой?

– Напомню, что по образованию я экономист. Однажды Митрополит Кирилл, теперь он Патриарх Московский и Всея Руси, узнав об этом по-просил меня стать помощницей по экономическим вопросам. Именно он посоветовал перейти из Орши в Смоленскую церковь и благословил меня восстановить деревянное здание для детского дома. Для монашествующих его благословление – закон. Затем Митрополит Кирилл назначил меня и директором детского дома. Но я же не имела педагогического образования и понимала, что без помощников мне будет трудно работать с детьми. Вот и стала подбирать кадры. Ищите и обрящете. Так я познакомилась с за-служенной учительницей Любовью Васильевной Ковалёвой. Она согласи-лась, после беседы со мной, стать моим заместителем. А с такими людьми, можно сделать всё.

Гранин усмехнулся и проговорил реплику:

– В Древнем Риме педагогом называли не учителя, а человека, кото-рый носил книги в школу вместо ребёнка патриция.

Улыбнулась и Матушка:

– Мой заместитель – педагог от Бога. Она умеет не перегружать сво-их воспитанниц заумными пустыми разговорами, ведь де-

вочки разного возраста, а старается дать им знания понятным языком для каждой воспи-танницы. Она не старается всех их причесать на один манер, и работает с каждой индивидуально.

Гранин с восхищением сказал:

– Поэт Евгений Евтушенко однажды в своём стихотворении сказал: «Людей не интересных в мире нет – их судьбы как история планет». Так вот, Матушка, и вы со своими послушницами стараетесь разглядеть в сво-их воспитанницах их планетарную сущность, такую глобальность воспи-тать в подопечных девочках. Что бы они стали личностями с большой бук-вы. Но что бы достичь высокого интеллектуального уровня и требуются хорошие наставники. Но ведь откуда-то появляются брошенные дети. По-чему?

– Односложно сказать об этом нельзя – ответила Матушка. – Вы же сами только что сказали «Людей не интересных в мире нет – их судьбы как истории планет». Вот, например, одна наша девочка воспитывалась в бла-гополучной семье, но вдруг наступили лихие времена и родители потеряли работу. Есть сильные люди, которые могут справиться с любыми трудно-стями, а есть и другие, которые без посторонней помощи не могут выка-рабкаться из сложной ситуации. А помощи-то они не получают. Сунутся в одну сторону, как слепые котята, сунутся в другую, а этих «котят» пнут ногой, будто это футбольный мячик. И слабохарактерные люди ломаются как спички от любой превратности судьбы.

– И вы такие примеры безволия знаете? – спросил Митя Матушку. И она твёрдо заявила:

– Да, бывали такие случаи, когда люди попавшие в беду, не нашли поддержку вовремя. Знаю, что в одной такой семье, мать сначала спилась, а потом умерла. Затем стал спиваться и отец, опустив руки, бросил рабо-тать. Вот и пришлось девочку отдать в детдом. Нам с Любовью Васильев-ной пришлось долго бороться со стрессом этой девочки, который и воз-ник-то в результате такой катастрофической ситуации.

Гранин, тяжело вздохнув, сказал:

– У меня в голове не укладывается, как можно поступить в такой си-туации. Вы же не сможете заменить им родителей.

Но Матушка отрицательно покачала головой:

– Заменить родителей нельзя, но ведь были же у родителей

родствен-ники. Для одной мы нашли родственников в Курганской области, для дру-гой в Брянске, для третьей аж в Санкт-Петербурге. Девочки пишут им письма и так радуются когда получают ответы. Ведь доброму слову лю-бой человек радуется. Если есть возможность, то мы встречаемся с этими родственниками, рассказываем им об успехах наших воспитанниц и пред-лагаем встретиться и пообщаться с родными людьми. Тепло родственной души быстрее поможет девочкам избавиться от стресса. Нашим воспитан-ницам становится легче, когда они узнают, что они не трава перекати-поле, а имеют собственные корни. Узнав, что у них есть дяди, тёти, то они со-вершенно по другому себя чувствуют.

– Вы ведёте такую подвижническую работу, Матушка – сказал Дима. – Что мне кажется, что вы можете приютить под своим крылом всех обез-доленных детей.

– Как говорил Козьма Прутков, – улыбнулась Матушка. – «Необъят-ное не обнимешь». Но стремиться у этому нужно каждому православно верующему человеку.

– Но Матушка, – сказал Гранин, – ведь и вам хочется, что бы дети не попадали в любой детдом?

– Разумеется, – кивнула она. – Но всегда надо смотреть в корень: за-ниматься профилактикой, помогать семьям, попавшим в трудную ситуа-цию. Тогда не будет столько детдомов, сколько есть у нас и столько детей, которые проживают в них. А ведь в нашей стране есть много служб, кото-рые должны заниматься этим благородным делом. Существуют органы опеки, отделы соцзащиты, комиссии по делам несовершеннолетних, струк-тура департамента по соцразвитию, работают сети реабилитационных цен-тров.

– Матушка, – удивился Гранин. – Я вырос в большой и дружной се-мье, и меня не затягивали ни в какие сети и я не знал, что столько органи-заций должны создавать для ребятишек счастливое детство. В нашей семье не хватало новой одежды, и младшие донашивали рубашки или платья старших братьев или сестёр. Жили не особенно сытно, и поэтому собирали ягоды, грибы, ловили рыбу и раков в речушке. Зато хорошо учились и поговорка: «Ученье – свет, а не ученье – тьма», была не про нас. А ваши подопечные как сыр в масле катаются. Что вы думаете о том, что же нужно делать, что бы дети не попадали в детдом?

– О различных службах, которые должны помогать детям, – сказала Матушка. – Я уже довольно подробно говорила, а заботу о наших воспи-танницах вам объяснять не стану. Вы слышали, и видели как они живут сами. Мы стремимся, что бы наши воспитанницы, не ощущали, что живут не в семье. Они сами, как и в вашей огромной семье заботятся друг о дру-ге. Старшие помогают младшим, а младшие радуют старших своими успехами в школе. Да им и не нужно ходить в обносках, в которых вы росли. Они у нас аккуратисты и если вырастают из одежды и обуви, то по-лучают новую.

– Но Матушка, ведь не вечно же они будут жить при вашей опеки – откликнулся Дима. – Ведь после окончания школы, они станут самостоя-тельными людьми и будут в поте лица зарабатывать хлеб свой насущный. У вас есть планы о будущем ваших питомцев?

– Об этом я только и думаю, Дмитрий – кивнула Матушка. – Пока они находятся в детдоме, мы должны понять их наклонности, навыки, учить и развивать увиденные способности детей. В нашем епархиальном православном детском доме мы работаем именно так, узнавая способности девочек. Мы уделяем много времени, просматриваем, занимаемся и посто-янно спрашиваем их о чём они мечтают, кем хотят стать.

Дима спросил Матушку:

– Получается, как в стихотворении Маяковского: «Кем быть?»

Матушка тут же ответила:

– Я считаю, что лучше спросить: «Кем они хотят стать?» И они отве-чают нам: кто-то хочет стать бухгалтером, кто-то врачом, а кто-то…

Матушка улыбнулась загадочно, и выдержав многозначительную паузу, закончила фразу мигом:

– … православной Матушкой!

Тут и Гранин широко улыбнулся: рот до ушей, хоть завязочки при-шей. И ярко прокомментировал:

– Это же понятно! Вы же для них эталон тепла, любви и доброты. Поэтому и хотят быть похожими на свою Матушку. Многие позабыли своих биологических матерей, а кто-то из них если и вспоминают свою ма-му, то заливаются краской стыда за их недостойное поведение, пьянки… Вы, пожалуйста, расскажите мне, к чему стремятся ваши воспитанницы.

– Я только их об этом и расспрашиваю, - сказала Матушка. – Есть ли у девочек хороший, звонкий, с переливами тонов голос. Если дар Божий у неё есть, то будем развивать его. И если в хоре нашего детдома он про-явится, то можем направить и учиться. Например в Гнесинку. Сейчас все наши дети учатся в музыкальной школе на хоровом отделении. Должны же мы определить их будущее, так как это православный епархиальный дом. И они у меня пойдут в духовное училище, а не разбредутся после окончания школы кто куда. Для них, мы заботимся, уже определена рабо-та: кто-то станет регентом хора, а кто-то – петь в хоре.

– Это здорово! – воскликнул Гранин. – Они у вас как за каменной стеной. Вы позаботились об их будущем, а там уже как время покажет, ес-ли будут стараться и совершенствовать свои музыкальные способности…

Тут Митя не успел закончить фразу, как Матушка приняла у него эс-тафету и продолжила:

– … то будут продолжать учиться дальше в институте. Епархия оплатит учёбу в институте. Пусть продолжают развивать свои способно-сти. Работа и зарплата для них обеспечены. Но мне кажется, что многие определятся и в своей личной жизни. Могут, например, выйти замуж за священников нашей епархии. И мир им и любовь.

Гранин покачал головой и добавил, дополнил Игуменью:

– Когда я делал пометки в своей записной книжке, то писал слово «Матушка» с маленькой буквы, а теперь понял, что нужно сделать по-правку. Сейчас я буду писать слово «Матушка» с заглавной буквы. Кста-ти, не только я считаю, что вы планку в отношениях с детьми подняли на небывалую высоту. Из прессы я узнал, что уполномоченный по правам ребёнка в России Павел Астахов назвал ваш детдом образцово – показа-тельным. Трудно ли вам теперь соответствовать этому титулу – образцо-вый?

Матушка, не раздумывая ответила:

– Взялся за гуж, то не говори, что не дюж. У меня и в мыслях не бы-ло. Не было такого высокомерного стремления. Я не думала про нас: об-разцовые мы или нет. Но одно могу сказать, что непутёвыми мы никогда и не были.

Митя заметил лукавые искорки в глазах Матушки. И хотя он не поз-волил себе прервать её ответ, но обоюдное взаимопонимание

он почув-ствовал каким-то шестым чувством. А Матушка продолжала говорить:

– Мы все, весь коллектив, любим девочек, очень ответственно к ним относимся. Дети у нас ухожены и досмотрены. Такое бывает не в каждой семье. И дети без всякой указки стараются помочь нам.

Вот тут Гранин и решился задать вопрос:

– Матушка, а наказываете ли девочек за их шалости?

Игуменья молча пожала плечами, мол какие, такие наказания? Но через мгновенье всё таки пояснила:

– Дмитрий, самое огромное наказание для провинившихся воспитан-ниц – пригрозить, что при повторе такого поступка, их переведут в другой детский дом.

Митя тоже решил немножко поиронизировать:

– Достоевщина какая-то. Чуть ли не новый сюжет для Фёдора Ми-хайловича со старым названием: «Преступление и наказание». Но мне Ма-тушка, хочется вернуться к теме животворящего действия чудодейственно-го источника. И я прошу рассказать о его воздействии на людей после ку-пания поподробнее.

Матушка произнесла:

– Если вы желаете узнать подробности, то слушайте. Этому источни-ку уже четыреста с лишним лет. Я слышала от многих людей о случаях исцеления и получения благодати. Но слухи слухами, а только практика – критерий истины. Несколько лет назад, мы решили проверить качество этой воды. И анализ показал, что вода чистейшая. После опроса прихо-жан, я поняла, что после регулярного употребления этой воды людей у ко-торых болеют почки, работа их улучшилась, а камни в желчном пузыре чудесным образом растворялись.

– И это после питья не кипячёной воды? – уточнил Дима.

– Да, – согласилась Матушка, и добавила – Мы иногда кипятили род-никовую воду в чайнике и, о, чудо! Накипь на дне и стенках чайника бес-следно исчезала. И он сиял, как новый пятиалтынный!

– А как вы можете объяснить такой эффект? – спросил Гранин. А Ма-тушка не полезла за словом в карман и ответила мгновенно:

– Объяснение очень простое: земля духовно насыщенная. Ведь за че-тыре столетия поблизости от источника поселялось много монахов и схим-ников. Я как-то прогуливалась по местам, приле-

гающих вокруг источника и увидела много ям в которых молились отшельники. Ключевая вода име-ет постоянную температуру – плюс четыре градуса. Но после погружения купальщиков в воду, люди не заболевают, а излечиваются.

– А как вы, Матушка, узнали о лечебном свойстве воды из источни-ка? – спросил Дима.

– Об этом мне рассказывали паломники – ответила Игуменья. – По-сле регулярных погружений в воду источника у людей снимали даже группу инвалидности.

– С каких краёв приходят паломники к источнику? – задал вопрос Митя. И Матушка, взмахнув кистью руки, сказала:

– Со всех концов нашей необъятной родины – России! Да и наши со-седи приезжают частенько из Белоруссии. Жалко, что Украинцы перестали дружить со своими соседями. Зато все люди, которые искупались в источ-нике, рассказывали мне, что после купания в источнике у них улетучива-ются тревоги, улучшается настроение, хочется любить и обнимать всех людей. Но самое главное, хочется тут же помолиться Богу.

Гранин только развёл руки по сторонам, а потом трижды перекре-стился и сказал:

– Я сожалею, Матушка, об одном. Как же случилось у некоторых украинцев затемнение в голове. И на эту тему я даже написал стихотворение.

– Так расскажите мне его – предложила Игуменья.

Гранин откашлялся и продекламировал вслух:

Три сестры, три словенских лебёдушки
Над озёрною гладью взлетели.
Затуманил дурман им головушки
И дружбу их замели метели.
В день Победы совместной, великой
В той войне, где горела и сталь
Недобитки фашистской клики
Оголтело орали: «Зиг хайль!»
Но напрасно старались уроды…
Заграница ведь им не поможет
Вокруг мира сплотятся народы
И безумных мерзавцев стреножат!

Митя понимал, что его стихотворение политизированное. Но пере-живал, что на Украине власти уже перешли красную черту: началось гоне-ние православных верующих. Это кощунство – захват православных церквей. Понимала это и Матушка, но решила не вступать в политические баталии, а сказала:

– Бог им судья! Только он может или осудить или наказать бого-хульников.

И Гранин переключился на другую тему:

– Матушка, когда вы мне рассказывали про икону, которую нашли на ржаном поле, я вспомнил ещё одно стихотворение, балладу о хлебе 1941 года. Тут герой этого стихотворения совершает неожиданный посту-пок.

– Война всегда начинается неожиданно – признаётся Игуменья. – Как впрочем, никто не знает, когда война закончится. О чём же конкретно ва-ша баллада о хлебе?

– Если вы не возражаете, то можно, я прочту его – сказал Гранин. А Матушка подбодрила Митю:

– Рассказывайте.

Дмитрий на мгновение замер, а потом подняв руку, стал читать стихотворение:

Хлеб разрежешь – он белый, белый
С золотистой корочкой спелой.
Сверху, чуть потемней, румяней
От разреза – запах дурманный.
Цвет зимы и весны, и осени.
Хлеб впитал своими колосьями.
От шального, хмельного, вольного
Ветра, хлеб колыхался волнами.
Умывался дождями, росами.
Хлеб зерном наливался к осени.
Только осенью этой горькой
Не дождалось после уборки.
А сапоги на подковках из стали
Хлебные стебли без жалости мяли.
Вечером в небо взметнулась зарница
В поле костром загоралась пшеница.
Тот, кто ладонями поле взлелеял

Хлеб свой на ветер, на пепел развеял.
Лишь на щеках: закопчённых и грязных.
Белые шрамы прорезались сразу.

Наступила тишина, но вскоре заговорила Матушка:

– Вначале стихи меня заворожили, я даже как наяву почувствовала душистый запах хлеба, только что испечённого. Но напряжение нарастало с каждой строчкой и самим чуть ли на глазах не навернулись слёзы.

– Да, у меня уже у самого – признался Гранин, – голос задрожал, но свои слёзы всё-таки сдержал. Я слышал, Матушка, и вы с вашими мо-нахинями то же выращиваете хлеб около Свято-Никольского Скита, рас-положенного около села Николо-Яровне.

Матушка кивнула и сказала:

– Мы при обители, как только я прибыла в Скит, создали аграрное хозяйство. Губернатор Алексей Орлов выделил нам в Николо-Яровне 410 гектаров пахотной земли.

– Да куда же вам, Матушка – удивился Митя – столько угодий? Ведь в Ските проживают немного монахинь, что их и по пальцам можно сосчи-тать.

Матушка, не ответив на вопрос нетерпеливого собеседника, продол-жила рассказывать про аграрное хозяйство скита:

– Помог губернатор нам, и достроить коровник. А на полях монахи-ни успешно выращивают овощи, зерновые, картофель.

– Это сказка какая-то – сказал с восхищением Гранин. – Кисельные берега и молочные реки. Да и обрабатывать столько земли требуется тех-ники, а не нежные женские руки.

– Необходимая техника в Скиту имеется, а когда начинается полевая страда, мы нанимаем деревенских механизаторов, да и при уборке они нам помогают.

– А зачем вам, Матушка, столько зерна, овощей, молока нужно? – спросил Дима.

Игуменья улыбнулась и ответила:

– Вообще-то нам продуктов нужно и больше. Ведь мы выращиваем сельскохозяйственную продукцию не только для нужд нашей Епархии. Молоко необходимо для воспитанниц православного детского дома, для самих монахинь и для служителей епархии. Да и остальная продукция нужна для епархии и семинарии. Кроме этого,

мы занимаемся и благотво-рительностью. Помогаем больным, инвалидам, детям, попавшим в труд-ную ситуацию.

– Но вам одной разве можно знать про всех, кто нуждается в посто-ронней помощи? – удивился Митя. А Матушка тут же ответила:

– Есть сарафанное радио, а о нашей благотворительности земля слу-хами полнится. И мы по необходимости помогаем, кто попал в беду. По-могаем мы им не только овощами и картофелем. Собираем поношенную одежду, обувь, которые ещё можно одевать, но уже не по размеру для хо-зяина. Вот и раздаём собранные вещи нуждающимся.

– А сами-то, как вы питаетесь?

– Да вместе со всеми монахинями.

– Только ли местные жители обращаются к вам за помощью? – спро-сил Гранин. И Матушка, тяжело вздохнув, ответила.

– Сейчас сложилась очень взрывная обстановка на Украине, идёт война. И в Смоленск приехало много беженцев. Они приходят к нам, про-сят поддержки. При том поддержки не только материальной, но и мораль-ной. Поэтому не можем никому отказать. Да и обращаемся мы иногда ко всем Смолянам: «Помогайте беженцам, чем можете, ведь им сейчас очень трудно живётся. И вам всем воздастся сторицей. Бог милостив и поможет в трудную минуту и вам».

СОДЕРЖАНИЕ

КАПЕРАНГ И ГЕНЕРАЛ ОТ ЛИТЕРАТУРЫ 3

Предисловие 3

Глава I. В начале было Слово. И это слово – Бог! 7

Пасха 44

Глава II. Когда усталая подлодка… 61

Россия – родина моя! 110

Глава III. Когда играет Лира, то Муза – тут как тут 120

Россия – Родина моя! 153

Родительский дом – начало начал… 195

МАТУШКА 254

Глава 1. Славу не ищут, она сама найдёт тебя 254

Глава 2. Исторический экскурс 263

Глава 3. Дороги, которые мы выбираем 271